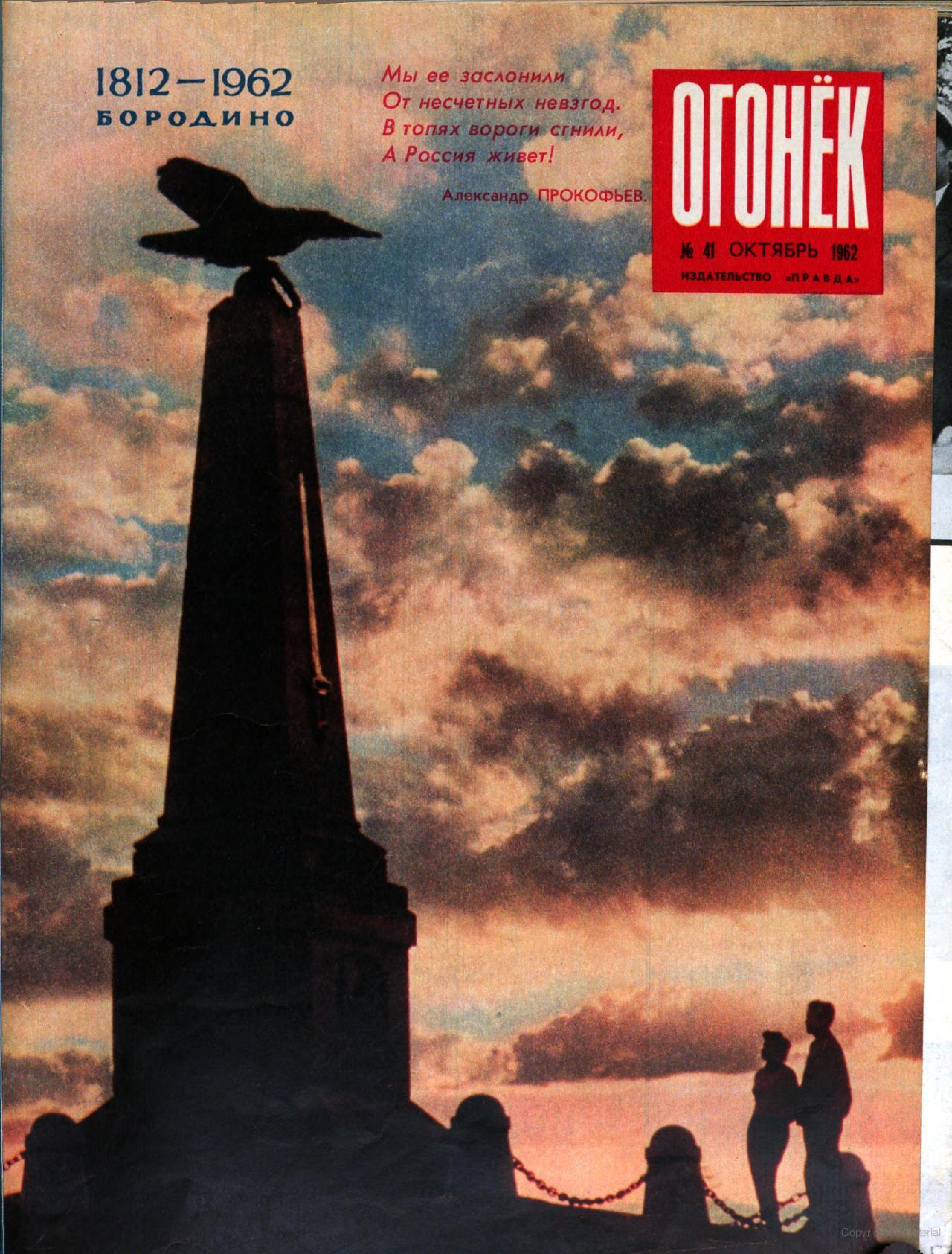

1812—1962
БОРОДИНО
Мы ее заслонили
От несчетных невзгод.
В топях вороги сгнили,
А Россия живет!
Александр ПРОКОФЬЕВ.
ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

П. ПИНКИСЕВИЧ.

Литографии из серии «БОРОДИНО»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 41 (1842)

7 ОКТЯБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ КНИГИ

«Когда видишь, как живут и работают трудящиеся вашей республики, испытываешь большую радость и гордость. Перед тобой словно раскрываются живые страницы книги, которая написана Лениным, о социалистической революции, о дружбе народов, об их интернациональных связях и чувствах» — эти слова произнес, выступая на митинге трудящихся Ашхабада, Первый секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

Шесть дней провел Никита Сергеевич Хрущев на щедрой земле Туркмении. Он впервые посетил эту республику.

В Гяурской долине Никита Сергеевич побывал на вновь освоенных землях в зоне третьей очере-

Н. С. Хрущев в Таджикистане. Сердечно встретили дорогого гостя в колхозе имени XXII съезда КПСС.

1812 1962 БОРОДИНО

ПРО ДЕНЬ БОРОДИНА...

Мих. АЛЕКСЕЕВ

Скромнейший русский человек Антон Павлович Чехов, в добрых, умных глазах которого скорее можно увидеть горькую усмешку, нежели несокрушимую ухмылку гордеца, тем не менее в своей пародии на Жюля Верна — «Летающие острова» рассказал нам — и не без гордости — одну удивительную историю. Он поведал о том, как иностранный ученый по имени Вильям Болваниус, до этого сочинивший брошюрку «Способ стереть вселенную в порошок и не погибнуть в то же время», вскарабкался на другую планету и поздравил было свою страну с ее новым завоеванием, а уже на следующий день с ужасом обнаружил на этой планете объявление, написанное на «одном из варварских языков, кажется, русском». «Прррроклятие! — закричал мистер Болваниус.— Здесь были раньше нас!!! Кто мог быть здесь!! Прррроклятие! Оооо! Размозжите, громы небесные, мои великие мозги! Дайте мне сюда его! Дайте мне его! Я проглочу его, с его объявлениями!»

После того, что случилось на нашей земле и чему мы живые свидетели, уже нетрудно убедиться в том, что фантазия Антона Павловича была далеко не беспочвенна. Чехов писал свою пародию в шутливой манере. Но разве мы не чувствуем за этой шуткой глубокую веру в свой народ, в его разум, в его волю, в его великое будущее!! Раскованные Октябрем — недаром же зовут его ныне Космодромом Века! — руки и ум русских людей стали творить чудеса на виду всего остального мира.

Однако ж прежде чем творить такие чудеса на нашей земле, нужно было эту землю «отвоевать» и «полуживую выня́нчить», для чего пришлось обильно оросить ее кровью верных и преданных сынов России. Думается, о них-то и следует прежде всего сказать в день Бородина.

Лишь глухой и незрячий, либо ослепленный ненавистью к нашему Отечеству может не знать того, что за сорок пять лет Отечество это проделало такой гигантский путь, на прохождение которого при иных исторических обстоятельствах ему потребовались бы столетия. Но мы не Иваны, не помнящие родства. Мы оказались бы плохими сыновьями и дочерьми своей Родины, если бы в упоении успехов наших забыли о великих предках, кому мы обязаны тем, что русская земля раскинулась «от финских хладных скал» до Тихого океана. Воздвигая сооружения на Иртыше, мы не забываем, что под его студеными волнами нашел свой вечный покой казак Ермак Тимофеевич, который пришел на дикие эти брега, чтобы было где развернуться душе русского человека во всю его ширь и неукротимую силу.

Дмитрий Донской, Александр Невский, нижегородский купец Кузьма Минин и московский князь Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов и тысячи тысяч оставшихся безвестными русских ратников, окропивших своею кровью поля России,— разве мы, праправнуки, наследники вашей славы, разве мы вправе забыть о бессмертных подвигах ваших!! В день 150-летия со дня великой битвы под крохотным и до того безвестным селеньицем Бородином мы обнажим голову и в трепетно-скорбном и величавом благоговении поклонимся праху вашему, верные сыны России, никогда не смирявшиеся пред наглыми нашествиями чужеземцев и завещавшие нам эти черты своего гордого духа! Дух этот витал над нами, когда мы четыре года вели неслыханную по кровопролитности и жестокости войну с фашистскими полчищами.

Брестская крепость. Многие годы после недавней войны хранила она молчание. До самых последних лет мы, по существу, не знали о судьбе ее защитников, о подвигах ее бессмертного гарнизона. И вдруг, нарушив долгую немоту, крепость заговорила, заговорила голосом живых героев, голосом смятого и найденного под развалинами листа, голосом стреляных гильз у навеки умолкшего пулемета на дне обвалившегося окопа, голосом святых останков красноармейцев и командиров, также обнаруженных при этих скорбных раскопках и теперь захороненных вблизи крепости в братской могиле. Они сражались до последней человеческой возможности, сражались, не зная — и это было самое страшное! — не ведая:

> Что там, где она, Россия,
> По какой рубеж своя!

Кто знает: не лежат ли теперь эти славные русские воины рядом с теми, кто сложил тут свои головы сто пятьдесят лет назад!..

Нашествия на Русь следовали одно за другим, как морские волны во время великого шторма, и так же, как волны, вдребезги, в пыль разбивались о ее несокрушимую твердь. И это не просто слова. Это говорит голосом неотвержимых фактов сама история. И до чего ж обидно, что простой этой сути не может одолеть короткий и слепой разум современных мистеров Болваниусов, в безумстве своем мечтающих о способе стереть в порошок если уж и не всю вселенную, то хотя бы ненавистный им Советский Союз.

Суть же эта действительно очень проста.

Ежели Россия, в тысячу раз слабейшая против той, которой она предстает сейчас, не убоялась завоевательских поползновений своих многочисленных и, скажем прямо, нередко очень грозных и сильных недругов,— разве же убоится она теперь, могущественнейшая держава мира, имеющая к тому же столь мужественных и готовых в любой час к ратным делам сынов и дочерей!!

В славный день Бородина нелишне обо всем этом хорошенько поразмышлять.

Поезд пришел в Небит-Даг, город туркменских нефтяников.

На митинге в столице Туркмении.

ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ ВЕЛИ

Большой разговор шел в Небит-Даге с бригадой коммунистического труда, которой руководит мастер О. Атаев.

В совхозе «Москва», Марыйской области, Н. С. Хрущев беседовал с механизаторами.

ди Каракумского канала. Трудящиеся очень тепло встретили главу Советского правительства. Побеседовав с дайханами, Н. С. Хрущев заметил, что на вновь осваиваемых землях, видимо, следует создавать совхозы: они будут давать более дешевую продукцию.

Множество ценных советов дал Никита Сергеевич труженикам сельского хозяйства Туркмении, и они с живой благодарностью принимали эти советы.

— Мы очень рады, что Вы, Никита Сергеевич, приехали к нам,— говорили дайхане.— Вы наш самый почетный и уважаемый гость. Заверяем Вас, нашу партию, что не пожалеем сил для выполнения планов строительства коммунизма!

А потом были встречи с нефтяниками Туркмении. Жители Небит-Дага — «Нефтяной горы» — и совсем молодого поселка Котурдепе сердечно приветствовали Н. С. Хрущева. Никита Сергеевич расспрашивал рабочих об их жизни, заработках, питании, интересовался перспективами развития молодой нефтяной промышленности республики, использованием газа. Никита Сергеевич сфотографировался с членами бригады коммунистического труда мастера О. Атаева.

По пути в Ашхабад поезд, в котором находились Н. С. Хрущев и руководители Туркменской республики, остановился у небольшого селения между станциями Ахча-Куйма и Перевал. Здесь в 1918 году были расстреляны двадцать шесть бакинских комиссаров. Никита Сергеевич и руководители Туркменской республики возложили венки к подножию памятника.

В столице Туркмении Н. С. Хрущев побывал у ашхабадских ковровщиц, посетил Академию наук Туркменской ССР. На общегородской митинг, посвященный пребыванию Н. С. Хрущева в Туркмении, собралось более 20 тысяч человек.

Туркмены говорят, что хороший день — подарок путнику. И все дни, проведенные Н. С. Хрущевым в Туркмении, были хорошими днями — празднично солнечными, ясными. Радостно улыбались люди, встречая дорогого гостя, и так же радостно улыбалось синее, ласковое небо.

Из Туркмении Никита Сергеевич Хрущев отправился в столицу солнечного Таджикистана — Душанбе. Улицы города в торжественном убранстве. На кумачовых полотнищах лозунги: «Дадим Родине в 1962 году 520 тысяч тонн хлопка!», «Досрочно выполним исторические решения XXII съезда партии!». И снова теплые встречи, дружеские рукопожатия.

В Душанбе Н. С. Хрущев посетил выставку, на которой представлены промышленные изделия, образцы полезных ископаемых, продукты сельского хозяйства. Экспонаты выставки неопровержимо свидетельствуют, что трудящиеся Туркмении прилагают все усилия к тому, чтобы сделать свою республику еще краше, чтобы умножить ее богатства, чтобы успешно претворить в жизнь исторические решения XXII съезда КПСС.

Из Душанбе Н. С. Хрущев направился в поездку по республике.

Фото М. САВИНА,
специального корреспондента
«Огонька»

КОЙ КНИГИ

В гостях у ашхабадских ковровщиц.

В Академии наук Туркменской ССР Н. С. Хрущев осмотрел гелиоустановки и аппараты, позволяющие использовать тепловую энергию солнечного излучения.

Интервью «Огонька»

ПРИМИ, ОТЧИЗНА, ДАР БОГАТЫЙ!

И. ЗАМЕТИН,
председатель исполкома Ростовского областного
Совета депутатов трудящихся

Чудесная золотая осень стоит у нас на Дону. По утрам уже чувствуется прохладное дыхание октября. Но днем солнце еще по-летнему ласкает степи. Только власти у лета нынче куда меньше, чем было в июле или августе. Путь у солнца стал короче, и, когда над степью загорается вечерняя зорька, осенним багрянцем отливают рощи и лесопосадки.

Осень справедливо называют порой плодов. Нынешняя осень у хлеборобов Дона — славная пора трудовых радостей: в 1962 году земледельцы Ростовской области собрали невиданно за всю историю богатый урожай. Только труд с чистой совестью, отданный родному народу, труд в полную меру может щедро вознаградить человека.

Тут я не могу не вспомнить горячего призыва украинской колхозницы Надежды Григорьевны Заглады. Ее слова отозвались в самом сердце труженика: честно, добросовестно стремиться каждое дело выполнить так, чтобы не краснеть ни перед собой, ни перед народом. Вот почему большой разговор о трудовой чести, начатый Н. Г. Загладой, так взволновал весь народ.

В августе первой Ростовская область доложила Центральному Комитету партии, Советскому правительству, Никите Сергеевичу Хрущеву:

— Есть сто семьдесят миллионов пудов хлеба! На тридцать миллионов пудов больше, чем предусматривалось государственным планом!

Тогда же, подсчитав свои возможности, хлеборобы взяли дополнительное обязательство: засыпать в закрома Родины еще десять миллионов пудов зерна. И вот теперь и это свое слово донские хлеборобы с честью сдержали. Вместо десяти миллионов пудов хлеба они продали государству еще шестнадцать миллионов. А всего в закрома отечества засыпано сто восемьдесят шесть миллионов пудов добротного донского зерна. Это на сорок шесть миллионов пудов больше плана и на пятьдесят миллионов пудов больше, чем было заготовлено в прошлом году. Одной лишь прекрасной, литой донской пшеницы страна получила от хлеборобов нашей области сто пятьдесят восемь миллионов пудов. Сдача зерна государству продолжается. Так наши земледельцы встречают первую годовщину исторического XXII съезда партии и большой всенародный праздник—сорок пятую годовщину Великого Октября.

Что же обеспечило нам такой успех в увеличении производства и заготовок зерна?

Прежде всего претворение в жизнь решений XXII съезда партии и мартовского пленума ЦК КПСС. Труженики Дона пересмотрели структуру посевных площадей, внедрили высокоурожайные культуры, самоотверженно растили хлеба. В среднем по области с каждого гектара собрано больше чем по сто десять пудов зерна. Многие хозяйства получили по двести и больше пудов пшеницы с гектара.

В нынешнюю жатву очень широко применялась техника. На повышенных скоростях работали около восьмисот жаток, действовали тысяча двести спаренных и строенных жатвенных агрегатов. Колосовые культуры скосили за шесть — восемь рабочих дней. Добрая примета этого года — повсеместная, поистине всенародная борьба с потерями хлеба на поле и при перевозках. Способствовала ей раздельная уборка в сжатые сроки.

Если бы кто-либо сейчас попросил перечислить имена всех героев выигранного сражения за донской хлеб, то просьбу эту выполнить было бы невозможно. Много людей не жалело сил для того, чтобы вырастить и собрать наш на редкость щедрый урожай.

Подумать только, лишь рабочие одного знаменитого совхоза «Гигант» сдали родной стране свыше трех миллионов пудов хлеба! Заме-

чательно трудились тракторист Виктор Малюгин, комбайнер Михаил Боровлев.

Многие колхозы Дона уборку и хлебосдачу вели и днем и ночью. Горячая страда продолжалась круглосуточно. Первым на Дону выполнил государственный план хлебосдачи колхоз имени Ленина, Пролетарского района. Обком КПСС и облисполком вручили труженикам этой артели красное знамя. Отличились на уборочном фронте также Кагальницкая сельхозартель имени Калинина, колхоз имени 1 Мая, Песчанокопского района, колхоз «Красный Октябрь», Веселовского района.

Беспрерывным потоком шли тяжелые автомашины к элеваторам.

Горячие дни жатвы остались позади. Колхозы и совхозы области полностью обеспечили себя семенами, выдают хлеб на трудодни колхозникам, засыпали фураж для скота, создали необходимые продовольственные и страховые фонды.

В эти дни труженики донских степей направляют свои усилия на быстрое завершение всех текущих сельскохозяйственных работ. В центре внимания сейчас уборка кукурузы — ее засыпано уже в полтора раза больше, чем в прошлом году,— и сахарной свеклы. Развернулась косовица подсолнечника. Государству будет сдано восемнадцать миллионов пудов маслосемян. Колхозы и совхозы завершают уборку риса, фруктов, овощей, винограда, стремятся побольше дать этих продуктов горожанам.

Пока дозревают и снимаются плоды, земледельцы хлопочут о будущем урожае. Хозяйская их забота красноречиво выражена в популярной на Дону поговорке: «Комбайн с поля — плуг в борозду!» Озимые у нас будут посеяны на площади два миллиона семьсот тысяч гектаров. Почти все поля засеваются высокоурожайными сортами пшеницы. Решено к 20 октября закончить подъем зяби. Идет подготовка семян кукурузы, гороха и сахарной свеклы.

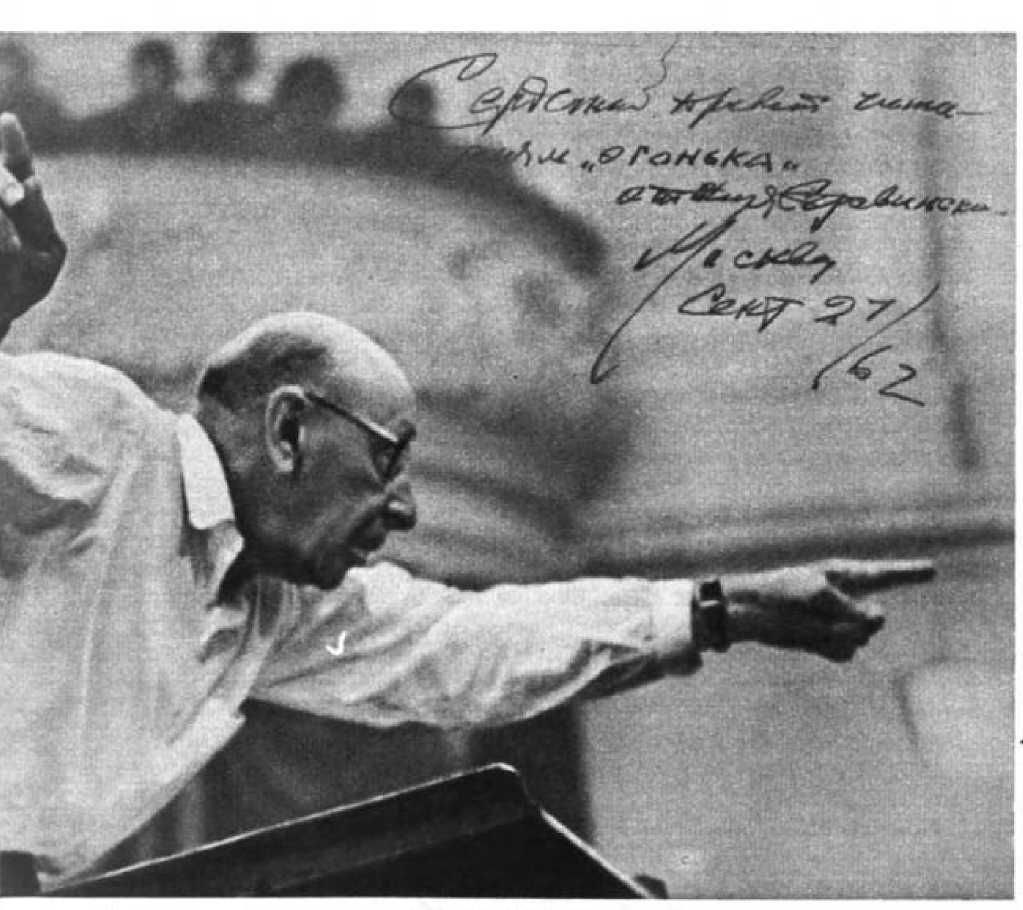
Мы хорошо понимаем, что проделанное нами — лишь начало, первые шаги по пути к созданию материального изобилия, предначертанного в исторических решениях XXII съезда КПСС.

ПУСТЬ КРЕПНЕТ ДРУЖБА!

Снимки получены самолетом из Белграда от редакции югославской газеты «Борба».

В Белграде и Сплите, в Любляне и в Загребе — повсюду на земле Югославии Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева ожидал сердечный, дружественный прием. Тысячи людей выходили на улицы городов и сел, чтобы сказать слова привета советскому гостю. Югославская печать широко освещала на своих страницах визит товарища Л. И. Брежнева, подчеркивая, что народы наших стран искренне стремятся укреплять и развивать дружбу, скрепленную кровью, пролитой в совместной борьбе против фашизма.

Теплота и радушие, с которыми Федеративная Народная Республика Югославия встречала посланца Советского Союза,— яркое выражение искренней симпатии трудящихся ФНРЮ к своим советским друзьям.

Большой зал Консерватории. Репетиция. Дирижирует Игорь Стравинский.

Фото А. УЗЛЯНА.

«ВЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕ

Эти слова сказал Игорь Федорович Стравинский москвичам — слушателям его первого концерта. И 1750 человек, собравшихся в этот вечер в Большом зале Консерватории, ответили ему долгими аплодисментами.

Так состоялась встреча одного из старейших композиторов, Игоря Стравинского, с земляками после полувековой разлуки.

Этой фразой начинал Стравинский свои выступления по московскому радио и телевидению, с этой фразы началось и интервью, которое дал он корреспонденту «Огонька» И. Вершининой.

— Вы не представляете, как я счастлив. Я кому-то уже сказал, что влюблен в Москву. Я много видел городов, но Москва меня покорила.

Я не буду говорить о городе; об этом я уже бесконечно говорил корреспондентам газет,— сейчас мне хочется сказать несколько слов об искусстве.

В первый же вечер моя жена Вера Артуровна, я и Роберт Крафт — дирижер, с которым мы вместе работаем с 1948 года, слушали в Большом театре оперу «Борис Годунов». Постановок «Бориса» я видел много. Собственно, эти слова мне придется повторять бесконечно, о чем бы я ни говорил, так как я действительно очень много путешествовал и очень много видел. Так вот о «Борисе». Превосходная постановка! Мне нравится, что это не модернизация; спектакль выдержан в традициях 70-х годов прошлого века — того времени, когда Мусоргский писал свою оперу. Бориса пел наш американский певец, а Дмитрия — какой-то изумительный тенор, к сожалению, я не запомнил фамилии[1]. Я ежедневно знакомлюсь со столькими людьми, что просто не в состоянии запомнить все имена. Покорил меня и другой спектакль Большого театра — «Война и мир» Прокофьева. Мне особенно приятно было слушать эту оперу: ведь с Прокофьевым мы были друзьями, переписывались много лет... Я мог бы говорить в такой же превосходной степени о «Маскараде» в Малом театре и обо всем, что здесь вижу... Но особо мне хочется сказать о Государственном симфоническом оркестре.

Я знаю оркестры многих стран, ведь я долгое время давал не только авторские концерты. Я гастролировал как дирижер, исполняя Чайковского, Шумана, Вебера, Глинку, Моцарта, Гайдна, Баха... У вас очень хороший ансамбль оркестра и превосходные солисты. Мою музыку надо знать, ее нельзя импровизировать. А ваши музыканты ее знают, кроме того, они умеют слушать и очень точно выполнять волю дирижера. А ведь в программу моих концертов входят как старые вещи, так и новые.

Когда меня пригласили и любезно предоставили возможность исполнять все, что я захочу, я решил играть не только новые вещи. Я всегда считаю, что ухо слушателя нельзя натягивать на музыку ему неизвестную и непривычную.

[1] Дмитрия пел В. Ивановский.

Белград встречает советского гостя.

Л. И. Брежнев возложил венок к памятнику Неизвестному герою на горе Авала.

На торжественном приеме, устроенном президентом Тито.

...ТЕ, КАК Я СЧАСТЛИВ!»

Вообще о слушателе разговор особый. Надо сказать, что у вас публика очень чуткая, отзывчивая. Я даже спрашивал: не сидят ли в зале одни музыканты? Но если мы уже заговорили об этом, то я считаю, что музыкальную грамоту должен изучать каждый ребенок с 1-го класса обычной школы. Ведь азбуку учит не только тот, кто будет писателем, так и сольфеджио — азбуку музыки — должны знать все. Тем не менее я вновь повторяю, что ваш слушатель превосходен. Вы не думайте, что я говорю комплименты и восторгаюсь всем из любезности. Я не льщу, ведь это я говорю о своей семье.

Более 50 лет не был я на родине. По-разному складывалась моя жизнь. Уехали мы с семьей в 1910 году из-за болезни жены. У нее был туберкулез, врачи велели изменить климат, и мы поселились на Женевском озере. Но долго оставаться там я не мог. У меня уже была большая семья: два сына и две дочери,— жизнь там очень дорога, и мы перебрались во Францию. Здесь я встретился с Дягилевым, для которого писал балеты еще в Петербурге, и мы вновь стали вместе работать. К этому времени началась и моя гастрольная дирижерская деятельность, которая продолжалась 40 лет. Писал я балеты и для труппы Иды Рубинштейн, вы ее знаете по рисунку Сорова. Для нее я написал и балет памяти Чайковского «Поцелуй феи». Мы все были близки к музе Чайковского. А у меня с Чайковским связано одно из самых дорогих воспоминаний. Я видел Чайковского один-единственный раз в жизни. Это было в Мариинском театре на торжественном спектакле «Руслан и Людмила», посвященном 50-летию оперы. Фарлафа пел мой отец.

Балет «Поцелуй феи» я включил целиком в программу моих концертов в Советском Союзе. Обычно я играю со скрипачом сюиту этого балета. Я исполняю партию фортепьяно.

В 30-х годах я много выступал как пианист — у меня был большой репертуар. В эти же годы я написал первые свои книги. Сейчас уже издано пять книг. Последние три книги — это диалоги между мной и Робертом Крафтом. Тема их не только музыка, но и живопись, театр, литература.

В свободное от гастролей время (а гастролирую я, правда, добрых 6 месяцев в году) я много читаю. В моей библиотеке 6 тысяч книг, и среди них немало русских, советских. Да это и не удивительно, ведь моим родным языком всегда был и остался русский. По-русски я пишу письма сыновьям, по-русски разговариваю с ними по телефону. Сыновья не живут со мной. Святослав — профессор по классу фортепьяно в университете близ Чикаго, Федор — художник, он живет в Швейцарии. Вот надеюсь на обратном пути его повидать. Ведь я отсюда еду с концертами в Италию, затем Венесуэла, потом Нью-Йорк, Канада. И только потом Лос-Анжелос, где я сейчас живу, где ждут меня мой рояль и клавиши, которые просятся на нотную бумагу.

В СУББОТУ, 29 СЕНТЯБРЯ, Валерий Брумель, выступая на соревнованиях студентов московского института физической культуры на стадионе имени В. И. Ленина, добился нового блестящего успеха. Он начал с того, что преодолел 1 метр 95 сантиметров, а затем добрался и до 2 метров 21 сантиметра. На этом рубеже, как известно, Валерий Брумель закончил свое выступление на чемпионате Европы в Белграде. Тогда он затратил на эту высоту всего одну попытку. Теперь Брумель преодолел планку лишь на третьей попытке и тут же попросил поднять планку сразу на 6 сантиметров выше.

Брумель на старте. Как всегда, короткий, стремительный разбег — и второй раз за это лето Валерий Брумель устанавливает новый мировой рекорд.

С победой тебя, Валерий!

МЛАДШИЙ В СЕМЬЕ

2 октября с Внуковского аэродрома столицы стартовал новый пассажирский турбореактивный самолет, младший из семьи туполевских кораблей. Снабженный двумя экономичными мощными двигателями, лайнер развивает скорость 900 километров в час. «ТУ-124» неприхотлив: он прекрасно садится на небольших аэродромах. В распоряжение пассажиров предоставлены 44 мягких кресла, размещенные в трех комфортабельных салонах.

В скором времени такие лайнеры соединят Москву с Ульяновском, Казанью, Челябинском, Пермью и другими городами. А пока, покрыв расстояние в 1 100 километров за полтора часа, «ТУ-124» доставил первых пассажиров в столицу Эстонии — Таллин.

М. НАЧИНКИН

Новый турбореактивный самолет «ТУ-124» на Таллинском аэродроме.

Генеральный конструктор по авиационной технике А. Н. Туполев и начальник Аэрофлота Е. Ф. Логинов поздравляют экипаж нового лайнера с первым пассажирским рейсом.

Фото автора.

Фрагменты панорамы Ф. Рубо «Бородино».

Стихи о России

Александр ПРОКОФЬЕВ

Где моя Россия начиналась!..

Где моя Россия начиналась?
На лугу и в поле за страдой.
Чем моя Россия умывалась?
Ладожскою чистою водой.

Чем моя Россия зацветала?
Прямо в сердце прянувшей грозой.
Чем моя Россия клокотала?
Гневом и соленою слезой.

Чем моя Россия красовалась?
Что цвело, брала она в полон.
От какого горя отбивалась?
От того, что шло со всех сторон!

Где моя Россия расселилась?
На холмах зеленых у воды.
Как моя Россия веселилась?
От веселья плакали лады!

* * *

Алы зори, алы пāзори,
Но о них немало сказано.
Но о них немало сказано и мной.
Поднялись они над нашей стороной —
Зори-пāзори,
В пары связаны!
Разлетелись, будто алый маков цвет,
На весь свет,
На весь свет.

Разлетелись над Россией моей
От долин ее великих до морей,
Словно птицы алокрылые с земли
Разлетелись, как знамена, расцвели:

Пулями пробитые
И в боях омытые
Кровью, кровью,
А теперь обвитые
Русской новью.

Те знамена не устану славить я,
Не устану славословить,
Не устану, слышишь, Родина моя,
Каждой буквой,
В каждом слове!

И мои слова летят,
Куда хотят,—
В яром блеске,
В яркой сини
Над землею.
Где взрывают и мостят,
Там, где пашут,
Над Россией...

* * *

За дождями дожди моросили,
Поднимала река гребешки.
«Ты, Россия моя, Россия!» —
Дружно пели мои дружки.
Ты, Россия! Она за нами,
Там, где ливни, и там, где зной,
В снах весенних и перед снами
Слышен голос ее грудной.

«Ты, Россия!» — я запеваю,
«Ты, Россия моя!» — пою,
Припадаю к ней, обнимаю
Дорогую песню мою.

В непогоду, в годину злую,
В дни, когда синева густа,—
Обнимаю ее, целую
В молодые ее уста.

Мне по нраву, когда в разгоне,
Как пожар иль пламя костра,
Мчатся вдаль быстроногие кони —
Красной масти ее ветра!

По душе мне ее забавы,
Ночи белые на Неве,
И трилистники, и купавы,
Задремавшие в сон-траве.

Кровь знамена ее прошила
И не старят ее года,
И над гордой ее вершиной
Пятикрыло взошла звезда.

* * *

...А плакать нам положено от века
По всем земным зеленым поясам:
Вот плачет по-грузински Катя-Эка,
А как по-русски плачут — знаю сам!

Да, я видал и знаю, как рыдают,
Когда обид не снять и не простить.
Да, я видал, когда слезу глотают,
Застрянет в горле и не проглотить.

Но если наша речь и слово что-то значат,—
Другое горе надо брать всерьез,
Когда сама земля трясется в плаче,
Гудит и задыхается от слез,

Когда она в сплошном дыму багровом
И от нее по звезды грозен путь,
А стрелы молний, посланные Громом,
Везде летят,
Когтят
Земную грудь...

Возвращение

Не орел такие вести и не ветер нам принес,
Возвратились наши парни, что летали возле звезд.

Вот веселье, так веселье в нашем песенном краю,
Я других забот не знаю, я о нем сейчас пою.

Говорить бы с ним гудками океанских кораблей,
Одарить его б венками с наших благостных полей,

Громкой песней соловьиной там, где реки и гай,
Только жаль, что в эту пору отгремели соловьи!

Но простор цветной разбужен,
И небес подъята высь,
Мы веселью честно служим,
Спозаранку поднялись!

Мы взвиваем что попало —
Полушалки и платки,
От велика и до мала
Стали на́ ногу легки.

Вот какое видя дело,
Золотых парней хваля,
Заплясала, зазвенела
Наша русская земля.

Вся — с полями и лесами,
С хороводами красавиц,
И звенит, и звенит,
Чем наш край знаменит:

Песней,
Удалью,
Молодечеством...

Ой, Россия,
Русь,
Мое Отечество!

* * *

Знаем всё. Сокрушили
Злобу, ненависть, гнет.
Как Россию душили!
А Россия живет!

Как ее ни сгибали,
Чтоб сломилась, сдала̀сь.
Ей могилу копали,
А она подняла̀сь!

И увидела звезды
Ближе всех, раньше всех
И услышала в веснах
Свой над недругом смех.

Мы ее заслонили
От несчетных невзгод.
В топях вороги сгнили.
А Россия живет!

А Россия гордится
Не на час, а на век,
А Россия глядится
В зеркала светлых рек.

Видит: синью по сини
Красит небо восток,
Видит: солнце России
Надевает венок...

Дорога на комбинат.

НА ГРАНИЦЕ МИРА

7 ОКТЯБРЯ — ТРИНАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА ОБРАЗОВАНИЯ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Б. ГУРНОВ

С тех, должно быть, давних пор, когда появились в Германии первые строители, существовал здесь неизменный обычай торжественной закладки первого камня в фундамент будущего здания. От десятков других этот камень отличался тем, что под него бросали монеты, золотые и серебряные, как символ вечной, непреходящей ценности, незыблемости и неодолимой силы денег, которой на протяжении многих веков не могло противостоять ничто.

Когда в августе 1950 года на востоке Германской Демократической Республики у пограничного города Фюрстенберга клали фундамент первой доменной печи будущего металлургического комбината, на только что очищенной от леса стройплощадке тоже состоялась торжественная церемония закладки. По традиции под первый камень бросили несколько монет. Но главное — положили туда запаянный в медной трубке туго свернутый лист бумаги — копию договора, ратифицированного правительствами ГДР и Польши, об установлении там, где на протяжении веков возникали споры и лилась кровь, незыблемой и вечной границы по Одеру и Нейссе. Первой в истории Германии границы мира и дружбы.

Прошло с того времени двенадцать лет. Среди зеленых просторов лесной целины вырос гигантский металлургический комбинат, а рядом с ним — первый социалистический город Германской Демократической Республики, названный Айзенхюттенштадт, что в переводе значит «Металлургоград». День и ночь рождают металл шесть огромных доменных печей. А в основании первой из них с полным правом, залогом торжества труда и гения человека, лежит ныне документ мира и дружбы. Ибо нет теперь на комбинате, как и во всей новой Германии, ценности больше и значительней, чем мир и дружба с народами стран социалистического лагеря.

Дороже золота

В кабинете заместителя директора комбината Карла Цигера, в углу, среди рулонов ватмана, я увидел топор. Старенький, обыкновенный.

— Обыкновенный? Нет, ошибаетесь,— запротестовал Цигер.— Это реликвия.

Оказалось, что этим топором в безлюдном ранее лесном краю у Фюрстенберга, там, где стоит ныне комбинат и современный город, было срублено первое дерево перед началом строительства.

Когда в 1950 году на III съезде Социалистической единой партии Германии было принято решение строить в пограничных лесах у Фюрстенберга крупнейший металлургический комбинат, многим это показалось странным.

Ставить домны в краю, где нет ни угля, ни железной руды?! Крупнейший, важнейший индустриальный центр у самой границы?!

Нет, не все и не сразу поняли великий смысл происшедших перемен. Не понимали поначалу того, что индустрия новой Германии создается для мирной жизни, что восточные соседи немецкого народа — Польша и Советский Союз — искренние и верные друзья молодой республики. Народная Польша и Советский Союз изъявили готовность помочь немецкому народу, взявшему власть в свои руки, и обеспечить молодую металлургию республики углем и железной рудой.

Четыре года — таков, по самым оптимистическим подсчетам, был бы срок строительства доменных печей по плану, предложенному западногерманским концерном «Демаг» из Дюссельдорфа. А советские инженеры сказали, что берутся помочь немецким друзьям сократить этот срок вдвое. И не только сказали, но и сделали. Построенная по советским проектам, с помощью советских специалистов, уже через девять месяцев после закладки первого камня была задута и дала металл первая домна.

Отцы и дети

Из разговоров в доме Карла Цигера я понял, что детей у него двое. А на комбинате и в городе встречал десятки людей, с уважением называвших его «отцом». Государственной премии первого класса был удостоен Карл Цигер за подготовку кадров молодых металлургов, за воспитание крепкой рабочей смены.

Один из этих молодых — Гюнтер Кирстен, отличный металлург, а ныне заместитель бургомистра Айзенхюттенштадта. Ему тридцать лет. Нет в его судьбе ничего необычного. Скорее, наоборот, она очень типична для поколения послевоенной молодежи ГДР. Отец погиб на фронте. Едва окончив среднюю школу, Гюнтер пошел работать, чтобы в трудные послевоенные годы помогать матери. Сначала был мальчиком на посылках. Потом попал на металлопрокатный завод, а затем на металлургический. Молодежная бригада, которую возглавил Гюнтер Кирстен, завоевала титул коллектива отличного качества.

Трудно учиться рабочему. Трудно, но необходимо, говорили ему старшие товарищи. Рабочие должны учиться, чтобы уметь управлять своим государством.

— Это не для меня,— смущался Гюнтер,— государственный деятель из меня не получится.

Но ведь получился! В 1958 году, по предложению Союза свободной немецкой молодежи, его избрали депутатом Народной палаты, высшего органа государственной власти ГДР. А два года спустя Гюнтер Кирстен был избран заместителем обер-бургомистра Айзенхюттенштадта.

Мы едем по широким городским магистралям, и Гюнтер Кирстен с увлечением и знанием дела, словно занимается этим много лет, рассказывает мне о планировке улиц и площадей, о преимуществах крупноблочного строительства, об организации городского транспорта, торговли, культурного обслуживания населения.

После обеда ему предстоит совещание с архитекторами, авторами проекта застройки нового района. Затем приедет делегация старейшин мелких частных торговцев и ремесленников, оставшихся еще в Фюрстенберге, влившемся теперь в разросшийся Айзенхюттенштадт. А потом, должно быть, останется на ночь: нужно подготовить к заседанию Народной палаты предложения об улучшении работы детских учреждений.

— Надо же сегодня заботиться о смене.— Гюнтер кивнул на ребятишек, игравших в ящике с песком, и добавил: — Трудно рабочему быть государственным деятелем. Трудно, но нужно.

«Уроки по мечтанию»

Перед поездкой в Айзенхюттенштадт я прочел книгу о немецкой девочке, отец которой был мобилизован в гитлеровскую армию и погиб на фронте. Девочка верила, что отец ее был героем и погиб с честью за правое дело. Мать не мешала фантазии дочери, дожидаясь того времени, когда та вырастет и ей можно будет все объяснить. Но вдруг встретился девочке человек, плеснувший яд в душу ребенка. «Они убили твоего отца»,— сказал он, показывая на группу молодых советских солдат. Долго и мучительно боролось с подлой отравой детское сердце. Переболело, выздоровело, излеченное живительной силой правды. И тогда пришла она, уже повзрослев, с букетом цветов на площадь, названную в честь германо-советской дружбы, и положила яркие, влажные от росы гвоздики у подножия памятника советским солдатам-освободителям.

Я был на этой площади у памятника, где резвилась детвора, вместе с автором книги, писателем Вернером Бауэром.

Впервые Бауэр приехал в Айзенхюттенштадт еще студентом Литературного института в Лейпциге, чтобы собрать материал для книги. Собрал, написал, издал. Окончив институт, вернулся снова в юный город за тем, чтобы не только писать о его жизни, а вместе с городом строить эту жизнь. Молодой писатель вызвался вести занятия по марксизму-ленинизму, политэкономии и вопросам культуры в школе рабочей молодежи при металлургическом комбинате.

Реже всего это были лекции. Чаще — задушевные беседы, горячие дискуссии, споры.

«Уроками по мечтанию» назвал один из ребят занятия, которые проводит Вернер Бауэр.

— Да, я действительно хочу научить молодых рабочих мечтать,— признался писатель.— Но только так, чтобы, мечтая, они увлекались своей мечтой, стремились к борьбе и труду во имя ее осуществления.

У Вернера Бауэра хорошие ученики. Все молодежные бригады на комбинате включились в соревнование за звание коллективов социалистического труда. В свободное время упорно учатся, помогают подшефным школам и окрестным сельскохозяйственным производственным кооперативам. В дни, когда в ответ на защитные мероприятия правительства ГДР Запад особенно яростно бряцал оружием, многие молодые рабочие добровольно вступили в армию и пограничную полицию, чтобы с оружием в руках защищать завоевания социализма, защищать свое будущее.

С одним из них, недавним рабочим, а ныне младшим лейтенантом Вернером Линднером, я встретился перед отъездом из Айзенхюттенштадта в кафе «Активист», что в конце улицы, носящей имя Ленинского комсомола. Рассказывая о себе, он вспомнил и об «уроках по мечтанию».

— Я и сейчас мечтаю,— медленно проговорил лейтенант.— Мечтаю о том времени, когда исчезнет угроза войны и я сниму военную форму, чтобы снова стать строителем. Мечтаю строить новые дома и цехи заводов, в основание которых вместе с первым камнем будут заложены копии мирного договора с Германией, договора о всеобщем и полном разоружении, о вечном мире на земле.

Рокуэлл Кент. САЛЛИ ВЕРХОМ НА ЛОШАДИ.

ОВЕЧЬЯ СТРАНА.

Рокуэлл Кент. ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРОЦЕССИЯ. ГРЕНЛАНДИЯ.

ГОЛУБОЙ ДЕНЬ.

Л. БЕСКРОВНЫЙ,
доктор исторических наук, профессор

Великий фельдмаршал

Великие люди, и в том числе великие полководцы, не появляются вдруг. Их рождают эпоха и обстоятельства. Дворянская Россия была на подъеме на рубеже XVIII и начала XIX века. Дворянство дало в это время России таких титанов военного искусства, как П. А. Румянцев, А. В. Суворов и М. И. Кутузов.

В конце XVIII и начале XIX века в России в недрах феодального строя оформлялся новый, капиталистический способ производства, властно прокладывая себе путь, проникая и в военное дело. Русская промышленность второй половины XVIII века вполне освоила производство новой артиллерии и более совершенного стрелкового оружия. Шуваловские гаубицы и винтовальные ружья позволили Суворову разработать новые способы и методы боя, передовую систему боевой подготовки, основы которой были изложены им в «Полковом учреждении» и «Науке побеждать». Но было бы неверно представлять Суворова гениальным одиночкой. Вместе с ним трудилось много его последователей, среди которых был и М. И. Кутузов. Сторонником новой системы Суворова он проявил себя уже на посту командира Бугского егерского корпуса и свои взгляды изложил в «Примечаниях о пехотной службе вообще и о егерской в особенности». Как и Суворов, он требовал от командиров заботы о благе солдат.

Проверка боевых качеств подготовленных им войск в период русско-турецкой войны 1787—1791 годов показала жизненность новой стратегии и тактики. В этой войне окончательно рухнули каноны линейной тактики и в основном утвердились принципы тактики колонн и рассыпного строя. Блестящим подтверждением тому явились штурм Измаила, где Кутузов командовал шестой колонной, сражения у Бабадага и у Мачина летом 1791 года.

Боевая школа под руководством Суворова способствовала формированию оригинального военного таланта Кутузова. Немалую роль в оформлении его теоретических воззрений в области военного искусства играл период руководства Сухопутным шляхетным корпусом. Здесь он читал основы тактики и военной истории. По его мысли, военная история должна была развивать патриотические чувства кадетов, понимание исторических задач России и вооружить их для «преславного служения России».

Еще большее значение в формировании Кутузова как стратега имела его дипломатическая деятельность в Турции и в Пруссии. Тут формировались его воззрения на войну как на продолжение политики. И к началу XIX века Кутузов уже вполне сложился как крупный полководец.

Впервые ему пришлось командовать самостоятельной армией в войне против наполеоновской Франции 1805 года. Представляя Александру I план кампании, он писал: «Нам нужно наступать, а не обороняться; и боже сохрани думать дождаться, чтобы он к нам приблизился». Обращаясь к опыту итальянского похода Суворова, Кутузов указывал: «Сей опытами согбенный воин видел, что противу запальчивости и предприимчивости французской нет лучшего средства, как действовать быстротою, натиском и отвагою». При этом он подчеркивал необходимость объединения сил в общих интересах коалиции, а не распыления в интересах отдельных ее членов. Однако обеспечить единство усилий в решении общей стратегической задачи не удалось. Австрия, как всегда, оставалась верной традиционной политике — воевать чужими руками. Оказалось, что Кутузов, будучи подчинен австрийскому штабу, не мог принимать самостоятельные решения. Тем не менее он добился значительных успехов на первом этапе войны. Марш-маневр русской армии от Браунау до Ольмюца и блестящая победа у Кремса высоко подняли престиж русской армии на Западе. Но Кутузову не удалось осуществить план отхода на восток, чтобы соединиться с резервными армиями и перейти затем в контрнаступление. Александр I и Франц I требовали от него «решительных действий». Генеральное сражение под Аустерлицем, в котором руководство войсками взял на себя Александр I, было проиграно. А ответственность за это поражение царь возложил на Кутузова.

В еще более трудных условиях пришлось действовать Кутузову в войне России с Турцией (1806—1812 годы). Она длилась долго и велась с переменным успехом, между тем политическая обстановка в Европе требовала ее быстрейшего завершения. Победно шествуя по Европе, Наполеон стал непосредственно угрожать России. И в этой связи он, конечно, зарясь на русские земли, всячески поддерживал Турцию в ее войне против России.

В эту пору Кутузов был назначен главнокомандующим Молдавской армией. Стоявшая перед ним стратегическая задача была весьма сложна. Но Кутузов считал ее разрешимой. «Обстоятельства политические укажут род войны» [1],— писал он военному министру Барклаю-де-Толли, требуя от него постоянной и точной информации о политических мероприятиях правительства. Он справедливо отмечал, что политика будет иметь определяющее влияние на его стратегию.

Вынужденный действовать в неблагоприятных условиях, Кутузов нашел блестящие стратегические решения и выиграл войну, располагая меньшими силами, чем противник. Его планы отличались глубиной и всесторонним учетом силы, возможностей. Отказавшись от того, чтобы прикрывать все течение Дуная и действовать против крепостей, он направил усилия к одной цели: оторвать турецкую армию от ее баз и нанести ей поражение в полевых сражениях. Первый крупный удар по турецким войскам был нанесен при Рущуке, где русские войска мастерски применили расчлененный боевой порядок. Отмечая этот успех, Кутузов писал в приказе по войскам: «22-е число июня пребудет навсегда памятником того, что возможно малому числу, оживленному послушанием и геройством противу бесчисленных толп, прогнать неприятеля».

Рущукская победа не привела, однако, к окончательному разгрому главных сил турок. Они отошли под защиту укрепленного лагеря. Кутузов же стремился не к частной победе, а к полному поражению противника в полевых условиях. И великий полководец применяет искусный маневр — он убеждает турок в том, что русская армия обессилена и уже не может дальше вести активные действия. Вместо того, чтобы преследовать отходившую турецкую армию, Кутузов приказывает взорвать крепостные сооружения в Рущуке и отводит войска на левый берег Дуная, увлекая вслед за собой турецкие войска. Блестяще проведенный стратегический маневр дал возможность окружить меньшими силами турецкую армию и принудить ее к капитуляции: «Вся цель моя после дня перехода визирского на нашу сторону (Дуная.— Л. Б.) была в том, что-

[1] Эти строки, как и последующие высказывания М. И. Кутузова, цитируются по сборникам документов «М. И. Кутузов», тт. 3 и 4. Воениздат.

бы сей армии не перепустить обратно, в чем я, благодарение богу, и успел. Ежели бы войски наши взяли Рущук и действовали до Балканов, то сие не приближило бы нас к миру ни на один шаг».

Пленение турецкой армии — классический пример окружения меньшими силами превосходящего по численности противника. Победы, одержанные на полях сражений, Кутузов закрепил в мирном договоре: Россия стала придунайской державой. Но главное даже не в этом. Разгром Турции спутал все карты Наполеона, рассчитывавшего использовать турок в войне с русскими.

Не прошло и месяца, как Россия была вынуждена вступить в новую, еще более тяжелую войну, развязанную Наполеоном. Этот, по выражению Энгельса, «мнимый представитель буржуазной революции, в действительности же деспот внутри своей страны, завоеватель по отношению к соседним народам», поставил целью утвердить мировое господство Франции. «Через пять лет я буду господином мира,— объявил Наполеон,—...остается одна Россия, но я раздавлю ее».

Для похода на Россию Наполеон мобилизовал все ресурсы Европы. В июне 1812 года его «Большая армия» перешла русскую границу без объявления войны и ринулась на наши земли. России угрожала потеря государственной целостности и национальной независимости. Наполеон обещал своим сателлитам, принявшим участие в русском походе, крупные награды: Австрии — Волынь, Пруссии — Прибалтику, Варшавскому герцогству — Белоруссию, Литву и Правобережную Украину. Турцию он прельщал Крымом и Северным Причерноморьем, Швецию — Финляндией.

Грозная опасность объединила все народы России. Под руководством Кутузова они выступили на защиту своей страны и разгромили захватчиков.

Но в начале войны Кутузов был не у дел. Собранными на западной границе войсками командовали М. Б. Барклай-де-Толли, П. И. Багратион и А. П. Тормасов. Дипломатическая борьба, шедшая накануне войны, вынуждала менять стратегические планы. В конце концов царь утвердил операционный план генерала Фуля. Все расчеты Главной квартиры Александра I исходили из неправильного представления о силах Наполеона — считали, что он сможет бросить на Россию не более 250—300 тысяч человек. Исходя из этого, предусматривалось, что 1-я Западная армия Барклая-де-Толли привлечет на себя главные силы Наполеона, а вторая армия нанесет наступающим французам удар во фланг и тыл, а затем обе армии погонят французов в Польшу и Восточную Пруссию. Порочность этого плана стала очевидной в первые же дни войны. Все расчеты Главной квартиры были опрокинуты внезапно обнаруженным превосходством сил противника. Положение было катастрофическим. Командование русской армии отказалось от плана Фуля. Александру I предложили покинуть армию, и, наконец, было принято решение отойти в глубь России и там соединить две армии. Принятое решение, указывает Маркс, было «делом не свободного выбора, а суровой необходимости».

Отступление русских войск было произведено мастерски. Сдерживая натиск вдвое превосходящих сил, Барклай-де-Толли отвел свою армию к Смоленску. Сюда же вышел и Багратион, осуществивший великолепный маневр. Отходя, русские войска наносили французам ощутительные удары. Бои у Мира и Салтановки, сражение у Витебска показали, что русская армия, отступая, сохраняет свою боеспособность, и чем дальше в глубь России она отходит, тем больше увеличивает силу сопротивления. Это было доказано в сражении за Смоленск. «Наполеон,— говорили современники,— занял Смоленск, но не взял его».

Отход на восток тяжко переживала и армия и вся страна. В неудачах обвиняли Барклая-де-Толли и требовали замены главнокомандующего. Под напором общественного мнения Александр I собрал Чрезвычайный Комитет, который выдвинул кандидатуру М. И. Кутузова, основываясь «на [его] известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, на доверии общем, а равно и на самом старшинстве». Царь, не любивший Кутузова, однако, был вынужден «остановить свой выбор на том, на кого указывал общий глас». Вся страна и особенно армия радостно встретили назначение Кутузова.

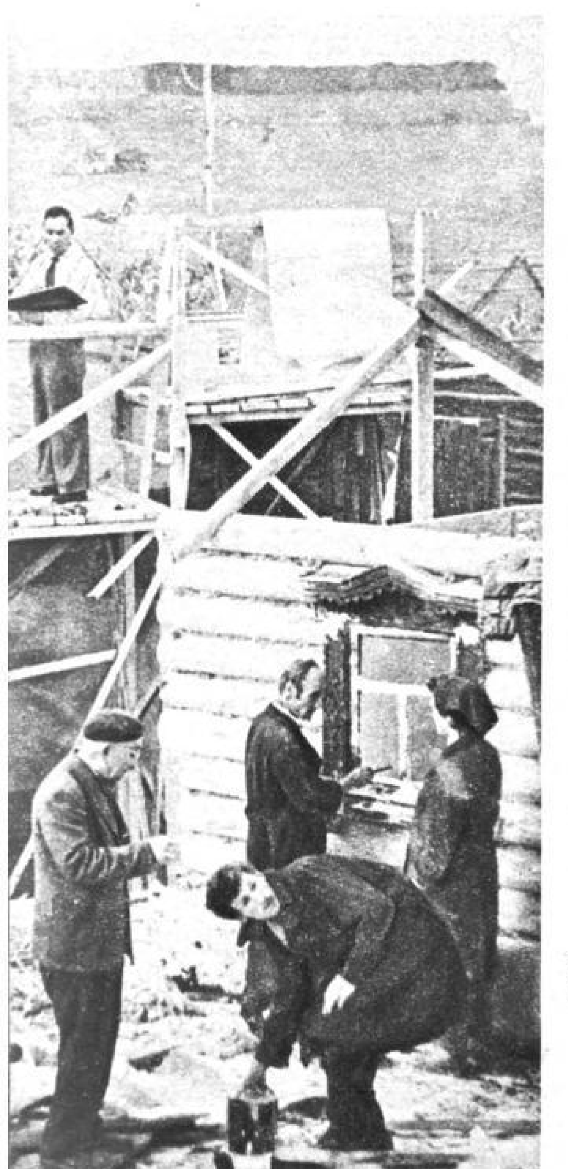
В тяжелое время принял на себя командование войсками Кутузов. Враг занял огромную территорию и уже приближался к Москве. Нужно было находить новые решения, чтобы победить в неравной борьбе. Военное министерство не могло дать сведений ни о состоянии армий, ни о готовящихся резервах. Но было известно, и это радовало, что под командованием Милорадовича под Москвой готовится армия, которую называли «второй стеной».

Главной задачей в тот момент было остановить Наполеона, не допустить его к Москве. Кутузов приказывает Милорадовичу немедля выступить навстречу отходящим войскам 1-й и 2-й западных армий. Одновременно он посылает приказы Чичагову и Тормасову создать угрозу тылу наполеоновских войск. Для этого «должно бы действовать на правый фланг неприятеля, дабы тем единственно остановить его стремление». Понимая, что этих сил недостаточно, он потребовал от генерал-губернатора Москвы вооружить и направить к армии обещанных им ополченцев. «Вызов восьмидесяти тысяч сверх ополчения вооружающихся добровольно сынов отечества есть черта, доказывающая дух россиянина и доверенность жителей московских к их начальнику». С этими силами Кутузов считал возможным остановить армию Наполеона и перейти затем в контрнаступление.

Суровая действительность оказалась иной. Прибыв в войска, Кутузов принял командование над 120-тысячной армией. Наполеон имел 135 тысяч человек. Надеяться на решительное изменение обстановки на фронте при таких условиях было трудно. Тем не менее во что бы то ни стало нужно было остановить врага и выиграть время, необходимое для изменения соотношения сил.

Кутузов остановил свою армию на Бородинском поле: «...желательно, чтобы неприятель

ВОЗРОЖДЕНИЕ БОРОДИН

Так реставрируют Бородинскую панораму. На мостках — главный художник И. В. Евстигнеев. Внизу — художник Б.Н. Беляев.

Фото Риммы Лихач.

На Кутузовском проспекте в столице скоро откроется панорама «Бородинская битва».

По проекту архитекторов А. Р. Корабельникова, С. И. Кучанова, А. Ф. Кузьмина и инженера Ю. Е. Аврутина сооружается в центре огромной, уложенной гранитными плитами площадки здание панорамы.

Осмотрев вводный зал, зритель поднимется по мраморной винтовой лестнице, которая с полным правом может быть названа «лестницей времени», ибо каждого, кто взойдет на ее верхнюю ступеньку, она сразу перенесет на 150 лет назад.

...Бородинская битва. Самое пекло боя — на окраине горящей деревни Семеновское. На много километров вокруг развернулось сражение, до самого горизонта кипит жестокая схватка. Ведет ураганный огонь французская артиллерия. Мчатся в атаку эскадроны новороссийских и киевских драгун и ахтырских гусар. На нескошенном ржаном поле рубятся русские конногвардейцы с саксонскими кирасирами.

Приглядевшись, можно узнать некоторых участников боя. Кутузов, Дохтуров, Бороздин, Барклай, Наполеон, Мюрат...

Грандиозно и потрясающе впечатление, производимое панорамой. Автор ее — крупнейший русский художник-баталист, академик живописи Франц Алексеевич Рубо, учитель прославленных советских баталистов М. Б. Грекова и М. И. Авилова. Снискавший широкую известность своими панорамами «Оборона Севастополя» и «Штурм аула Ахульго», Рубо в начале 1910 года получил предложение создать к 100-летнему юбилею войны 1812 года «Бородинскую панораму».

Художник изучал исторические документы, изобразительный материал, формы обмундирования. В апреле 1910 года, едва стаял снег, Рубо вместе с военными консультантами выехал на Бородинское поле. Росла гора этюдов, зарисовок. А через полгода были закончены эскизы панорамы.

После этого работу перенесли в Мюнхен, в специальное здание. Навесили огромный холст, вдоль которого передвигались специальные башенки с мостками. На них работали Рубо и помогавшие ему художники.

Полотно было закончено осенью 1911 года. Поразительно короткий срок, если учесть, что живописная площадь — более полутора тысяч квадратных метров. Ведь ширина холста — 117,5 метра, а высота — 14 метров.

Весной 1912 года в Москве, на Чистых прудах, был сооружен круглый деревянный павильон для панорамы. И огромное полотно, весящее около 3 тонн, перевезли сюда. В середине августа «Бородинская панорама» была открыта для обозрения. Современники оценили ее как выдающееся произведение искусства.

Но экспонировалась панорама недолго. В начале первой мировой войны она была закрыта.

Тридцать лет спустя в помещении Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина под наблюдением художников П. Д. Корина и Е. В. Кудрявцева восстановлением панорамы занялись известные художники-реставраторы М. Ф. Иванов-Чуронов, К. А. Федоров, С. Я. Бабкин и М. Н. Махалов.

На огромном столе — 64 квадратных метра — полотно постепенно разворачивали и дезинфицировали. Тщательно укреплялся красочный слой, потом холст был утончен и дважды проклеен с оборотной стороны осетровым клеем.

Эта работа заняла три месяца. Закончив ее, бригада, пополненная С. С. Чураковым, Б. М. Шаховым и И. Ф. Есауловым, приступила к дублированию полотна — подведению под оригинал нового холста. Одновременно там, где красочный слой пропал, наносили грунт и делали живописную тонировку.

Спасенный холст был снова свернут.

Советские художники-реставраторы совершили трудовой подвиг. Работа их и по своей специфике и по своим гигантским масштабам — невиданная в истории мировой реставрационной техники.

атаковал нас в сей позиции,— писал он,— тогда имею я большую надежду к победе».

История нового времени не знала еще битв, в которых приняло участие более 250 тысяч человек. Это была битва, в которой русские войска, по словам ее полководца, «новый опыт оказали... неограниченной любви своей к Отечеству... и храбрость, русским свойственную».

На Бородинском поле Наполеон понес поражение от более слабой в численном отношении русской армии. Он потерял здесь свои лучшие силы. 58 тысяч убитых и раненых больше не могли вернуться в строй.

Казалось, что Кутузов, одержав победу, на другой же день перейдет в наступление. Но этого делать было нельзя. Потери русских войск составили 38,5 тысячи человек. Восполнить их в ближайшее время было невозможно. Между тем Наполеон мог восстановить свои силы, отойдя к Смоленску. Нужно было тактический успех отдать в жертву стратегии, и Кутузов решил отступить к Москве, усилиться пополнением и, быть может, дать там новое сражение. «Когда дело идет не о славах выигранных только баталий, но вся цель, будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить».

Таким образом, обстановка заставила Кутузова отказаться от немедленного перехода в контрнаступление, отойти, выиграть время и затем, создав необходимые условия, разгромить противника. Этот великий план, задуманный «непосредственно после Бородинского сражения», не могли изменить никакие соображения.

Под Москвой Кутузов получил рескрипт Александра I, воспрещающий ему использовать готовящиеся вокруг Москвы резервы. Это вынудило полководца собрать совет в Филях, на котором и было решено оставить Москву. Докладывая о своем решении, Кутузов писал: «...вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России... пока армия в.и.в. цела и движима известною храбростию и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества».

Тарутинский маневр, совершенный Кутузовым, сам по себе является вкладом в сокровищницу мирового военного искусства. Он резко изменил стратегическую обстановку и поставил русскую армию в весьма выгодное положение. Она получила столь необходимую ей передышку, прикрыла все питающие ее центры и заняла угрожающее наступательное положение. Выйдя к Тарутину, Кутузов приказал «приготовиться к делу, пересмотреть оружие, помнить, что вся Европа и любезное Отечество на нас взирают». В Тарутинский период русская армия получила пополнение, более четкую организацию и устройство. Вся страна приняла участие в снабжении армии оружием, боеприпасами, одеждой, продовольствием.

Пока армия набиралась сил, Кутузов, опираясь на народные ополчения и партизанские отряды, продолжал борьбу. Ополченческие полки закрывали французам доступ в соседние губернии, а войсковые партизаны и крестьянские отряды наносили противнику непрерывные удары, вели наблюдение за его коммуникациями. Кольцо блокады медленно, но верно сжималось. Окружение из стратегического грозило перейти в тактическое. «Решился я,— писал Кутузов,— избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его...». В борьбе с партизанами и ополченцами Наполеон потерял 30 тысяч человек. Результат замечательный, стоящий крупного сражения.

Собрав силы и создав необходимое равновесие, Кутузов внезапно перешел в контрнаступление. Наполеон говорил, что самое трудное в военном искусстве — осуществить переход от обороны к наступлению. Кутузов осуществил его мастерски и в грандиозном масштабе. В ходе контрнаступления русских войск наполеоновской армии было нанесено несколько последовательных ударов. В сражениях под Малоярославцем, Вязьмой и Красным главные силы французов были резко ослаблены. Решающий удар на Березине завершил истребление «Большой армии».

Величие Кутузова как стратега было не только в том, что он нашел более совершенный способ ведения войны и разгрома армии Наполеона, но также и в том, что он нашел для этого в России необходимые силы и средства. Он понял, что война будет проиграна, если ее вести лишь силами армии, если в борьбе с врагом не примут участие широкие массы народа. Кутузов — первый полководец нового времени, столь широко и умело использовавший национально-освободительную борьбу народа и придавший ей стратегический характер.

Талант великого фельдмаршала блеснул еще раз в пору освободительного похода 1813 года. Он решительно возражал против требования царя продолжать наступление, не медля ни одной минуты, и полагал, что русская армия должна получить передышку, пополнив свои силы, и пойти навстречу противнику столь же грозной силой, как и в кампании 1812 года. С другой стороны, он справедливо полагал, что освобождение народов Европы должны осуществлять сами эти народы, русская же армия лишь будет способствовать этому.

Все это было осуществлено. Русская армия вошла в Европу и добилась блестящих успехов. Русские заняли Варшавское герцогство и вступили в Пруссию. Заняты были Кенигсберг, Варшава, Познань, Данциг, Берлин. Наступление шло на широком фронте и по рубежам. Последним маневром русских войск был марш к Дрездену, куда направлял свои войска и Наполеон, стремясь разъединить силы России и выступивших на ее стороне Пруссии и Австрии.

Кутузов не дожил до Лейпцигского сражения, явившегося завершением всех его предыдущих операций. Он умер 16 (28) апреля 1813 года в Бунцлау, в разгар борьбы народов Европы за освобождение от наполеоновского ига.

Великий фельдмаршал предстает перед нами как стратег высшего класса. Его военный гений превзошел искусство Наполеона. И имя его навсегда золотыми буквами вписано в историю нашей Родины, в историю борьбы нашего народа за свою свободу и независимость.

СКОЙ ПАНОРАМЫ

Когда было принято специальное решение о восстановлении панорамы, во главе тех, кому было доверено это трудное и ответственное дело, стал известный советский баталист, лауреат Государственной премии Иван Васильевич Евстигнеев. Началась сложнейшая операция — подшивка нового холста взамен утраченного. Эту ленту, которую художникам предстояло заново заполнить живописью после экспериментов на макете, подшивали к старому холсту «зонтальным швом» — швом, идущим спиралью. Вся эта грандиозная работа выполнялась вручную той же бригадой художников-реставраторов, с помощью работников мастерских Большого театра. Теперь самый пристальный взгляд не обнаружит шва.

Огромная работа по технической реставрации панорамы закончена.

Но художникам И. В. Евстигнееву, Е. И. Лобанову и А. П. Мерзлякову предстояло заново написать 950 квадратных метров неба. Они шутят, что должны написать небо в натуральную величину. Кроме того, было задумано создать отсутствующий у Рубо эпизод — ранение Багратиона, несколько приблизить фигуру Кутузова и членов его штаба.

Написать небо — не простая задача. Ведь оно играет в панораме важную композиционную и эмоциональную роль, создавая перспективную иллюзию и наполняя все полотно светом.

Все огромное пространство зала между смотровой площадкой и полотном заполнено предметным планом. Он сливается с живописью, органично дополняет ее и создает у зрителя впечатление подлинности.

От предметного плана, созданного Рубо, ничего не сохранилось; даже на старых фотографических воспроизведениях панорамы он включен лишь маленькими участками — там, где план выходил на живописное полотно. Известно, однако, что у Рубо предметный план был сделан мастерски: очень просто, лаконично. Если на полотно легла основная батальная нагрузка, то предметный план отражал, так сказать, бытовую сторону сражения.

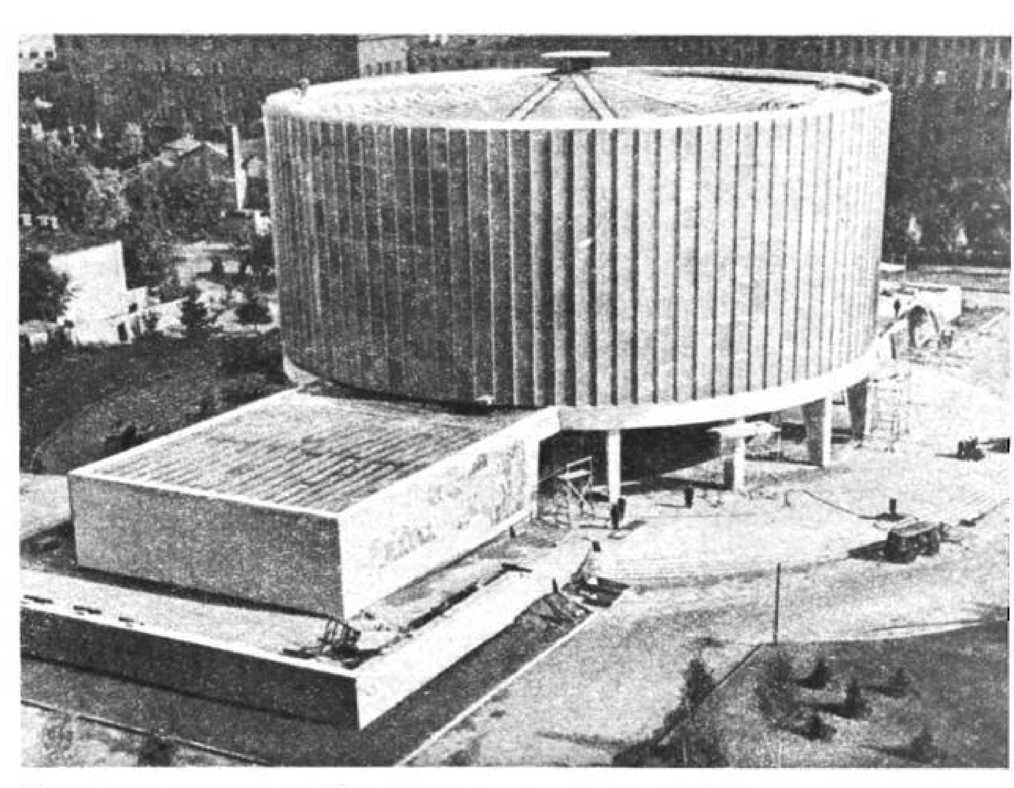
Б. Н. Беляев и его помощники в полном смысле слова создали предметный план, сохраняя замысел и почерк автора.

И вот в панорамной мастерской возникло целое комплексное производство. Рядом с макетом панорамы появились маленькие цехи, где изготовляют детали предметного плана: отливают ядра и пули, оковывают орудийные лафеты, сколачивают снарядные ящики, делают траву.

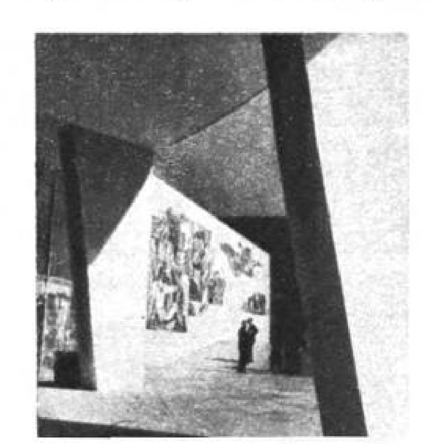
...Летним днем по улицам Москвы проследовал необычный автопоезд. По «зеленой улице», открытой для него работниками ОРУД — ГАИ, огромный лесовоз перевозил полотно панорамы на Кутузовский проспект.

Тысячи людей теперь будут ежедневно приходить к этому монументальному художественному памятнику патриотизма русского народа.

Г. АЛЕКСАНДРОВ

Здание панорамы готово. Идут последние отделочные работы.

У входа в помещение панорамы «Бородинская битва».

Одно из мозаичных панно, расположенных на стенах нового здания.

Фото Г. Макарова.

Труба Наполеона

Семен КИРСАНОВ

Еще не опален
пожаром близкой брани,
сидит
Наполеон
на белом барабане,

обводит лес и луг
подзорною трубою —
созданием
наук
для обозренья боя.

На корсиканский глаз
зачес
спадает с плеши.
Он видит в первый раз
Багратиона флеши.

Пред ним театр войны,
а в глубине театра —
Раевского
видны
редуты, пушки, ядра...

И, круглая, видна,
как сирота,
Россия —
огромна, и бедна,
и, видимо, бессильна.

И, как всегда, одна
стоит,
добра не зная,
села Бородина
солдатка крепостная...

Далекие валы
обводит
император,
а на древках — орлы,
как маршалы пернатых,

и на квадратах карт
прочерчен путь победный.
Что ж видит
Бонапарт
своей трубою медной?

Верста, еще верста,
крест на часовне сирой...
А видит он
сердца
сквозь русские мундиры?

Вот, по избе скользя,
прошелся, дым увидев...
А видит он
глаза,
что устремил Давыдов?

Он водит не спеша
рукою в позументах...
И что ж?
Ему душа
Кутузова заметна?

Вот новый поворот
его трубы блестящей.
А с вилами
народ
в лесной он видит чаще?

Сей окуляр таков,
что весь пейзаж усвоен!
А красных
петухов
он видит над Москвою?

А березинский снег?
А котелки пустые?
А будущее
всех
ворвавшихся в Россию

он видит?
Ничего
не видит император,
он маршалов зовет
с улыбкой, им приятной...

О слепота всех линз,
направленных к России!
Им не увидеть
близь
величья нашей силы!

Биноклей ложный блеск —
в них не глаза, а бельма!
Что мог
поведать Цейс
фельдмаршалам Вильгельма?

О ложь стереотруб!
Чем Гитлер им обязан?
Что?
Он проникнул в глубь
России трупным глазом?

Вот землю обхватив
орбитой потаенной,
глазеет
объектив
на спутнике-шпионе,

но как ни пяльтесь вы,
то, чем сильна Россия —
к родной земле
любви,—
вы рассмотреть не в силах!

Взгляните же назад:
предгрозьем
день наполнен,
орлы взлететь грозят
над Бородинским полем.

С трубой Наполеон
сидит
на барабане,
еще не опален
пожаром близкой брани.

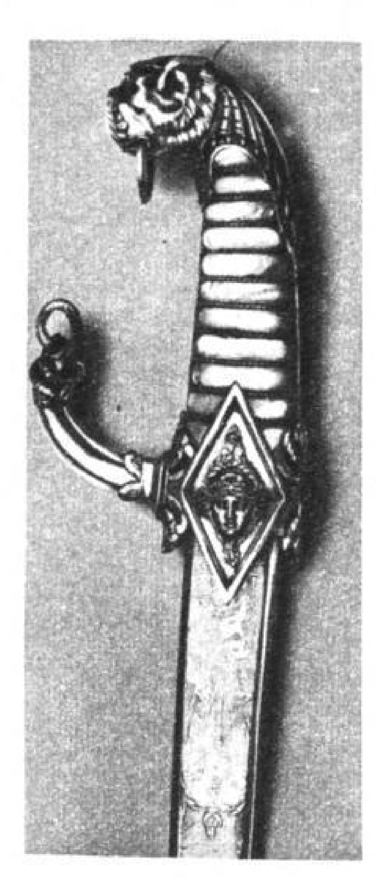
Огонь любви к отечеству

Старые документы. Они рассказывают о героизме русского народа в Отечественной войне. Вот описание подвигов двух крестьян — Герасима Курина и Семена Силаева.

Письмо на серо-голубой бумаге адресовано военному историку, собирателю материалов о войне 1812 года А. И. Михайловскому-Данилевскому. На полях письма пометка историка: «Это письмо писано ко мне Куриным, крестьянином Вохненской волости, который командовал в 1812 году вооруженными крестьянами и получил Георгиевский крест от князя Кутузова». Письмо Курина и описание боевых действий партизанского отряда Михайловский-Данилевский получил в августе 1820 года. Это дневник боев партизан с 23 сентября по 2 октября 1812 года.

23 сентября 1812 года неприятель с двумя дивизиями прибыл в город Богородск. Вохненские жители приняли решение «сразиться с не-

Красногвардеец и сабля Бонапарта

В Государственном Историческом музее хранится сабля, изготовленная известным французским оружейным мастером Бутте, работавшим в конце XVIII — начале XIX столетия на Версальской оружейной мануфактуре около Парижа. Сабля была преподнесена первому консулу Франции генералу Наполеону Бонапарту Конвентом республики за Египетский поход. Об этом поведала историкам сама сабля: на ней есть поясняющие надписи. Наполеон почти никогда не расставался с этим оружием.

После вступления русских войск в Париж и окончания войны по решению союзников Наполеона сослали на остров Эльбу. До места ссылки его сопровождали специальные комиссары, в том числе и граф Павел Андреевич Шувалов. Недолгий путь от Фонтенебло до порта оказался, однако, довольно опасным для развенчанного императора. Недалеко от Авиньона Наполеона ждала толпа, готовая расправиться с ним. Шувалов великодушно предложил своему бывшему врагу поменяться шинелями. Оставшийся путь Наполеон проделал в чужой двухместной коляске, одетый в шинель русского генерала.

Из донесения П. А. Шувало-

Юбилейный мост

Фото А. Бочинина.

На Москве-реке вырисовывается силуэт трехпролетного Бородинского моста. Это памятник победы русского народа в войне 1812 года. Он был возведен в 1912 году.

В объявленном конкурсе на лучший проект юбилейного моста приняли участие видные мастера того времени — Фомин, Передерий, Клейн. Первым был признан проект Клейна. При въезде на мост воздвигнуты две колоннады с фигурами. На другом конце его высятся серые гранитные обелиски

приятелем, или умереть, или отомстить злодею...» 25 сентября неприятель подошел к деревне Большой Двор, где надеялся добыть себе муки и овса. Отряд вохненских партизан под командованием Курина, переправясь через реку Клязьму, дал неприятелю первый бой. Партизаны «пошли с великою яростью против неприятеля и сразились». Французы вынуждены были скрыться в лесах. 26 октября в 7 часов утра Курину сообщили, что противник подошел к деревне Грибово, которую намерен сжечь. Сражение под Грибово закончилось полной победой партизан... Заняв 27 сентября деревню Суботино, французы посылают в село Вохну своих парламентеров с предложением прекратить сопротивление. В ответ на это Курин дает третий бой, который продолжался «от 11 часа пополуночи до второго пополудни». Французы были разгромлены.

День за днем повествуют документы о боевых буднях крестьян Вохненской волости. В описании седьмого сражения указывается, что отряд Курина к этому времени насчитывал 500 человек кавалеристов и 5 300 человек пехоты. Накануне боя Курин разделил отряд на 3 части и назначил во главе их своих помощников — Егора Семеновича Стулова и Ивана Яковлевича Чушкина. В описании дается подробная картина боя в селе Вохне. Курин заманил неприятеля в глубь села и напал на него. В разгар схватки с правого фланга внезапно ударил отряд Ивана Чушкина. «Неприятель нечаянным нашествием Чушкина приведен будучи в беспорядок,— говорится в документе,— обратился в бегство и гнан Куриным, Стуловым и Чушкиным 8 верст и спасен был темнотою ночи от совершенного разбития, скрывшись в лесах...» В этом бою партизаны захватили у французов 20 повозок, 40 лошадей, 85 ружей, 120 пистолетов, 400 сумок с порохом и патронами. Герасим Курин «во всех делах... имел особую расторопность, смелость и отважность... и в глазах его сверкал огонь любви к отечеству».

По инициативе А. И. Михайловского-Данилевского в октябре 1836 года были составлены «Сведения о народной войне 1812 г.». В них мы читаем о Семене Силаеве, крестьянине Бельского уезда, Смоленской губернии.

Отряд французских войск в 3 тысячи человек с четырьмя пушками следовал от города Духовщины к Белому по Большой Смоленской дороге. Голодная армия Наполеона рыскала по дорогам и селам в поисках провианта. Французы схватили крестьянина деревни Новоселок Семена Силаева «для указания пути к удобнейшему проходу к Белому местами свежими и не опустошенными еще войной». «...Но ни обещаниями, ни угрозами, ни жестокостями наказания... командовавший

Герасим Курин.

тем отрядом генерал не мог вынудить у него правды: выведены были из фрунта солдаты с заряженными ружьями расстреливать его, но и тут он все уверял, что дорога непроходимая, что на всем протяжении... мосты сожжены, поделаны засеки и окопы, которые защищаются многочисленным корпусом, прибывшим из г. Осташкова,— тогда как в самом деле в г. Белом был только небольшой отряд казаков, и тот готовился уже к отступлению. Потом, когда они предлагали ему золото, требовали провести на село Чичаты, то он объявил им, что дорога тесна и завалена лесом... что войско и поселяне того и ждут, чтобы они вошли в лес для выгодного для них нападения. И так французы, предубежденные крестьянином Силаевым в невыгодности их положения, перешли обратно за реку и разломали за собой мост...»

О. НИКИТИНА,
М. ГОЛОВНИКОВА,
научные сотрудники Центрального государственного военно-исторического архива СССР

ва следует, что, прибыв в порт, Наполеон горячо благодарил за проявленную заботу. В знак благодарности он подарил Шувалову свою саблю.

В 1912 году, в честь столетнего юбилея Отечественной войны, в Московском Кремле была открыта юбилейная выставка. Среди тысяч реликвий была выставлена и сабля, хранившаяся у потомков Шувалова. Затем сабля была возвращена графине Воронцовой-Дашковой, наследнице Шувалова, и находилась в одном из ее имений на Украине.

Из последующей истории сабли (с 1913 по 1926 год) известно лишь то, что в период организации Музея Красной Армии она была передана туда одним из участников гражданской войны как его личное боевое оружие. Очевидно, красногвардеец и не подозревал, чью саблю он держал в руках. В Музей Красной Армии сабля поступила уже поврежденной, потеряв часть крестовины. И вот один из сотрудников музея прочитал надписи на сабле. Так была восстановлена первоначальная история оружия. 10 ноября 1926 года интересная реликвия была передана в Государственный Исторический музей.

Мы неоднократно пытались установить имя последнего владельца сабли — бойца или командира Красной Армии. Но пока безуспешно.

Возможно, кто-нибудь из читателей «Огонька» знает неизвестного красногвардейца, тогда этот рассказ и фото помогут нам в поисках и дадут возможность дописать необычайную судьбу редкого экспоната.

Г. КОЛОМИЕЦ,
М. ПОРТНОВ,
научные сотрудники Исторического музея.

Москва после пожара

Москва пострадала во время пожара 1812 года настолько, что, казалось, город не встанет из пепла. Из 9 158 домов в Москве сгорело 6 532. Дотла выгорели Пятницкая, Таганская и Сретенская части города. Руины производили гнетущее впечатление. «Москвы больше нет»,— писал в октябре 1812 года А. И. Тургенев П. А. Вяземскому.

После изгнания Наполеона решено было не только восстановить Москву, но и перепланировать ее. Для руководства всеми строительными работами создали специальную комиссию. В нее вошли архитекторы О. И. Бове, В. Балашов, Ф. Соколов и другие. Комиссия разработала Генеральный план восстановления. План сохранял основную структуру города с композиционным центром — Кремлем. Вокруг него в пределах Китай-города создавался ряд площадей. Предусматривалось выпрямить и расширить узкие и кривые улицы. Осуществить проект поручили Д. Жилярди, Е. Тюрину, А. Григорьеву и другим зодчим.

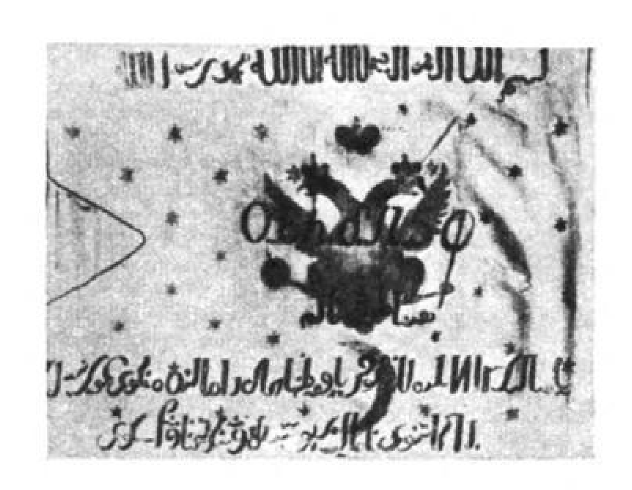
В 20—30-е годы XIX века уже были созданы новые архитектурные ансамбли. Красную площадь расширили, засыпав ров вдоль Кремлевской стены и убрав деревянные ряды и лавки у Покровского собора и у Лобного места. В 1818 году на площади установили памятник Минину и Пожарскому. Перепланирована была и Театральная площадь (ныне площадь Свердлова). В центральной ее части в 1824 году на месте сгоревшего театра построили каменный Большой театр (архитектор — О. И. Бове).

Изменила свой облик и Моховая улица. Восстановили здание Московского университета (проект архитекторов Д. Жилярди и А. Григорьева) и построили здание Манежа. В нем чествовали героев-воинов. Этот чудесный памятник был сооружен в 1817 году за 8 месяцев инженером Л. Л. Карбонье по проекту А. А. Бетанкура.

За три года — с 1813 по 1816-й — в Москве построили 328 новых жилых каменных домов, а деревянных — 4 486. В основном Москва строилась силами и средствами самого населения.

И. ЖИРОМСКАЯ,
И. СВИРИДОВА,
научные сотрудники Музея истории и реконструкции Москвы.

Бородино—Париж

В 1812 году, когда армия Наполеона напала на Россию, башкиры отправили на поля сражений двадцать конных полков. Воины из Башкирии участвовали в Бородинском бою, прошли всю Европу и вместе с другими соединениями русской армии вступили в Париж.

Сохранилось много документов, рисунков и картин, которые повествуют о славных делах башкирских воинов на фронтах Отечественной войны. Интересно боевое походное знамя, которое хранится в республиканском краеведческом музее Башкирии. Знамя, видимо, делалось в спешке: об этом свидетельствует небрежность исполнения. Использовано какое-то старое полотнище с двуглавым орлом, относящееся, вероятно, к XVIII веку.

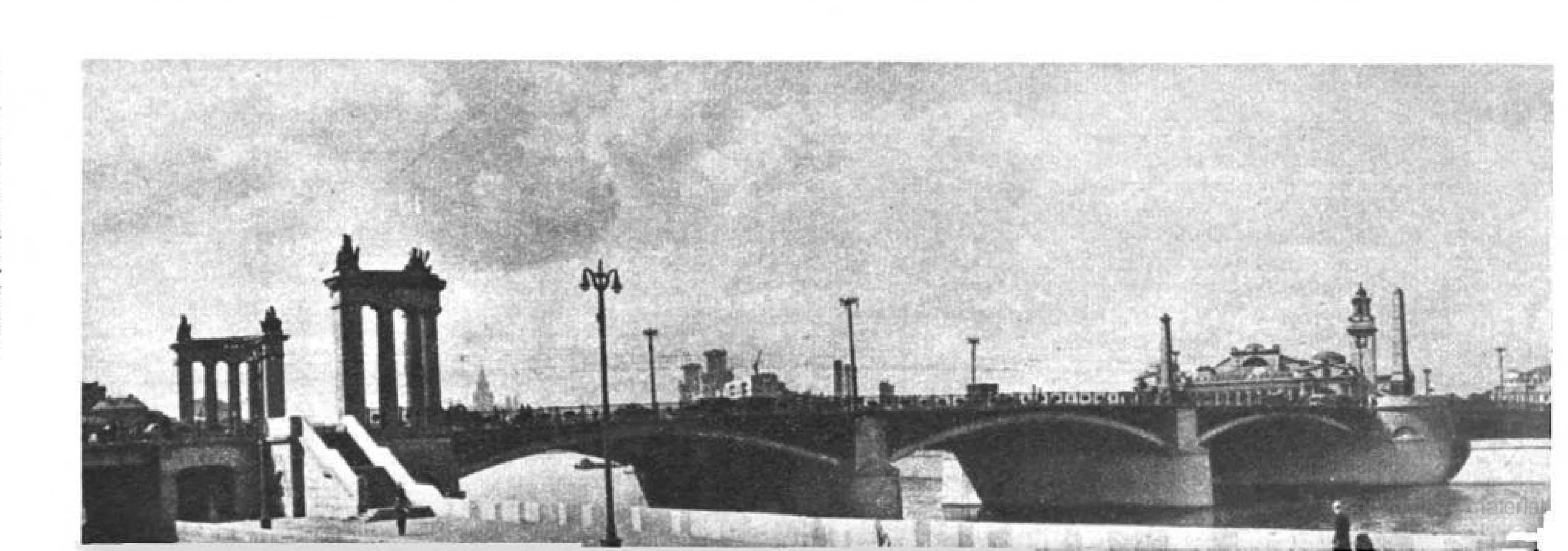
Походное знамя конников-башкир было выполнено на левой, лучше сохранившейся стороне старого полотнища. Поэтому изображение орла оказалось зеркальным: скипетр — справа, держава — слева, и на знамени ясно проступают прежние изнаночные швы.

Надписи сделаны арабским и латинским шрифтами. Арабские, тюркские и русские слова здесь сильно искажены, что затрудняет их расшифровку. Смесь латинских и русских букв в центре, на изображении орла, очевидно, означает: «Отдельная башкирская кавалерийская бригада, полк — 5». А надпись в нижней части знамени гласит: «Это знамя мира, сделано в 1813 году... во время похода... начальник 11 кантона подполковник Семеновский».

Р. АХМЕРОВ
Уфа.

с именами выдающихся русских полководцев — Кутузова, Багратиона, Барклая-де-Толли, Платова, Раевского, Дохтурова, Ермолова и братьев Тучковых. Здесь же высечены имена героев-партизан: Давыдова, Фигнера, Сеславина, Василисы Кожиной, Герасима Курина, Егора Стулова, Ермолая Четвертакова и других. Береговые сооружения имеют форму бастионов. Медальоны на решетках парапета изображают различные военные атрибуты.

И. МОСКОВСКАЯ

Это было под Тарутином...

Вл. ПАВЛОВ

Тарутино!.. Этому селу, что лежит в семидесяти километрах от Москвы на старой Калужской дороге, суждено было обрести мировую славу. Здесь знаменитым тарутинским маневром в 1812 году кончилось отступление русской армии и началась подготовка к контрнаступлению. Отсюда, из-под Тарутина, был нанесен наступательный удар по французскому авангарду во главе с самим Мюратом...

Все это известно...

Но мало кто знает, что сто двадцать девять лет спустя, в годы Великой Отечественной войны, в лесу под Тарутином действовали отряды советских партизан, приумноживших славу своих предков.

...30 ноября 1941 года в «Правде» было напечатано сообщение Совинформбюро о том, что несколько партизанских отрядов под командованием товарищей Ж., К., П., Б. совершили дерзкий налет на штаб армейского корпуса в одном из районных центров Московской области.

Ныне мы знаем, что это произошло неподалеку от села Тарутина.

Я попросил командира одного из этих отрядов, товарища К.— Героя Советского Союза Виктора Александровича Карасева, и его соратников — бывшего командира одной из боевых партизанских групп Дмитрия Кирилловича Каверзнева, разведчицу Марию Ивановну Конькову и медсестру Зинаиду Александровну Ерохину — рассказать о том, как была осуществлена эта смелая операция.

В РАЙЦЕНТРЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ШТАБ

Рассказ бывшего командира сводного отряда В. Карасева

30 сентября 1941 года, когда стало ясно, что Малоярославец и Угодский Завод, где я был командиром истребительного батальона, наши войска не удержат, пришел приказ начать организацию партизанских баз...

Мы сразу же начали завозить продукты и боеприпасы на тарутинскую базу, расположенную возле самого памятника солдатам Кутузова. С опушки леса был хорошо виден огромный холм, увенчанный гранитным обелиском, с надписью, которую я знал наизусть: «На сем месте российское воинство, предводительствуемое фельдмаршалом Кутузовым, укрепясь, спасло Россию и Европу»...

С того самого момента, как мы заложили тарутинскую базу, наш истребительный батальон прекратил свое существование. Теперь я был командиром Угодско-Заводского партизанского отряда.

В ноябре по первому снегу мы — я и еще пять человек — отправились на разведку в Угодский Завод. Нужно было выяснить, стоит ли тут немецкий гарнизон, а заодно захватить нашего проводника Яшу Исаева. Яша, в прошлом лесник, читал следы в лесу, как книгу, и в самую темную ночь мог на ощупь сориентироваться по деревьям. А по нашим несовершенным картам, которых к тому же не хватало, мы частенько блуждали и попадали из-за этого в сложные переплеты. Словом, Исаев был нам нужен до зарезу.

Домик лесника стоял на самой окраине, в каких-нибудь трехстах метрах от опушки. Подошли мы к нему ночью, с огорода. Прислушались сквозь стенку — тихо. Мы к двери — а там замок.

— Что ж,— решил я,— откроем окно, влезем внутрь и будем ждать. Не мерзнуть же на дворе!

Это была ошибка, едва не стоившая нам жизни. Конечно, по-настоящему следовало бы дождаться утра на опушке леса, понаблюдать, послушать. Тем более что, как позже выяснилось, сам Исаев отправился к нам в лагерь, и мы разминулись по дороге.

Но в то время только у меня был небольшой боевой опыт: тринадцать дней боев на государственной границе (я был пограничником). Больше никто из моих товарищей по отряду пороху еще не нюхал, и уж, конечно, все мы плохо себе представляли, как нужно действовать в тылу врага.

Мы забрались в дом, перекусили сухарями и холодными мясными консервами, натянули ушанки, чтобы было теплее, и улеглись на полу спать.

Утром я проснулся не то от шума, донесшегося снаружи, не то от чьего-то сдавленного возгласа.

— Ну что там? — спросил я.— Что у вас стряслось?

— Смотри, командир!..

Я сдвинул белую занавеску на окне да так и присел. Улицы, хорошо видные из дома, стоявшего на пригорке, кишели серо-зелеными немецкими шинелями. То и дело, вздымая снег, проезжали тяжелые грузовики. Группа связистов тянула провода куда-то в сторону Малоярославца. А рядом с нашим домом расположилась немецкая походная кухня, и группа солдат сидела у нас под окнами на завалинке. Стоило кому-нибудь из этих немцев посмотреть в окно, и мы пропали!..

Я чувствовал, что все взгляды товарищей устремлены на меня: «Что делать, командир? Решай!»

— Может, попытаемся прорваться? — неуверенно предложил кто-то.— Все лучше, чем сидеть и ждать!..

Он был по-своему прав: на войне нет хуже, чем сидеть и ждать. Но я не принял этого предложения: пробежать триста метров по открытому полю на виду у целого батальона немцев (возле дома их было никак не меньше), разумеется, означало верную гибель. Оставаясь в запертом доме, можно было все-таки надеяться, что враг не обнаружит нас.

В тот день не было ни стрельбы, ни погони, ни взрывов. Никто не был ранен и тем более убит. Не случилось ровно ничего. Было только нечеловеческое, разъедающее душу ожидание. Но когда спрашивают, что самое страшное я пережил на войне, то в моем воображении неизменно встает именно этот серенький зимний денек, до боли стиснутая в руке противотанковая граната и горластые, сытые гитлеровские солдаты за окном.

Да, на этот раз нам привалило капризное партизанское счастье: нас так никто и не заметил, а мы заметили многое; наблюдая сквозь занавески за врагом, мы обнаружили, что в местечке расположился какой-то крупный штаб. На центральной площади, у большого каменного дома райисполкома, царило небывалое оживление. Подъезжали и отъезжали мотоциклы, легковые машины с чопорными немецкими генералами. В разные стороны тянулись ниточки телефонных проводов. Словом, все признаки штаба были налицо. И когда с наступлением темноты нам удалось незамеченными выбраться из дому и укрыться в лесу, мы поняли, что сделали важное открытие, о котором нужно немедленно сообщить командованию.

К вечеру наша агентура подтвердила: да, в Угодском Заводе действительно расположился штаб армейского корпуса гитлеровцев. В ту же ночь начальник штаба нашего отряда Николай Лебедев отправился в Москву с донесением.

ПЛАТОК С МОНОГРАММОЙ

Рассказ бывшей разведчицы Марии Коньковой

Мое дело было маленькое. Почти и рассказывать-то не о чем. Карасев сказал мне: «Собирайся, Маша! Да торопись, надо успеть засветло!»

Идти так идти. Такая уж работа у разведчиков. Воевать я пошла добровольно, по комсомольскому набору. В отрядных списках против моей фамилии значилось: «Разведчица».

Я знала, что на Угодский Завод готовится налет наших партизан, и понимала, как важно узнать точное расположение сил врага. Собираться мне недолго. Скинула брюки, натянула чулки, надела юбку, повязала платок на голову, вывернула карманы стеганки — не дай бог, завалится в уголок патрон или взрыватель от гранаты — и пошла.

На окраине местечка, у обочины дороги,— пост с пулеметом, окопы в полный профиль. Немцы расхаживают, курят, о чем-то говорят. Я иду как ни в чем не бывало: нельзя виду показать, что побаиваешься.

На окраине меня ни о чем не спросили. Первый барьер пронесло.

Иду, замечаю и запоминаю: тут орудия во дворе; здесь минометная батарея; около клуба танкетки...

Подошла к нужному мне дому, в котором жила связная — жена одного нашего партизана. Смотрю, перед домом идет перекличка солдат. Виду не подаю, а внутри неспокойно. «Какого черта они тут выстроились?! А вдруг подвох?» Но беспокоилась я напрасно: в доме жил командир немецкой роты и каждый раз в конце дня устраивал вечернюю поверку. Это я после узнала. А пока поднимаюсь по ступенькам на крыльцо, вхожу в кухню — за столом немцы. Тут же и хозяйка, я ее в лицо знала.

— Здравствуйте,— говорю и киваю: можно, мол, на минутку?

Она мне вполголоса: «Подожди. Здесь говорить нельзя. Я выйду, а ты посиди с ними немножко, потом выходи следом». И улыбается, будто что-то веселое мне рассказывает. Я, конечно, тоже улыбаюсь в ответ. А на душе камень: что мне с этими немцами делать?

Хозяйка вышла, а я как ни в чем не бывало уселась за стол, налила немцам чаю, себе нацедила в кружечку, сижу слушаю, что мне немцы говорят, и развожу руками: не понимаю, мол, по-вашему. Посидела недолго, а потом вышла из комнаты.

На дворе хозяйка мне все быстренько объяснила, к кому пойти надо. «Она за речкой живет. У нее офицеры стоят, и поболее моего та женщина знает».

Идти надо через мост, а на нем часовой. К мосту я подошла медленно, так, чтобы перейти как раз в тот момент, когда солдат тоже двинется на другую сторону и окажется ко мне спиной.

Вошла я в дом, а там офицеров полно. Старуха, к которой мне надо, на кухне вместе с денщиками по хозяйству хлопочет. Я к ней, а она плохо слышит. Кричать никак нельзя. Показываю ей условный платок с монограммой — он у нас вместо пароля служил. Позвала дочку; та и передала мне сведения: сколько у них офицеров,

о чем говорят, куда в штаб ходят и где батареи, пулеметные точки по эту сторону реки расположены.

Запомнила я все это и давай скорее домой, в лагерь.

СИГНАЛ — ВЗРЫВ ГРАНАТЫ

Рассказ бывшего командира Высокиничского партизанского отряда полковника Д. Каверзнева

Как только в Москве получили донесение Карасева, мне с комиссаром Бабакиным — в этот момент мы были еще в советском тылу — поручили разработку плана налета на немецкий штаб в Угодском Заводе.

Выяснилось, что всего в нашем отряде и в отряде Карасева насчитывается около девяноста человек. Для налета на хорошо охраняемый штаб этого было мало. Решили на месте объединить в сводный отряд несколько партизанских групп, действовавших в том районе. Теперь нас уже двести сорок человек; принимая во внимание внезапность налета, можно было рассчитывать на успех.

Тем временем от Карасева поступили новые сведения: захваченный его людьми штабной немецкий офицер показал, что в ближайшие дни гитлеровское командование решило нанести удар вдоль Варшавского шоссе. Тем важнее напасть на штаб корпуса в Угодском Заводе: мы могли ослабить, а то и вовсе сорвать наступление врага. Надо было торопиться.

Днем 23 ноября Машу Конькову послали во второй раз — уточнить расположение тех огневых точек гитлеровцев, которые она не успела увидеть накануне из-за наступления темноты.

Как только разведчица вернулась, мы и выступили к Угодскому Заводу. План налета был несложен: весь сводный отряд разбили на восемь групп — по числу объектов, которые надо было уничтожить или захватить. Каждая группа должна занять к определенному времени исходное положение и по сигналу — взрыв гранаты — начать наступление. Чтобы в темноте не ошибиться и не принять своих за гитлеровцев, каждый партизан обернул шапку марлевой повязкой и такую же повязку надел на рукав. Установили пароль — «Родина», отзыв — «Москва». Командовать операцией поручили Карасеву. Это и понятно: никто лучше, чем он, не знал расположения Угодского Завода.

В двенадцать ночи боевые группы заняли исходные позиции. Моей группе предстояло напасть на здание райкома партии, где находилось офицерское общежитие.

Ночь выдалась темной, тихой. Отчетливо слышно, как скрипит снег под ногами часовых. Где-то на другом краю лениво, как ни в чем не бывало, перебрехивались собаки.

Я лежал на снегу, прижавшись щекой к прикладу автомата, положив палец на спусковой крючок, и напряженно ждал. И вот взрыв гранаты. За ним прострочила автоматная очередь. Будто прорвалась плотина, сдерживавшая до поры шум боя. Пулеметные и автоматные очереди, отдельные выстрелы, сухой кашель минометов слились в сплошной рев. Тяжелое уханье взрывов сотрясало воздух. В нескольких местах вспыхнули пожары, и стало светло, как днем.

Мы ринулись вперед, забросали общежитие гранатами и подожгли здание. Офицеры начали выскакивать из окон, а мы встретили их автоматными очередями.

В общей сложности тогда было перебито несколько сотен гитлеровцев, сожжено много автомашин, несколько легких танков и броневиков и еще два склада — с горючкой и боеприпасами. А если б удалось перекрыть дорогу на Малоярославец и задержать танки и бронемашины, которые пришли к немцам на подкрепление, так мы б и не такое сделали.

ТАМ, ГДЕ СЛУЧИЛАСЬ ОСЕЧКА

Рассказ бывшей партизанской медсестры З. Ерохиной

Мне в Угодском Заводе меньше всего пришлось выполнять свои медицинские обязанности. Во всяком случае, в начале операции.

Задача нашей боевой группы состояла в том, чтобы захватить здание гестапо и полевой жандармерии, а главное, оседлать шоссе на Малоярославец, по которому могло прийти подкрепление.

Командир нашей группы (условно назову его Тюминым) шел к исходному рубежу довольно бодро, то и дело покрикивая на отстающих, всем своим видом подчеркивая: нам сам черт не страшен.

Но на исходной позиции Тюмин притих, и в его голосе появились тревожные нотки. Больше всего он почему-то заботился о путях отхода. Даже пост выставил у нас в тылу.

Мы залегли в ожидании сигнала к атаке. Я развернула медпункт, то есть просто-напросто сняла и положила рядом с собой сумку с медикаментами, и, закрыв глаза, прислонилась к стене.

Когда раздался условный сигнал, мы вскочили и открыли огонь. Я думала, сейчас пойдем в наступление. Тем более, до дома гестапо рукой подать. И вдруг вижу, Тюмин побежал назад. Сначала ползком, на четвереньках, а потом поднялся на ноги, пригнулся да как припустит! Смотрю, остальные хоть и не бегут, а все-таки растерялись без командира, прижались к земле, не знают, что делать.

Я выхватила пистолет и за Тюминым. Догнала, схватила за шиворот:

— Стой, подлец! Как ты смел всех бросить? Отвечай, а то пуля!..

Тюмин дрожит.

— Посмотри, Зина, что делается!.. Не могу я!

А кругом бой, пожар, стрельба. И верно, страшно. Но я страх подавила в себе, тряхнула Тюмина и говорю:

— Иди командуй, а объясняться после будем!

Конечно, пока мы топтались на месте, гестаповцы и жандармы уже приняли все меры, и нам не удалось их вышибить. Не удалось и оседлать дороги, по которой в конце операции со стороны Малоярославца подошли танки. Вместе с ранеными, которых набралось человек тридцать, я пошла в лес. Вот и все про бой.

Вы спросите: почему я не называю настоящей фамилии Тюмина? Очень просто: позже он воевал в общем неплохо и загладил свою вину.

ПОРТФЕЛЬ ИЗ КОРИЧНЕВОЙ КОЖИ

Продолжение рассказа В. Карасева

Не успели мы занять исходный рубеж, исчез Илюшка (фамилию его, к сожалению, забыл). Исчез на глазах. Успел только шепнуть мне: «Я сейчас! Ждите!» И пополз. Я ему шепотом: «Стой! Куда? Вернись!» Какое там!..

Дожидаюсь, сам не свой. Поглядываю на часы — вот-вот сигнал. А Илюшки нет. «Ну,— думаю,— что теперь будет?» И вдруг он появился рядом со мной. Вылез из темноты, как из погреба.

— Вот, пожалуйста,— шепчет мне в ухо и протягивает винтовку и каску.— Я часового снял. Путь свободен!..

Я, конечно, для порядка пожурил парня за такое нарушение дисциплины, но внутренне у меня даже сердце екнуло от радости: захватить штаб стало легче!

В этот момент рванула граната, и раздалась очередь. Мы выскочили, метнули гранаты в окна, кинулись к двери, а дверь крепкая, дубовая. Мы ее колошматим прикладами, плечами нажимаем — не открывается, и все тут... А ведь нам каждая секунда дорога: очухаются немцы и все документы пожгут!

Тут Вася Домашев сзади кричит:

— Разойдитесь, ребята! Взрывать буду!

Только успели отскочить, как под дверью рвануло, вышибло, будто ее и не было. Мы бросились внутрь здания. А немцы, пока мы у дверей возились, уже оборону приняли: с лестничной площадки стреляют. На улице полыхают пожары. Рядом со штабом горит склад бензина.

Так и стоит сейчас у меня перед глазами эта картина.

Я один диск автомата разрядил, второй тоже. Перезаряжать некогда. Схватился за маузер. В этот момент со второго этажа на меня бросился какой-то немец в кителе, но без штанов. Я вытянул руку с маузером, взял его на мушку. И тут меня по руке что-то ударило. Боли я сразу никакой не почувствовал, только искры из глаз полетели.

Сзади раздалась очередь, и немец покатился вниз по лестнице. Смотрю, мои ребята уже на втором этаже. Победа!..

Хотел и я на второй этаж бежать, а из руки кровь хлынула. Меня подхватили, не то, наверное, упал бы.

— Стойте! — кричу.— А документы? Штабные документы взяли?

— Тут документы! — крикнул Илюша.— Все в порядке!..

Я посмотрел — на спине у него, как мешок с картошкой, громоздился огромный портфель из коричневой кожи.

В это время с улицы донесся грохот и лязг танков. Надо бежать. Меня вывели из дому.

— Сюда! — позвал Илюша. Он успел передать портфель другому товарищу и сидел за рулем черного штабного «оппель-адмирала».

И вдруг взрыв. «Оппель» перевернулся. Илюша, герой боев в Угодском Заводе, был убит наповал. Что это был за взрыв — шальной снаряд или притаившийся где-нибудь немец швырнул гранату? Этого мы так и не узнали. Но нам некогда было раздумывать: танки рядом. Они осторожно двигались по центральной улице, прощупывая пулеметным и орудийным огнем каждый закоулок.

Я понял, что дорогу на Малоярославец оседлать не удалось, и, с трудом ворочая языком, приказал дать красную ракету — сигнал отхода.

* * *

Вот что произошло в ночь с 23 на 24 ноября 1941 года в Угодском Заводе, недалеко от Тарутина, на той самой земле, где еще наполеоновская армия в свое время испытала силу русского оружия.

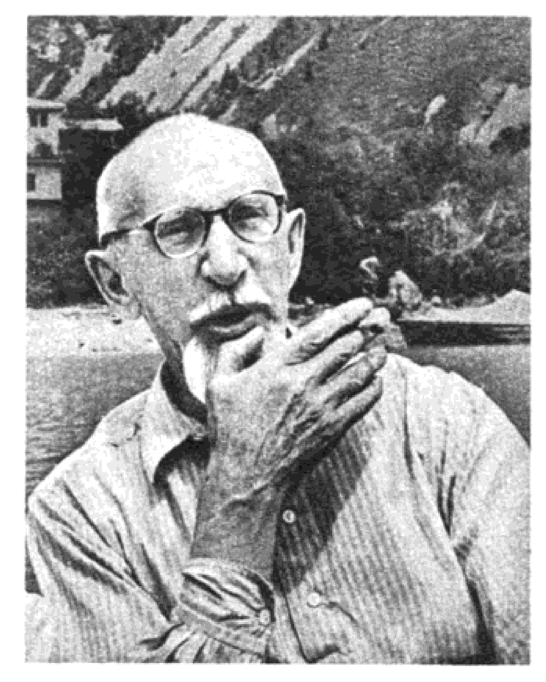
Стоит, пожалуй, добавить, что отряд В. А. Карасева с боями прошел по тылам противника до самой государственной границы, дрался с гитлеровцами в Польше, Венгрии, Чехословакии вместе с партизанами этих братских стран.

Подвиг, достойный наследников русской воинской славы!..

Участники разгрома штаба гитлеровского корпуса в Угодском Заводе (слева направо) Д. Каверзнев, В. Карасев, М. Конькова, З. Ерохина.

Фото А. Бочинина.

Валентин Петрович Кузьмин.

ЗЕРНО ЕГО ЖИЗНИ

В. ПОЛЫНИН

Недавно ученый совет Всесоюзного института растениеводства присвоил Валентину Петровичу Кузьмину, заведующему отделом селекции Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства (научный центр казахстанской целины), ученую степень доктора сельскохозяйственных наук без защиты диссертации.

Любопытный факт: многие выдающиеся селекционеры-оригинаторы — создатели новых сортов растений — были произведены в титулованных ученых без проявления с их стороны соискательских усилий. Не защищали диссертации и Иван Владимирович Мичурин и Лютер Бербанк.

Даже короткое знакомство с историей мировой селекции позволяет вывести некий обобщенный тип селекционера. Известный харьковский селекционер Василий Яковлевич Юрьев сформулировал эту мысль примерно так: селекционер должен жить долго, вести оседлый образ жизни, быть постоянным в любви к выбранному делу, чтобы не отвлекаться от главной цели.

Мичурин за свою некороткую жизнь лишь однажды на год уезжал из Козлова, чтобы запастись исходным материалом для селекции плодовых культур, особой привязанности к которым он не разделял ни с одной другой растительной культурой. Бербанк, закончивший свои работы на десятом десятке, жил затворником в Санта-Роза, Калифорния, и хотя судьбою ему было отведено для работы больше времени, чем многим его собратьям по профессии, вовсе не в шутку вывесил на своей калитке дощечку: «Мистер Бербанк занят не менее министров Вашингтона и потому покорнейше просит не беспокоить его своими посещениями». Как древним индийским мастерам не хватало жизни, чтобы завершить отделку храма, так известному канадцу Вильяму Саундерсу не хватило жизни на выведение знаменитого сорта пшеницы Маркиз. Дело отца завершил Чарльз Саундерс, Саундерс-сын. Тот же Юрьев, начав работать на Харьковской станции почти юношей, связав раз и навсегда свою жизнь с пшеницей, проработал с нею более полувека. А Василий Степанович Пустовойт, который сделал возможным невозможное и вывел подсолнечник с семенами, более чем наполовину состоящими из масла! Он впервые засеял свои делянки за два года до первой мировой войны. И когда теперь я спрашивал его, почему он решил отдать жизнь только одной культуре, когда он мог бы переделывать успешно и другие растения, Василий Степанович сказал: какая долгая ни была бы дарована ему жизнь, подсолнечнику ее все равно окажется мало. Истинные селекционеры, как правило, отвечают трем «условиям Юрьева».

А Валентин Петрович Кузьмин, занявший не последнее место в этой славной когорте, как тип селекционера стоит особняком.

Валентину Петровичу теперь шестьдесят девять лет, а селекции ему удалось отдать всего двадцать пять. Только двадцать пять лет из шестидесяти девяти он ведет оседлый образ жизни. Культур, с которыми работал Кузьмин,— двадцать девять, не считая селекции на огороде и бахче, когда он вынужден был, лишенный почти всякого снабжения, выращивать кое-что и для своего стола. И хотя не всем двадцати девяти культурам, которыми занимался эти двадцать пять лет, он отдал свою руку и сердце, но по сей день Кузьмин остается верным и пшенице, и подсолнечнику, и льну, и зернобобовым, и крупяным растениям. И не добился бы он успеха в выведении сортов других культур, если бы любовь к ним не питала его селекционное вдохновение. Это касается ржи, гречихи, гороха, чины, чечевицы, рыжика, конопли, масличного мака, люцерны и картофеля, которого он вывел шесть хороших сортов. Можно ли было при подобном полифонизме отказаться от работы с плодовыми?

— Мне почему-то всегда казалось, что садоводы — не в обиду им будь сказано — в отличие от полеводов — это такие люди, которого ноги плохо таскают. Я давно решил: когда мои откажут, начну работать в саду.

И все же селекционер Кузьмин — это как раз тот случай, когда говорят: исключение подтверждает правило. За два с лишним десятилетия ему пришлось проделать такое, что другие селекционеры не успевают за долгую жизнь. Его оседлость в эти годы напоминала отшельничество, а любовь... Он не делил ее между культурами, как отец не делит между многочисленными детьми, из которых каждое у него — единственное.

Собираясь рассказать, как трудится Валентин Петрович, ловишь себя на том, что это будет пересказ всего, что бесчетное число раз писалось о других селекционерах: работа — весь светлый, «световой» — день и главным образом на полях, ночь — на составление тактических и стратегических планов, написание обязательно коротких — спать тоже когда-то надо — статей и суперкоротких ответов. Только селекционеры так редко пользуются очередным положенным отпуском.

— Вот, например...— И басс профундо Валентина Петровича звучит пианиссимо. Это значит, своей мысли Валентин Петрович придает не последнее значение.— Селекционер не должен болеть ни духом, ни телом. У нас существует такое понятие — групповой иммунитет. Сорт пшеницы с самой высокой продуктивностью и прекрасными качествами ничего не стоит, если он неустойчив против ржавчины, головни, если он беззащитен против вредных насекомых. Всесторонняя устойчивость так же нужна селекционеру, как и его сортам.

Процесс селекции непрерывен. Потеря иного дня — например, в пору цветения, когда проводятся скрещивания, или учета урожая — может стать потерей года. Потеря года иногда невозместима.

Большими жилистыми руками, узловатыми пальцами чернорабочего, не академика, Валентин Петрович наворачивает колпачок на старенькую автоматическую ручку. Положив ручку вплотную, строго параллельно к клеенчатой тетради в клеточку, заполненной столбцами бисерных цифр, проверив, не косо ли уложил он тетрад-

СТРАДА

Девятый целинный год дался нелегко... Тем дороже его творцам, хлеборобам Целинного края, каждый колос, каждое зерно. На жатву уходили, как в бой; волевые, сосредоточенные механизаторы еще и еще раз обдумывали возможные перипетии страдной борьбы. Как настройщики музыкальных инструментов, они подолгу прислушивались к рокоту моторов, подтягивали цепи комбайнов, регулировали ход ножей. В совхозе «Ленинский», Северо-Казахстанской области, в степь вышли самоходки с новыми, широкозахватными жатками.

Широкий захват — примета нынешней страды. Более 12 миллионов пудов зерна обязались продать хозяйства Петропавловского производственного управления. Здесь широкий захват во всем: в масштабах и темпах уборки, в стопудовых намолотах и в подходе людей к делу. Бригадир Эдмунд Штоль возглавлял лучшую бригаду в «Ленинском», а ему говорили: «Да, с такими механизаторами и любой...» Эдмунд попросился в отстающую бригаду. И вот его имя и имена его новых товарищей названы в числе лучших. Иван Черныш, Евгений Алафьев, Петр Чищенко — комбайнеры, которые первыми отмолотились в «Ленинском».

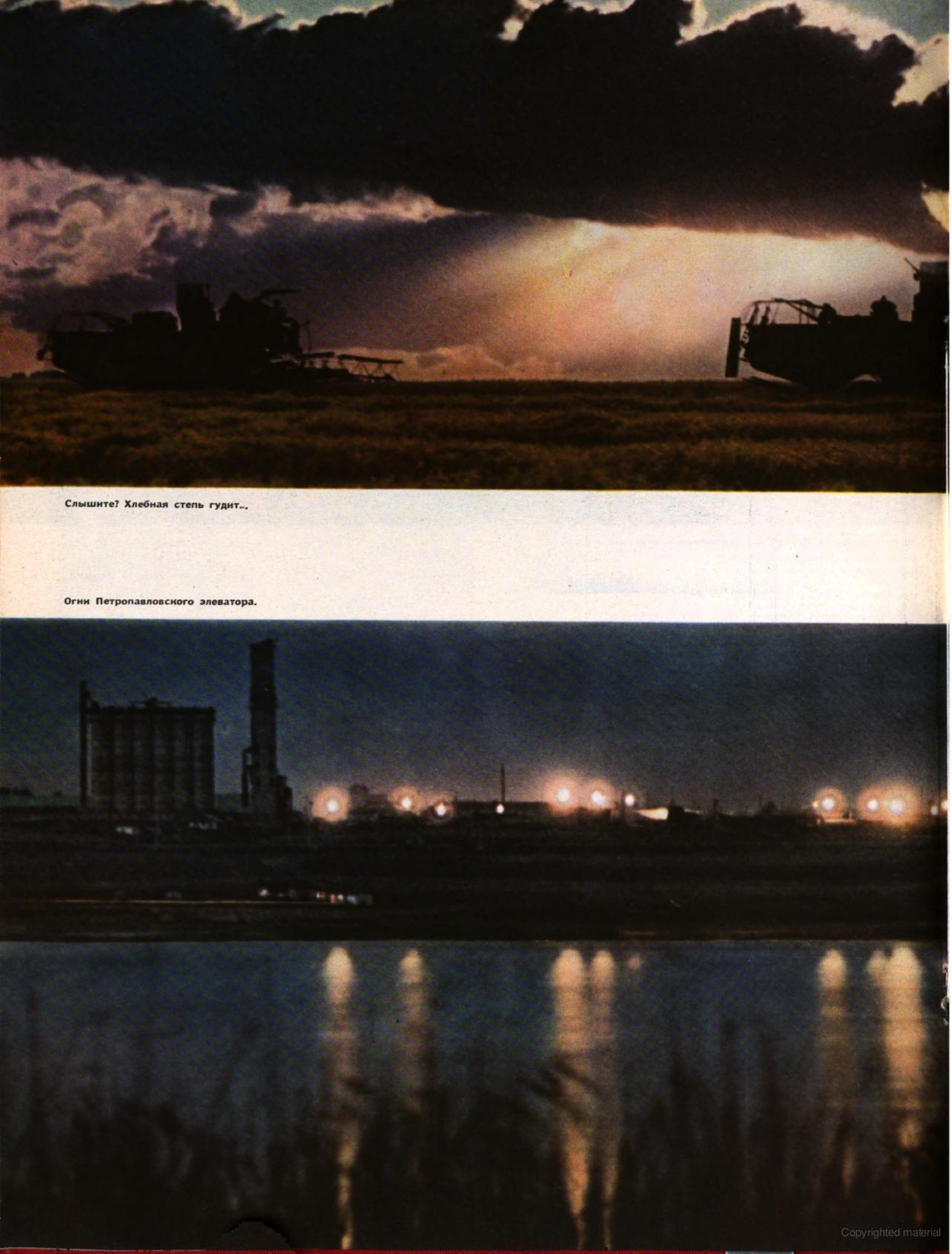
Подошло время валить кукурузу на силос. Сто тридцать гектаров «взял на себя» весной механизатор только что созданного на базе совхоза «Бишкульский» научно-исследовательского института животноводства Николай Павлович Сафронов. И один в поле воин — нынче это истина, не требующая доказательств. До шестисот центнеров зеленой массы с гектара — таковы плоды труда Николая Сафронова.

Солнце Приишимской степи золотит последние пшеничные валки. Комбайны один за другим покидают загонки. Зато все больше хлеба стекается к элеваторам. Слышите, гудит и гудит степь? Видите, не оседает пыль на степных дорогах? Идет хлеб девятого целинного!..

Эдмунд Штоль и его бригада отмолотились первыми.

Фото М. САВИНА.

Николай Сафронов пожинает плоды своего труда.

Слышите? Хлебная степь гудит...

Огни Петропавловского элеватора.

Солнце Пришимья... →

Ровесники целины.

«Отведаешь ухи — и усталости как не бывало...»

ку с ручкой на середине потемневшего от времени старого канцелярского стола, Валентин Петрович принимается за папиросы, курить которые, судя по его негладкому дыханию, ему совсем ни к чему... На редкость неблагоприятно складывалась жизнь у этого селекционера. Не случайно заговорил он о групповом иммунитете.

— Я смолоду был хил и болезнен. Видите, я астеник по сложению. В детстве меня мучил ревматизм, захватила малярия, как засуха захватывает зерно в период налива и делает его щуплым. Рос я в глухой деревне, и знахарки только из-за своего невежества не сумели совсем меня доконать. Во время первой мировой войны — три тяжелых ранения. Во время газовой атаки немцев я выносил из окопов задохнувшихся солдат и заработался до того, что сам захрипел и свалился. Спустя десять лет рентгенолог нашел у меня в легких зарубцевавшиеся каверны и уверял, что я серьезно болел туберкулезом... Во время гражданской заболел сыпным тифом, и пьяный врач честно предупредил меня: «Сдохнешь».

Конечно, Валентин Петрович замолчал, когда следовало продолжить начатую мысль. Какую силу воли надо было в себе воспитать и проявить, когда в пору культа личности судьба занесла его, уже сорокалетнего научного работника ВИРа, Всесоюзного института растениеводства, из Ленинграда в степь Северного Казахстана! На Шортандинской сельскохозяйственной опытной станции — ныне она преобразована во всесоюзный институт — он работает со дня ее основания в 1936 году. Обычно здесь никто не выдерживал больше двух лет. А он выдержал, с его отнюдь не богатырским здоровьем. Да и в Казахстане ему с самого начала было предложено пробыть всего три года и много раз представлялась возможность уехать туда, где полегче. Но он не захотел.

Селекционер в сорок лет — обычно уже автор сортов. Во всяком случае, к сорока годам селекционер успевает создать себе такую базу—«шлейф», которая если еще не принесла, то начинает приносить плоды. Валентин Петрович до приезда в Казахстан, можно сказать, не занимался прикладной селекцией. Ему было двадцать семь, а он все еще не расставался с мечтой стать горным инженером. Случай свел его с известным уже тогда селекционером профессором Виктором Евграфовичем Писаревым. Писарев продержал Кузьмина год на своей селекционной станции в Тулуне, под Иркутском, а после этого Кузьмин вновь поступает на горный факультет одного из сибирских вузов. И если бы настойчивый Писарев, давно открывший в Кузьмине Кузьмина, не затащил упрямейшего своего ученика в Монгольскую экспедицию собирать образцы культурных растений для всемирно известной коллекции ВИРа, а потом не выдвинул его, официально не имевшего даже элементарного сельскохозяйственного образования, на должность научного сотрудника в ВИР, то, как знать, может, и пропал бы Кузьмин для всего нашего селекционного легиона.

Конечно, не было бы хуже, если бы Кузьмин после окончания коммерческого училища сразу же сделался ботаником. Окончил он училище с золотой медалью, первым учеником, и мог поступить в любой вуз без экзаменов. Ведь и в училище его любимый преподаватель естественной истории уже прочил ему будущее ботаника.

Может, не было бы хуже, если бы Кузьмин вместо работы в ВИРе сразу осел на одном опытном поле и сразу же занялся селекцией какой-нибудь одной культуры.

Итак, в 1935 году Валентин Петрович Кузьмин внезапно очутился в Северном Казахстане. Он мог свободно выбрать дело, которое было бы ему более всего по душе. Он решил присмотреться к обстановке и стал работать колхозным агрономом. Правда, у него не было справки об агрономическом образовании. У него, кстати, и до сих пор нет такой справки, потому что он никогда никакого сельскохозяйственного учебного заведения не оканчивал. Но там, куда он попал, справки были уже ни к чему.

Он проработал в колхозах нынешней Кокчетавской области один сезон, и перед ним открылась увлекательная картина.

В ВИРе вместе с профессорами Виктором Викторовичем Талановым — организатором государственного сортоиспытания и первым пропагандистом кукурузы в России — и Виктором Евграфовичем Писаревым Кузьмин изучал проблемы географического размещения сельскохозяйственных культур в нашей стране. В своих обобщающих исследованиях они отмечали, что продвижение многих культур в те края, куда Валентин Петрович попал теперь, надо проводить с большой научной обоснованностью и практической настойчивостью. Пшеница, например, которую завезли переселенцы, бежавшие сюда от безземелья с Украины, из Центральной России и других густонаселенных районов, иной год давала по пятнадцать — двадцать центнеров с гектара, а в иной год с грехом пополам возвращала хлеборобу семена. Недороды беспорядочно чередовались с урожайными годами. На картах посевов пшеницы нынешний Целинный край, особенно его южная и центральная части, выглядел в те времена, как белое пятно.

Оценив опытным взглядом, что тут сеют, как сеют, почему одно растет лучше, а другое хуже, Кузьмин понял, что виновата во всем этом не природа, а люди, не умевшие прибрать ее к рукам. Когда-то он мечтал сделаться геологом-разведчиком и открывать людям новые месторождения ископаемых. Но в полынно-типцовой степи он увидел бесценные клады на поверхности земли. И как только в начале 1936 года вблизи разъезда Шортанды была организована опытная станция, Кузьмин вызвался занять на ней должность заведующего отделом селекции. Разумеется, на этот раз от него не потребовали диплома: он был уже известным ученым-опытником во всей — и какой! — округе.

И вот он должен выбирать, какой культурой станет заниматься. Он знал: наибольших успехов добились те селекционеры, которые оставались верны лишь одной культуре. А какая была более перспективной для этого края? Перед этим Кузьмин много занимался пшеницей, развивая идею продвижения ее на север, в лесную зону.

Но четырнадцать лет пребывания в ВИРе не могли пройти для него даром. Директор ВИРа академик Николай Иванович Вавилов, гордость отечественной и мировой биологической науки, вдохновитель и один из исполнителей беспрецедентного дела — создания уникальной коллекции культурных растений земли,— заражал своих последователей и учеников не только вавиловским размахом, но и вавиловской глубиной проникновения во все детали дела. А Кузьмину, единственному, пожалуй, «необразованному» ученому ВИРа, Вавилов доверял такие научные темы, в решении которых, как в воздухе, нуждалась сельскохозяйственная практика.

Вот почему, став селекционером, Кузьмин из всех культур, которые подавали хоть малейшую надежду, что будут расти в сухой степи, выбрал... все. Не о славе думал он, ступая сразу на все непроторенные, тяжелые дороги, гоняясь сразу за всеми зайцами.

— Старая мужицкая жадность,— улыбается Валентин Петрович, объясняя свое решение, «неблагоразумное», с точки зрения «дальновидного» селекционера.— Хорошей земли до черта, а зря пропадает.

Все полевые культуры он хотел увидеть живыми, в местных условиях пропустить через свои руки. «Так бывает, когда хочется посмотреть кинофильм, который все хвалят»,— объяснил Валентин Петрович.

Он выписал из вировской коллекции и посеял в первую же весну все, что только подавало надежды. И урожай получился безнадежно неказистый. Ни одна завезенная, казалось бы, с аналогичных районов земли культура не хотела тут нормально расти. Надо было изменять растения, отбирать, выводить новые сорта. По всем культурам создавать свое направление и методику работы, потому что чужие приемы в краю, не похожем ни на один другой, были недостаточными.

Забыв о том, как он сюда попал, Кузьмин радовался обилию работы. И это спасло ему жизнь, любовь к жизни, принесло все, без чего у человека не бывает полного счастья. Работа спасла в нем ученого, гражданина, патриота.

Если затеять рассказ о том, как он здесь работал, получился бы очень длинный и страшный рассказ. Были годы, когда ходил босой, в рубище. Умирал с голоду, замерзал от холода. Все это буквально, а не фигурально. На созданной в 1936 году около разъезда Шортанды опытной станции работал в землянке, жил в землянке, в которую, казалось, были собраны мокрицы и блохи со всей вселенной. Шортанды в переводе с казахского на русский значит «Там щука». Почему так назвали это место, непонятно. Возможно, какой-нибудь путник когда-то закусил в тех местах завезенной издалека щукой. Своих же щук тут никогда не было. Воды не было. Леса не было. Кустика не было. Только типец и ковыль.

Помощников не было. Денег не было. Инвентаря не было. Лабораторий не было. Машин сносных не было. Лошадей сносных не было, кроме Карюхи и Сивки. Ему пришлось специально вывести сорт степной конопли, потому что даже веревок в достатке не было.

Когда знакомишься с обычной опытной станцией, где ведутся работы по селекции, уходит немало времени на осмотр лабораторий, приборов. Приборы эти сложны и дороги. Они приготавливают тесто. Тянут, раздувают его. Пробуют его смесительную силу и всякие другие свойства в каких-то мудреных единицах. Вычерчивают хитрые графики. Десятки людей заняты анализами, десятки людей работают на одного человека — селекционера, конструктора сортов, изобретателя живых растений.

Как Кузьмин все это делал один, без помощников и приборов, уму непостижимо.

Обычно селекционеры проводят отбор, детально анализируя ход роста и развития растений. Считают урожай по осени. Валентин Петрович не мог себе позволить роскошь следить за каждым растением до его смерти. Он пытался давать оценки растениям со дня их рождения. И стоило питомцу в любой фазе повести себя не так, как угодно воспитателю,— Кузьмин, словно дурную траву, гнал его со своих делянок. Если бы он не был столь жестоким и доводил все растения до созревания, кто смог бы провести тысячи конечных анализов? Не один же человек, которому лабораторной мельницей вначале служили собственные зубы, веялкой — легкие, а молотилкой — простая палка в руках!

Но можно ли, например, выбраковывать растение из-за недостаточного содержания белка в зерне, если до зерна далеко и даже колос еще не полез вверх в своей трубке?

Можно! Когда Мичурин проводил выбраковку сеянцев, случалось, они уже оказывались без листьев, Его ученики стояли рядом и поражались, с какой быстротой сортирует он налево-направо голые прутики, ровно ничем не отличавшиеся друг от друга. Но Мичурин был не колдун, и ученики спрашивали его, по каким признакам он проводит отбор. Мичурин ничего не мог ответить. Не было в языке слов, определений, понятий, которыми можно было описать особенность физиономии каждого прутика.

— Все разговоры об интуиции — чепуха,— говорит Валентин Петрович, материалист до мозга костей.— Когда у меня прошли перед глазами за десятилетия сотни тысяч, если не миллионы образцов, то я невольно даже по окраске еще только кустящейся пшеницы смогу угадывать, достаточно будет белка в зерне или мало.

В последние годы, когда у Кузьмина появились помощники, он получил возможность общаться с другими селекционерами Казахстана не только по переписке. Недавно его пригласили в гости на опытное поле под Алма-Атой. До полей оставалось пройти несколько километров, а Кузьмин сказал своим спутникам, что пшеница на поле в полном цвету. «Как вы догадались, Валентин Петрович?!» — удивились они. «Я не догадался.

Лев Толстой на

Виктор **ШКЛОВСКИЙ**

1 января 1857 года Лев Николаевич Толстой записал в дневнике, что перевел сказочку Андерсена «Новая одежда короля». 16 февраля того же года он пишет в записной книжке: «Андерсена сказочка о платье. Дело литературы и слова — втолковать всем так, чтоб ребенку поверили».

Искусство должно **доказать**, что король голый. Для того чтобы доказать характер 12-го года, его стихийность, его народность, для того чтобы отказаться от условного, Толстой должен был увидеть Бородинское поле в реальности, до мелочей.

В 1867 году Лев Николаевич поехал из Тулы к Москве, чтобы посмотреть Бородинское поле, уговорив жену, оставив больных детей.

Казалось, что уже пора было приступить к переговорам о напечатании книги. 23 сентября 1867 года Лев Николаевич прекрасным утром приехал в старый Кремль, увидал узкие проходы, треугольные дворики, длинные дворцы и спокойные кремлевские широкоплечие соборы.

Нужен был товарищ для поездки на Бородино, но все были заняты, и он поехал с 12-летним братом Софьи Андреевны, Степаном Андреевичем Берсом, которого, конечно, звали тогда Степа.

Первые десять верст от Москвы были не тяжелы, но дальше дорога пошла по гатям, старой, брошенной Можайской дорогой.

К тому же забыли дома провизию, и только у Степы оказалась корзиночка винограда.

На Бородине остановились в Спасо-Бородинском монастыре, построенном на месте гибели генерала Тучкова его вдовой. Здесь была знакомая игуменья.

Два дня Лев Николаевич ходил по полю, где за полстолетия до того пало сто тысяч бойцов с обеих сторон. Все изменилось: избы перестали быть местами для засад, изгороди уже не были препятствием для кавалерии и прикрытием для пехоты. Поля опять покрыты рожью, старые могилы уже не давали пестроты полю, земля сровнялась, перекопана, перепахана.

Два дня ходил Лев Николаевич, искал очевидцев боя, узнал, что был старый солдат, сторож одного из памятников на Бородинском поле, но недавно умер.

Лев Николаевич опять ходил, смотрел, Степа в монастыре играл с собакой, оставшейся от старого солдата.

Лев Николаевич хорошо знал по книгам эти места, но по дороге делал записи: первые записи он даже поручил заносить на широкую бумажку Степе. Мальчику казалось, что литературная работа проста и каждый может помочь. Степа записывал: «Кутузов приехал и делал смотр в Царево Займище, ехал на Старицу и Зубцов... 23-го началась прекрасная погода... Горки самый высокий пункт». Таких отрывистых записей восемь.

Лев Николаевич потом начинает писать сам: в его записях изображения людей, детали.

Он записывает: «Коновницын подпоясан в шинели шарфом и колпаке». «Подбородок Кутузова». Потом опять запись: «Даль видна на 25 верст... Черные тени от лесов и строений на восходе и от курганов. Солнце встает влево, назади. Французам в глаза солнце».

После тысяч переделок в романе появилось простое и убедительное описание: «Солнце взошло светло и било косыми лучами прямо в лицо Наполеона, смотревшего из-под руки на флеши. Дым стлался перед флешами, и то казалось, что дым двигался, то казалось, что войска двигались».

«Подбородок Кутузова», одежда русских генералов — это то, что в поэтиках называли метонимией,— часть вместо целого, но часть, сознательно выбранная. Коновницын одет в бою не нарядно, Кутузов дан как бы случайно — не осанкой, не зорким взглядом. Он как бы уперся, он думает — выжидает.

Лев Николаевич хорошо знал исторический материал, у него дома была портретная галерея Зимнего дворца, посвященная 1812 году, портреты этой галереи были уже изданы шестью большими томами. У него были книги Михайловского-Данилевского и «Походные записки артиллериста», изданные анонимно, написанные Ильей Радожицким, который впоследствии служил на Тульском оружейном заводе.

Радожицкий — смелый и толковый артиллерист, офицер, скромный, как герой «Войны и

А разве вы не слышите, как она пахнет?» Человек с нормально развитым обонянием почувствует запах цветка пшеницы, приложив колос вплотную к носу,— настолько это тонкий, слабый запах.

Тут и ищите причину, почему Кузьмин, когда проводит отбор перспективных растений, не особенно всматривается в каждое из них, не проходит вдоль делянок медленным шагом, а все бегом, бегом, бегом. Остановка — секунда — и дальше: за день надо осмотреть тысячи делянок...

Через семь лет после начала селекционных работ в Шортандах Кузьмин начал ежегодно выдавать по одному, а то и больше новых сортов различных культур. Он вывел методами отбора и гибридизации новые сорта яровой мягкой и яровой твердой пшеницы, озимой пшеницы, озимой ржи, проса, гречихи, ячменя. Но, кстати, если вам когда-нибудь встретится название «hordeum kusmini» («ячмень Кузьмина»), знайте: это своеобразная форма ячменя, привезенная Кузьминым из Монголии, но не отселектированная в Шортандах. Затем — новые сорта гороха, подсолнечника. Подсолнечник Кузьмина «шортандинский-41» выдержал конкурс и был районирован в семнадцати областях Казахстана и России от Днепра до Енисея, по северной границе возделывания этой культуры. Далее — сорта льна, конопли, рыжика (масличная культура), мака масличного, картофеля и люцерны. Всего пятнадцать районированных сортов. Работал он и с кукурузой, и с сорго, и с нутом — ценнейшей кормовой бобовой культурой в условиях засушливого климата, где нут более перспективен, чем кормовые бобы,— с соей, ляллеманцией, китайской редькой, сафлором.

Сорта Кузьмина только по Целинному краю имели ареал распространения почти в четыре миллиона гектаров. По документам за послевоенные годы — раньше такого учета не велось — под сортами Кузьмина в общей сложности находился 21 миллион 363 тысячи 358 гектаров. Самая скромная прибавка урожая за счет сорта — 10 пудов с гектара. Итак, только за послевоенные годы Кузьмин дал государству прибавку за счет селекции свыше 210 миллионов пудов. Солидный подарок!

Если бы не из рук вон плохо поставленное на целине семеноводство, из-за чего большая часть площадей засевается случайными семенами, «миллионер» Кузьмин давно бы стал «миллиардером».

И еще один момент. Селекционеры запада, работая над выведением новых сортов, обрабатывают главным образом признаки урожайности и качества. На целине к ним прибавляется всегда им противоречащий признак «выживаемости», климатической выносливости. Десятки миллионов гектаров, которые мы с 1954 года привыкли называть целиной, в течение многих веков последовательно и неукоснительно избегались земледельцами. Это был край кочевников - скотоводов. У некоторых, кто не бывал на наших целинных землях, сложилось о них такое представление, будто этот край — случайно забытая земля, которую стоит лишь распахать, а потом из года в год огребать урожаи лопатой, что пошире.

Целинный край — богатейший край. И хотя его землям и его климату, в котором испарение превышает скудные атмосферные осадки, далеко до украинских и тем более кубанских степей, все же целина может давать — и она это уже доказала — очень большие урожаи. Но если вы внимательно читали газеты и приглядывались к каждой весточке, полученной с целины, то вы, вероятно, заметили, что там не всегда год приходится на год. Иногда все пять целинных областей раза в полтора перекрывали повышенные обязательства. Иногда же они не справлялись даже с по-божески составленным планом. И это случалось не потому, что в один год целинники постарались, а в другой проподырничали. Причина всему — удивительный по своей изменчивости, непредугадываемому непостоянству целинный климат. Иной год — это климат северных районов тайги, иногда — среднеазиатских пустынь, а то — умеренного пояса.

Со временем и климат целинный переделают. Но то проблема завтрашнего дня. Сегодня же,

Бородинском поле

мира» Тушин, умел писать. Вот картина Бородинского боя, им оставленная,— я даю ее, конечно, кусками: «Речка Колоча протекала перед линией, выходя слева из большого леса, и, заворачиваясь около правого фланга, впадала в Москву-реку; возвышения по правому ее берегу с нашей стороны были довольно круты и командовали левым берегом; большая дорога от Смоленска в Москву пересекала р. Колочу при с. Бородине, почти в центре позиции. Высокий курган на нашем берегу, казалось, нарочно предназначен был для обозрения Главнокомандующему всего пространства поля битвы. Отсюда цепь возвышений тянулась к левому флангу, закругляясь до большого леса, который покрывал весь этот фланг и тыл наш. На этом-то пространстве, от леса до устья Колочи, почти на семь верст протяжения, расположены были Российские войска с резервами в три линии. По всему фронту на высотах, для прикрытия артиллерии, поделаны были окопы; их строили при нас, день и ночь, пришедшие ратники ополчения».

Огромное поле теперь было украшено памятниками; стоял монастырь, леса и кусты окружали памятники, и поле как будто сдвинулось, уменьшилось.

Солнце клало черные тени от лесов на пашни и бронзу монументов.

Лев Николаевич ходил по еще не вполне изглаженным редутам и следам флешей, понятных ему, как старому артиллеристу и участнику великой обороны Севастополя.

Описание Радожицкого прекрасно и точно. Может быть, Лев Николаевич по нему в основном построил описание Бородинского боя, выдвинув новую мысль, принятую многими военными авторитетами, о том, что Наполеон еще 24 августа 1812 года внезапно перешел Колочу и взял наш левый фланг — Шевардинский редут, но ослабел от ударов, и 25-го не было сражения, а 26-го произошел бой на спешно приготовленных русскими позициях. О том, что позиции строятся московскими ополченцами, упоминает и Радожицкий: «Московские ратники оканчивали насыпи на батареях».

Таким образом, благодаря инициативе Наполеона весь бой был повернут, что несколько противоречит основной мысли Толстого.

Сражение вырастало перед Толстым, он изменял свое решение, развертывал описание, вводил Пьера с его непониманием боя. Он писал, вернувшись в Москву: «Я очень доволен, очень,— своей поездкой и даже тем, как я перенес ее, несмотря на отсутствие сна и еды порядочной. Только бы дал бог здоровья и спокойствия, а я напишу такое бородинское сражение, какого еще не было».

«...**передовыми** людьми можно назвать только тех, которые именно видят все то, что видят другие (все другие, а не некоторые), и, опершись на сумму всего, видят то, чего не видят другие...» (Н. Гоголь).

Генерал Драгомиров согласился с Толстым в его толковании Шевардинского сражения, но он не увидал того, что увидал Толстой. Главное в решении Толстого — это не вопрос о расположении фронтов французской и русской армий; писатель решил вопрос о значении боев, о причинах исторических событий, о значении народного самосознания в войне; решил это путем анализа психологии солдат, Кутузова, немцев-военачальников, Пьера, Андрея Болконского и доктора, истомленного множеством ампутаций.

Два дня ходил Лев Николаевич, пытаясь вернуть прошлое. На обратном пути Толстому попалась крупная тройка и ямщик огромного роста. Тройка вынесла повозку на шоссе и мчала ее во весь опор.

Туман лежал на осенних листьях, высокая голубая луна сияла в небе, освещала туман и желто-синие, тоже похожие на тучи, вершины берез.

Туман спускался с леса и лежал на шоссе, тень великана-ямщика, и тень Толстого, и перебивающие тени конских голов бежали по туману.

Повозка неслась по ухабистому небесному туману. Лев Николаевич заметил, что Степа боится, и спросил мальчика:

— Чего хочешь, о чем думаешь?

Степа ответил:

— Мне очень жаль, что я не ваш сын, Лев Николаевич.

Лев Николаевич знал, что дети его любят. И не удивился на ответ. Он сказал, глядя на тени, которые бежали по левой стороне дороги, перекрывая клубы тумана:

— А мне хочется, Степа, быть понятым другими. Историки описывают неверно и внешне, а надо угадать внутреннее строение жизни.

если климат не идет навстречу культурным растениям, надо, чтобы культуры, их сорта, которые здесь высеваются, пошли навстречу целинному климату. И Валентин Петрович Кузьмин доказал: сделать это нелегко, но возможно.

Мировые чемпионы, приносившие феноменальные урожаи в других краях, здесь, на целине, либо не переносили затяжных весенних холодов, либо, одолев весну, начисто сносились июньской засухой, либо, перевалив с грехом пополам через холодные пороги мая и жаркие пороги июня, не дотягивали в своем развитии до обычных поздних июльских дождей. И, наконец, самые выносливые ломали себе голову на четвертом пороге — августовской засухе: они были уже не в состоянии налить полноценное зерно.

Кузьмин стал втискивать сорта в прокрустово ложе целинного климата. Первой победой в борьбе с суровым климатом был на редкость выносливый, пластичный сорт яровой пшеницы, названной им «акмолинка-1».

От «акмолинки-1» до ее внучки «целиноградки», которая готовится к выходу на целинные поля и которая по всем статьям перещеголяла бабку и отвечает требованиям самых притязательных хлеборобов и самых капризных хлебопеков, прошло двадцать лет. Эти двадцать лет интереснейшей работы, ценнейших научных находок и открытий стоят особого обстоятельного рассказа. Суть его — в многочисленных лаконичных, как и устная речь самого автора, статьях Кузьмина, напечатанных в журналах по биологии, селекции, семеноводству, академических научных записках. Старейший и известнейший селекционер профессор Виктор Евграфович Писарев, которому в этом году исполняется восемьдесят и который является не только знатоком, но в силу своего возраста и очевидцем всей истории отечественной научной селекции, сказал, что предельно краткие научные отчеты Кузьмина стоят многих увесистых монографий. Кузьмин не просто вывел новые сорта для районов Северного Казахстана, он определил направление и пути развития специфически целинной селекции. Он не только родоначальник, но и глава целинной селекционной школы, насчитывающей сегодня в своих рядах — увы!—мало молодых, свежих сил.

К сожалению, в науке целина все еще остается целиною. В крупнейшем целинном селекционном учреждении у Кузьмина в отделе, оснащенном ныне самым современным и совершенным лабораторным оборудованием, вместо четырнадцати научных работников только семь. Семь должностей, семь интереснейших научных аспектов, десятки острейших научных проблем, имеющих для целины первостепенное практическое значение, ждут, жаждут, ищут тех, кто бы взялся за их разработку.

— Не понимаю,— нервно затягивается своей тонкой папиросой Валентин Петрович.— Двадцать пять лет назад нам было труднее. А как работали! Это теперь я хожу и езжу. Раньше бегал. Только бегал. Из дома в лабораторию — бегом. По полям — бегом. В соседнее хозяйство, размножавшее мой материал,— пешком семнадцать километров. Семнадцать туда, семнадцать обратно: в горку шагом, под горку скорым шагом, а то и бегом...

Не знаю, соглашаться или нет с Валентином Петровичем, которого, шестидесятидевятилетнего, я и этой весной видел бегающим по рыхлой пашне следом за сеялкой. Правильно или неправильно поступает научная молодежь, не желающая работать в бытовых условиях, когда еще нет хороших квартир и невкусно кормят в институтской столовой?

...Валентину Петровичу присвоили ученую степень без защиты диссертации. И все-таки есть у него диссертация, которую он неплохо сделал и неплохо защитил, материал для которой он начал собирать еще в конце XIX века, когда сидел у тусклого оконца в избе и листал раздобытые отцом каталоги заграничных семенных фирм Вильморена и Гааге-Шмидта. Позже, много позже он сформулировал тему своей глубоко задуманной диссертации так: жить не зря! Эту тему он разрабатывал всю жизнь, разрабатывает теперь и будет разрабатывать дальше. Трудная тема, но, с его точки зрения, выполнимая.

Раковина

В курортном городке, в доме, принадлежавшем прежде архитектору Мельникову, жили теперь две женщины—его вдова Мария Михайловна и вдова его сына Лидия Всеволодовна, работавшая старшим научным сотрудником в краеведческом музее. Женщины жили одиноко, давно подчинившись жестоким испытаниям судьбы: сын Марии Михайловны, Алексей, погиб на войне, невестке было тогда всего двадцать четыре года, а сейчас ей было уже сорок пять лет, время принялось постепенно стирать разницу их возрастов, по своему жесткому обыкновению равнять к старости, равнять без счета лет.

За последние два года Лидия Всеволодовна особенно, прежде времени поседела, и по вечерам они, обе седые, подолгу сидели на балконе, до которого дотягивалась ветка магнолии. Мария Михайловна вязала, а невестка читала или просто покачивалась в плетеной качалке, покачивалась и думала о своем... но Мария Михайловна все же знала всегда, о чем она думает.

Дом строил сам Мельников, его рука архитектора чувствовалась и в том, что с балкона на втором этаже видно было за кипарисами море, оно всегда было видно — в тишину и в бурю, бледное или темное, в шелковистых складках, едва набегающих на берег, или в тяжелых валах, вдребезги разбивающихся о прибрежные камни, так что даже сюда, на гору, доходит водяная их пыль.

Музей, в котором работала Лидия Всеволодовна, был в тридцати километрах, в ближнем городе, и она уезжала утром на автобусе, а по вечерам, услышав натужное подвывание мотора на подъеме, Мария Михайловна сразу же принималась разогревать обед.

— Ну, что сегодня? — спрашивала она обычно, когда невестка возвращалась домой.

— Было несколько экскурсий. Ужасно много стало посетителей,— отвечала Лидия Всеволодовна устало.

Потом они обедали вместе, после обеда, вымыв посуду, Мария Михайловна принималась вязать, а невестка сидела в качалке, слегка покачивалась и думала о своем. Думала о своем и Мария Михайловна, но всегда делала вид, что занята лишь вязаньем и считает петли.

Алексей Мельников погиб в самом начале войны. Он был геологом, попал в инженерно-строительный батальон, строивший переправы через реки. Во время постройки очередной переправы снаряд попал в понтон, и те, кто был на понтоне, погибли, и река унесла их. После гибели сына обострилась сердечная болезнь мужа, и здесь, на кладбище в горах, где много татарских стоячих надгробий, некоторых очень древних, с арабскими стертыми надписями, было теперь то, что осталось от ее жизни. Они приходили сюда вдвоем, с цветами, обе уже немолодые женщины, и вокруг цветов, которые они несли, еще по дороге начинали виться пчелы.

Утром Мария Михайловна спускалась на базар, розовый, зеленый и сизо-голубой осенью. Базар был на городской площади, обратно с тяжелой кошелкой в руке приходилось идти в гору; море, невидное вначале, становилось все виднее и виднее по мере того, как поворот за поворотом Мария Михайловна поднималась, и весной оно было того же цвета, что и глицинии в саду, которые посадил в свою пору Мельников.

Возвращаясь однажды с базара по каменистой дороге, Мария Михайловна встретила загоревшего, в белых коротких штанишках, мальчика, чем-то очень озабоченного. Через плечо у него висел мешочек, а в руке был молоток геолога. Мальчик вдруг остановился, поднял камешек, скатившийся с осыпью, оглядел его и расколол на ладони молотком. Мария Михайловна тоже остановилась, что-то глубоко проникло в ее сердце, так глубоко, что было даже трудно вздохнуть. Еще мальчиком мечтал стать геологом сын, не мог дождаться каникул, отец купил ему молоточек геолога, а она сшила сумку, и как только приезжали сюда, Алексей сразу же уходил в горы, возвращался нагруженный камнями, раскладывал и определял их.

На столе мужа, рядом с его акварельными проектами в папках, лежал и молоточек сына, лежали и минералы с этикетками «базальт» или «вулканический туф»; они походили на вехи так и не найденной, так и не давшейся жизни, и только на географической карте Мария Михайловна нашла реку, на которой погиб сын, и поставила крестик примерно на месте его гибели...

Она стояла с кошелкой, в которой были баклажаны, и смотрела, как мальчик поднял еще один камешек, расколол его и ссыпал осколки в мешочек.

— Ты, по-видимому, собираешься стать геологом? — спросила она, подойдя.

— Да, когда-нибудь стану,— ответил он серьезно.

— Мой сын тоже был геологом,— сказала Мария Михайловна.— Погиб на войне. У нас целая коллекция его камней, мы давно живем здесь. А ты, наверно, недавно приехал?

— Нет, я тоже теперь живу здесь, а раньше приезжал к маме.— Глаза у мальчика были карие, теплые, он, может быть, понимал, что может чувствовать мать, у которой погиб на войне сын, и смотрел на нее почтительно.— Мама работала медицинской сестрой в санатории «Ласточка», а папа был лесничим. Вы лесное хозяйство «Кучук» знаете? Там папа и работал. Давайте помогу вам донести, я все равно иду в ту сторону.

Он взял из ее рук кошелку и понес, а Мария Михайловна шла рядом.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Вася Чудинов.

По дороге он рассказал еще, что отец тоже умер два года назад, а главный врач санатория, где работала мать, Федор Игнатьевич Мосолов, позволил ему остаться жить в санатории, и он живет сейчас в комнате у одной из санитарок. Он донес кошелку с баклажанами до калитки сада, и Мария Михайловна сказала как бы мельком:

— Заходи как-нибудь... посмотришь коллекцию камней моего сына. Его звали Лешей, посмотришь коллекцию Леши.

Она не могла сказать ему, что ее сердце замерло от тоски воспоминаний, когда она увидела молоточек геолога в его руках и как он расколол им камешек на ладони.

— Приду,— сказал мальчик.— А когда мне прийти?

Она не могла ответить ему: «Всегда, Вася... в любое время, ты так похож на моего сына, на моего Лешу».

Она сказала только:

— Приходи завтра в шесть часов,— подумав, что к этому времени уже вернется с работы невестка, и мальчик, наверно, понравится и ей.

— Ладно,— сказал он.— Приду.

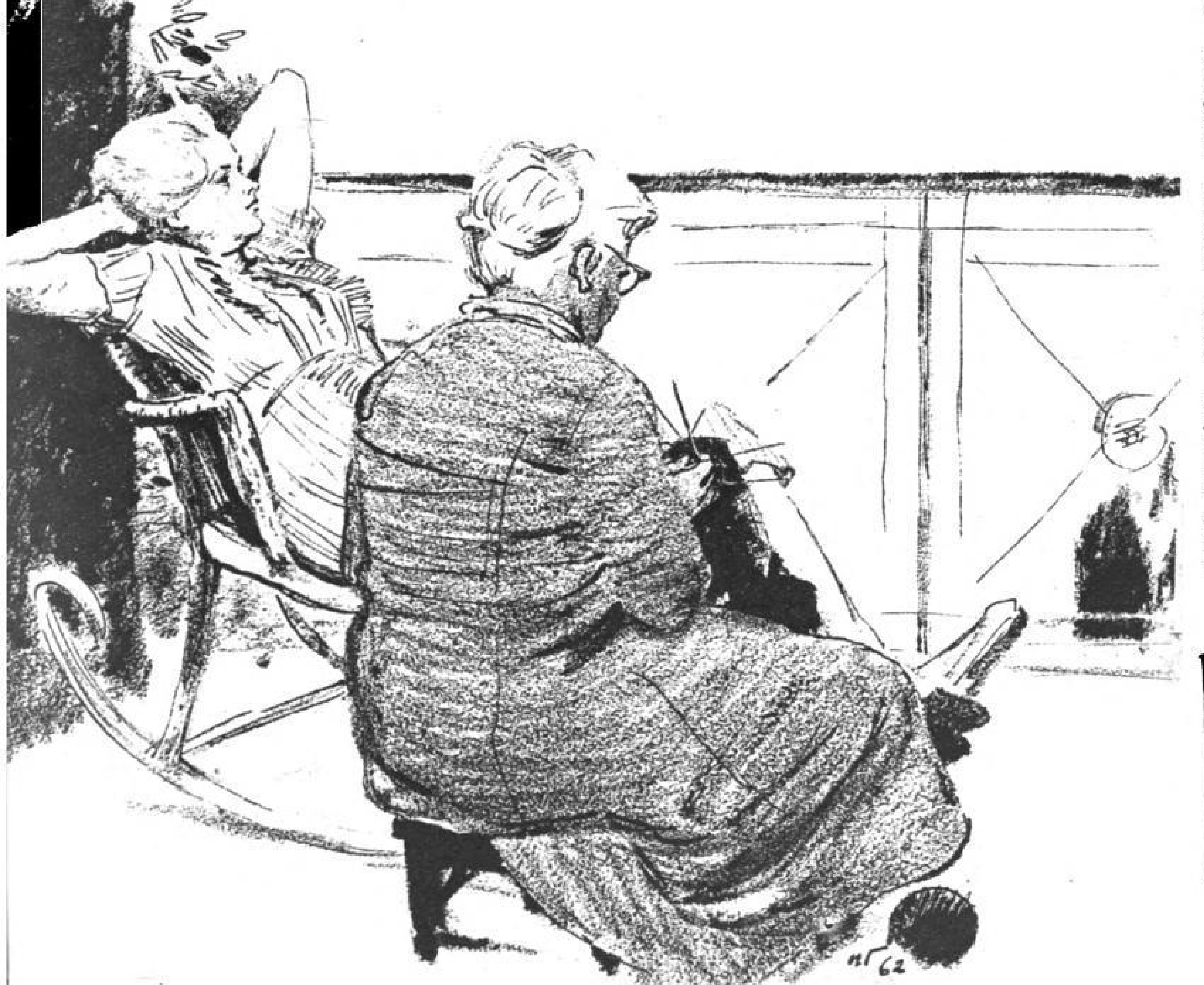
Он отдал ей кошелку, Мария Михайловна открыла калитку и сразу же, преодолевая одышку, поднялась на второй этаж. Она увидела с балкона, как мальчик пошел дальше в горы, так же уходил и сын когда-то в поисках камней.

— Новое знакомство,— сказала она невестке, когда та вернулась с работы и они сели обедать.— Хороший мальчишечка и — подумай — интересуется геологией. Его мать работала медицинской сестрой в санатории «Ласточка».

— А у нас сегодня с утра были экскурсанты,— сказала невестка.— Приезжал, между прочим, художник Архипенко, интересуется керченскими древностями, в нашем музее есть кое-что из раскопок.

Потом Мария Михайловна села вязать, а Лидия Всеволодовна покачивалась в качалке, и море неспешно ходило внизу, было совсем тихо и безветренно.

После гибели мужа Лидия Всеволодовна глубоко ушла в себя, она никого не полюбила больше и не хотела никого полюбить. Мария Михайловна все же думала раньше, что было бы естественно, если бы молодая женщина примирилась с потерей и нашла бы другого человека, но та не искала никого, и они жили вдвоем, с одними воспоминаниями. Жизнь Лидии с мужем была кратковремен-

на — всего два года они были вместе; есть, однако, такие натуры, которым дано только один раз полюбить, из племени азров, что ли, как поется в одном романсе...

— Сейчас идут новые раскопки Пантикапея,— сказала Лидия Всеволодовна, покачиваясь,— у нас хороший отдел Боспорского царства, теперь, наверно, пополнится.

Было совсем тихо, и отдаленный плеск моря доходил даже сюда. Мария Михайловна любила спать с открытыми окнами: по утрам всегда слышно было море, оно просыпалось под утро и немного шумело, даже в тихую погоду, словно давая знать, что проснулось. Мария Михайловна вязала и поглядывала по временам искоса на все еще свежее и красивое лицо невестки, хотя она была уже совсем седой, на ее маленькую ногу в узенькой туфельке, перекинутую через ногу.

— Такой вежливый мальчик,— сказала она, откладывая вязанье,— даже мою сумку донес до дому. Наверно, и его мать была хорошей. Ты не возражаешь, я позвала его прийти завтра, покормим обедом.

— Ну что ж,— отозвалась невестка.

Утром Мария Михайловна спустилась на базар, купила помидоров и цветной капусты и, возвращаясь назад, думала все время о сыне, как — стоило ему очутиться в горах — он уже весь зажигался, притаскивал в дом камни, и она бывала недовольна беспорядком. Это были уже такие далекие воспоминания, но время не уносило их, а возвращало назад, как море набегает на берег, уносит и приносит назад камешки и раковины...

Вася Чудинов пришел ровно в шесть часов, в руке у него был букет роз.

— Федор Игнатьевич прислал вам,— сказал он довольно.— Он и вашего мужа хорошо помнит.

— Его многие помнят здесь,— отозвалась Мария Михайловна.— А Федора Игнатьевича я очень уважаю, это старый врач, его все больные любят.

Ее тронуло, что Федор Игнатьевич Мосолов прислал ей розы, и почему-то особенно было приятно, что прислал их именно с этим мальчиком.

— Скоро вернется с работы моя невестка,—сказала она,—тогда вместе пообедаем. А теперь пойдем, посмотришь камни.

Она провела его в комнату сына. Камни лежали на полочке так, как он оставил их, и этикетки были написаны сначала детским почерком, потом рукой молодого геолога.

— Когда я вырасту, то обязательно поеду куда-нибудь с экспедицией,— сказал мальчик.— Может быть, на Урал поеду, а может быть, и алмазы искать. У нас недавно открыли месторождение алмазов, мне Федор Игнатьевич читал об этом. Это здорово было бы — открыть что-нибудь!

— Откроешь,—сказала Мария Михайловна.— Со временем откроешь. Вообще жизнь человека богата открытиями... найдешь хорошего человека — это открытие, найдешь просто добрую душу — это тоже открытие... так что у тебя впереди только открывать да открывать.

Она грустно смотрела издали, как Вася Чудинов разглядывает камни и прочитывает этикетки возле них. Потом она услышала знакомое подвывание мотора автобуса и пошла в кухню разогревать обед. Она мешала ложкой в кастрюле с супом и думала о том, что у Алексея мог быть такой сын, как горько, что у него не осталось сына и у нее нет внука. Автобус останавливался двумя улицами ниже, и Лидия Всеволодовна всегда очень медленно поднималась в гору.

— Вот это тот мальчик, о котором я говорила тебе вчера,— сказала Мария Михайловна.— Подумай, Федор Игнатьевич прислал с ним розы из своего сада. Удивительно внимательный человек!

Она говорила быстро, беспечным голосом, она не хотела, чтобы у Лидии появились какие-нибудь грустные мысли, просто зашел славный мальчик, и она оставила его пообедать с ними.

— Федор Игнатьевич вас тоже хорошо знает,— сказал мальчик Лидии Всеволодовне.— Он у вас в музее бывал, а я еще никогда не был.

— Что же так? — отозвалась Лидия Всеволодовна, и голос у нее не был усталый, как обычно. — Приходи, у нас есть что посмотреть. Меня зовут Лидия Всеволодовна.

— Я знаю... мне Федор Игнатьевич сказал, как вас обеих зовут. Хотите, Мария Михайловна, я каждый день буду ждать вас на базаре? У меня сейчас каникулы, а я все равно камни по дороге ищу, мне ничего не стоит донести вам сумку.

Они сели обедать, и Мария Михайловна то озабоченно разливала суп, то нарезáла мясо, делая вид, что занята лишь хозяйством и ни о чем другом не думает; но она думала: она видела в глазах невестки нечто пугавшее ее и в то же время тревожно волновавшее... Может быть, и она, Лидия, представляла себе, что у нее мог быть сын, такой же в свою пору, как этот мальчик, душа и сердце того, кого она любила.

— Давай-ка я тебе супу подолью,— сказала Лидия Всеволодовна мальчику, и он не отказался: он побродил в горах, проголодался, и здесь были женские руки, от которых он уже отвык, здесь было то, чего не мог ему дать старый врач Федор Игнатьевич Мосолов, как бы он о нем ни заботился.

— Хорошо,— согласилась Мария Михайловна,— мы с тобой условимся, и ты будешь поджидать меня на базаре... а по дороге поболтаем о том о сем.

— А я могу и дрова пилить... мы в школе всегда дрова пилим. Не всякий может наши крепкие деревья пилить, а я умею. Могу и для вас напилить, если нужно.

— Нет уж,— вздохнула Мария Михайловна,— дрова и без тебя как-нибудь напилим.

— А хотите, я для вашей коллекции камни буду добавлять, каких в ней не хватает?

— Что ж, это будет, пожалуй, неплохо,— одобрила Мария Михайловна, а Лидия сказала вдруг:

— Завтра понедельник, наш музей закрыт, а послезавтра приходи к девяти часам утра, я захвачу тебя с собой. А то что же получается: местный житель, а в музее еще ни разу не побывал.

Это было неожиданно, что Лидия Всеволодовна сказала так: она была молчаливой и сдержанной, и Мария Михайловна давно привыкла к тому, что они обе многого не говорят друг другу.

— Ладно,— сказал мальчик.— Я послезавтра буду к девяти, как из пушки. А минералогия в музее есть?

— Есть и минералогия. Есть все минералы, какие можно найти в наших местах.

Во вторник Вася Чудинов пришел ровно к девяти, как из пушки, и Лидия Всеволодовна спустилась с ним к остановке автобуса. Они сели в автобус и поехали, справа по временам, когда его не загораживали большие камни, видно было море, сильный ветер гнал ровные ряды волн в белой опушке пены до самого горизонта.

— Папа брал меня иногда на перепелок охотиться,— сказал мальчик.— Папа был зоркий, а я мазал, но у меня был «монтекристо».

Лидия Всеволодовна привезла его в музей, и Вася Чудинов сначала присоединился к какой-то экскурсии, а потом Лидия Всеволодовна освободилась и сама повела его по залам, показала сначала чучела зверей и птиц, а потом минералы в стеклянных витринах. Она ходила с ним рядом, высокая и седая, еще со свежим красивым лицом, только всегда замкнутым.

— Ну вот, ты и посмотрел музей... обратно мы поедем в пять часов, так что времени у тебя много. У нас внизу есть маленький буфет, пойдем, там тебя угостят мороженым.

Она провела его в буфет, сказала что-то буфетчице, и та стала накладывать на тарелочку мороженое из запотевшей металлической банки, целых четыре шарика — сливочные и шоколадные. Лидия Всеволодовна ушла по своим делам, до пяти часов было еще много времени, и после мороженого можно было подняться наверх, присоединиться еще к одной, а потом и к другой экскурсии и послушать про прошлое края.

Автобус подошел к остановке ровно в пять часов по расписанию, море к вечеру стало уже совсем бурным и темным, и волны еще на бегу разбивались одна о другую...

— Приходи завтра опять,— сказала Лидия Всеволодовна, когда они вышли из автобуса.— К шести часам я всегда уже дома.

— Приду. Я теперь буду часто приходить к вам, пока не прогоните.

Вася Чудинов хотел сказать это весело, но получилось почему-то невесело, и он сам не мог понять, почему. Он зашагал к санаторию, а Лидия Всеволодовна стала подниматься в гору, вошла в сад, обед стоял уже горячий на столе. Мария Михайловна ни о чем не спросила, и они обедали вдвоем, как обычно, и делились друг с другом маленькими новостями или событиями за день.

— Сегодня была экскурсия военных моряков, скоро День Военно-Морского Флота,— сказала Лидия Всеволодовна.— Такие все молодцы, прямо как на подбор.

А Мария Михайловна купила на базаре клубнику, и большие бело-розовые ягоды лежали в вазе.

— Наверное, в школе хороший минералогический кабинет,— сказала Лидия Всеволодовна вдруг.— Все-таки удивительно, в таком возрасте разбираться в минералах.— И Мария Михайловна опять ни о чем не спросила, она понимала, что не нужно спрашивать.

Но после обеда, сидя в качалке, слегка раскачиваясь в ней и глядя куда-то мимо, невестка сказала:

— Странно, как рано иногда проявляются склонности... прямо удивительно.

Вася Чудинов пришел на другой день, но в ранний час, когда Лидия Всеволодовна была на работе.

— В вашей коллекции нет зеленого халцедона... вот хороший кусок, а у меня есть еще другой.

— Правда, хороший зеленый халцедон,— одобрила Мария Михайловна, ничего не понимавшая в камнях.— Где только тебе удалось достать такой?

Она положила халцедон рядом с другими камнями, а этикетка к нему была написана детским почерком, похожим на почерк сына, когда тот только начал собирать камни.

— Я еще принесу что-нибудь. Я теперь часто буду приносить, пока не надоем,— сказал мальчик, и опять почему-то получилось невесело.

— Почему же ты можешь надоесть? — спросила Мария Михайловна.— Вообще если станешь немного помогать по хозяйству, я буду только довольна. Дрова, конечно, и без

из Карибского моря

Вл. ЛИДИН

Рассказ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

тебя найдется кому распилить, а вот, например, я буду готовить на кухне, а ты станешь что-нибудь рассказывать мне, например, какие существуют камни.

— Я, конечно, не все еще знаю,— сказал мальчик скромно,— но про кое-что знаю.

— Вот и станешь рассказывать мне про кое-что.

Он посидел в кухне, пока Мария Михайловна готовила, и рассказал, что в горах много вулканических пород, у него есть хорошие образцы, и он принесет вулканическую бомбу для коллекции. Мария Михайловна между тем поставила перед ним глубокое блюдце с клубникой и мисочку с сахарным песком. Мальчик подумал, посмотрел на клубнику и сказал:

— Я приходить к вам буду, но вы не угощайте меня каждый раз, пожалуйста... а то еще подумаете, что я для этого прихожу к вам.

— Не подумаю,— ответила Мария Михайловна.— Если бы я подумала так, то я была бы плохой человек и Федор Игнатьевич ни за что не послал бы мне розы... Он плохих людей не любит, это я уж знаю. Значит, ешь клубнику, а глупостей не придумывай. Приходи помогать по хозяйству, и Лидия Всеволодовна будет довольна. В музее народу всегда много, а дома она одна и всегда рада хорошему человеку.

— Я бы еще раз в музей поехал, я не все там посмотрел. Там есть панорама «Извержение вулкана», а в тот день электричество не горело, извержения не было.

Лидия Всеволодовна вернулась в свой обычный час, в руке у нее была завернутая книжка, но Мария Михайловна не спросила, что это за книжка. После обеда Лидия Всеволодовна села в качалку и развернула книжку.

— «Занимательная минералогия» Ферсмана,— сказала она.— Отличная книга.

Она не пояснила, для кого купила книгу, и Мария Михайловна посмотрела только через ее плечо на цветные изображения камней.

На другой день Вася Чудинов принес вулканическую бомбу, как обещал, он был хозяином своего слова, и бомба заняла место в коллекции Алексея Мельникова рядом с зеленым халцедоном. Мария Михайловна полюбовалась бомбой, как любовалась накануне халцедоном, потом она стала готовить на кухне обед, а Вася Чудинов сидел рядом и рассказывал про вулканы, которые действовали здесь когда-то. Вскоре он услышал подвывание автобуса на подъеме и побежал встретить Лидию Всеволодовну. Окно в сад было открыто, и Мария Михайловна увидела, что они идут рядом по дорожке, и Лидия, которая всегда возвращалась усталой и молчаливой, говорила оживленным голосом:

— В книжке, которую я достала для тебя, есть все, что нужно знать минералогу... Ты просто зачитаешься этой книжкой!

Вася Чудинов встречал теперь Марию Михайловну в определенном месте на базаре, как они условились, и помогал донести кошелку до дому. Дважды он съездил еще с Лидией Всеволодовной в музей, и там, когда у нее выпадал свободный часок, они гуляли немного по набережной, ели в кафе мороженое и на обратном пути не расставались у остановки автобуса, а он заходил в дом, уже не опасаясь, что могут заподозрить, будто он подоспел к обеду.

— Знаешь, что мы с Лидией Всеволодовной надумали? — сказала раз Мария Михайловна.— Почему бы тебе не стать хранителем нашей коллекции камней? Будешь, кстати, пополнять ее понемногу, тебе, как будущему геологу, пригодится это.

Мария Михайловна не знала разницы между геологией и минералогией, но он из вежливости не поправил ее.

— Как это стать хранителем? — спросил он только.

— Приходить когда вздумается, все в твоем распоряжении, человек ты аккуратный, а нам будет приятно, что в доме у нас геолог. Мы привыкли, чтобы в доме у нас был геолог.

— Ну что же,— сказал он, но в горле почему-то стиснуло, и он не мог понять, почему.

Просто он уже привык приходить сюда, Федор Игнатьевич — очень хороший человек, но все-таки заменить мать он не может, а Мария Михайловна была чем-то похожа на мать, только старенькую, мать была моложе; скорее Лидия Всеволодовна походила на мать, они вместе как-то походили на нее. Сначала он стеснялся, и его даже мучило немного, что еще подумают, будто он повадился шататься сюда, а потом получилось так, что уже нельзя было представить себе дня, чтобы не подняться по знакомой горной дороге.

Но лето все же шло, оно шло уже на убыль, скоро кончатся каникулы, начнутся занятия в школе, и тогда совсем не останется времени приходить сюда.

Как-то ночью, в конце августа, Мария Михайловна проснулась вдруг от непонятной тревоги. Что-то тяжело ходило взад и вперед за окном, и она поняла, что это ветер раскачивает магнолию и ее ветки стучат в окно. Шел тяжелый, затяжной дождь, это можно было сразу почувствовать. Она открыла глаза, по временам что-то пролетало за окном, наверное, листья, которые срывал ветер. Теперь стало слышно море, пришел, видимо, очередной циклон, и все вздрагивало, когда волны разбивались о прибрежные камни.

Мария Михайловна поднялась с постели, накинула на себя халатик и подошла к окну. В окно хлестал дождь, на юге особенно голо и неприютно, когда море глухо напоминает о том, что недалеко до зимы, и тогда оно уже совсем олютеет.

— Мария Михайловна, вы не спите? — окликнула из соседней комнаты Лидия.— Какой дождь!

— Не знаю, как ты и поедешь,— сказала Мария Михайловна.— В такую погоду наши дороги опасны.

— Ничего, автобус довезет. В общем, лето кончается. Сентябрь еще, конечно, может быть хороший, а там пойдут дожди, и не доберешься к нам сюда.

Лидия Всеволодовна не пояснила, чтó она имеет в виду, но Мария Михайловна поняла ее, она сама думала о том же.

— Надо будет Федору Игнатьевичу послать георгинов,— сказала она.— Такой любезный человек! Пошлю ему наши «Миис», а когда будем выкапывать, пошлю и клубней.

Но было со старым врачом Федором Игнатьевичем Мосоловым связано и то, что он не позволил после смерти матери Васи Чудинова отдать его в детский дом, где воспитываются сироты.

— Ложитесь, Мария Михайловна, еще рано,— сказала невестка.

— Да, пожалуй,— согласилась она и снова легла, но на сердце было как-то пусто, словно что-то снова должно было уйти из дому, как уходило уже не раз...

Автобус пришел все же вовремя, и Лидия Всеволодовна уехала в свой музей, а дождь все лил, и теперь море гудело так, словно шло приступом на берег. На базар нельзя было спуститься, и Мария Михайловна принялась готовить обед из припасенного в доме. Она готовила, дождь за окнами густо шумел, но Мария Михайловна все же сразу услышала чьи-то шлепающие по лужам шаги.

— Знаете, я все-таки подождал вас немного на базаре,— сказал Вася Чудинов,— но сегодня почти ничего и не привезли. А в санатории ночью опрокинуло беседку на берегу, даже щепочки не осталось, наверно, унесло море.

На нем был женский прозрачный плащ, полы приходилось поддерживать руками, видно, какая-нибудь из сердобольных отдыхающих одолжила ему.

— Я вам принес одну вещь,— сказал он довольно.— Вы, наверно, такую раковину никогда и не видели... приложите ее к уху и послушайте.

Он протянул ей большую, в завитках, розово-отполированную внутри раковину. Мария Михайловна приложила ее к уху, и в раковине нежно и таинственно загудел прибой.

— Действительно, необыкновенная раковина,— сказала она.

— Это из Карибского моря, ее подарил Федору Игнатьевичу один моряк на память, а Федор Игнатьевич подарил ее мне, а теперь она будет у вас.

Мария Михайловна подумала и сказала:

— Что ж, все равно, ты теперь хранитель коллекции, а расставаться на зиму нам ни к чему... так что твоя раковина будет у тебя всегда под рукой, да и я другой раз послушаю.

Вася Чудинов ничего не ответил, но его лицо стало в эту минуту такое, что Мария Михайловна отвернулась и сделала вид, будто озабочена хозяйством.

— Не знаю, что сегодня и готовить на обед... С вечера совсем было тихо. Наверно, опять принесло циклон откуда-нибудь.

Вася Чудинов прошел в комнату, где хранилась коллекция камней: телесно-розовая раковина из Карибского моря была тоже вроде минерала. Мария Михайловна зашла следом за ним и стала сдвигать в сторону книги и папки на столе.

— Это будет твой стол теперь,— сказала она.— Поставим на него лампу, зимой рано темнеет, уроки, наверно, придется готовить при лампе... но в марте станет уже совсем светло.

Она поставила на стол лампу, задумалась на миг и положила рядом с ней раковину, сохранявшую в себе гул моря, в котором родилась, так, чтобы всегда можно было приложить ее к уху и послушать этот гул.

Л. А. ЗЕНКЕВИЧ,
член-корреспондент
Академии наук СССР

СОКРОВИЩА СЕДЬМОГО КОНТИНЕНТА

К какому бы самому далекому кусочку суши мы ни отправились в путешествие, мы можем заранее составить себе примерное представление о его климате, природе, истории и даже населении. Но что мы знаем о том таинственном континенте, что лежит под палубой пароходов? Ничтожно мало.

«Как же сегодня идет изучение Мирового океана? Как предполагают ученые овладеть богатствами седьмого континента?» На эти вопросы наш корреспондент Ванда Белецкая попросила ответить крупнейшего советского ученого в области океанологии профессора Льва Александровича Зенкевича.

Науки, изучающие океан, очень молоды. Крестины старшей из них — океанологии — произошли в сентябре 1959 года в Нью-Йорке, на Первом международном океанографическом конгрессе. А химия и электроника моря еще не успели вырасти: они только формируются.

Какие богатства скрывают в себе недра Мирового океана? Вероятно, все назовут его рыбные ресурсы, китобойный промысел, добычу тюленей, выдры, котиков. Потом вспомнят о соли и водорослях, идущих в пищу. Но далеко не все знают, что в морской воде растворены сотни миллионов тонн золота, в несколько десятков раз больше серебра, тория, молибдена, калия, магния, марганца, йода, кобальта...

Как же получить от океана его несметные богатства?

В значительной степени на этот вопрос отвечает наука, создающаяся буквально на наших глазах. Для нее еще даже не придумано название. Назовем ее условно химией моря. Первые шаги этой науки уже сделаны. Химики и технологи научились получать из морских водорослей удобрения, уксусную кислоту, спирт, студнеобразователи, специальную муку, заменяющую крахмал в текстильной промышленности. Сейчас даже в технике бурения крупное значение приобретают продукты, выделяемые из водорослей.

Выяснено, что сухие водоросли не что иное, как великолепное комплексное удобрение. Одна тонна такого концентрата содержит почти два центнера солей калия и по десять килограммов фосфора, азота, йода. А к этому еще надо прибавить значительную примесь микроэлементов, чрезвычайно полезных растениям. Опыты, проведенные у нас на Дальнем Востоке, показывают, что удобрение посевов ламинарией увеличивает урожай сои и картофеля в 2—3 раза.

Но использование водорослей — лишь начало пути, который предстоит пройти химии моря. Перед этой наукой стоит величественная задача — научиться получать полезные вещества непосредственно из воды морей и океанов.

Какими путями тут пойдут химики? Мне, океанологу, трудно исчерпывающе ответить на этот вопрос. Возможно, во многом помогут получить растворенные в морской воде богатства волшебные смолы — иониты. Впрочем, я оговорился, не помогут, а уже помогли. Это сделал советский ученый А. Б. Даванков. Из морской воды при помощи ионитов ему удалось выделить золото. Пусть это была маленькая крупинка, едва превышающая по величине маковое зернышко. Но для ученого, как он сам вспоминал потом, она была дороже самого большого самородка, найденного старателем на земле в какой-либо золотоносной жиле.

В Мировом океане обитают животные и растения, обладающие удивительной способностью — концентрировать в своем организме определенные химические вещества. Возьмем йод. Даже химическим анализом его трудно обнаружить в морской воде, а водоросли и некоторые животные свободно улавливают йод и, как живые ловушки, задерживают в себе.

Микробиологи считают, что железо-марганцевые конкреции, устилающие дно почти всех океанов и морей, — результат работы бактерий. «А что, если у бактерий, рыб и водорослей выпытать секреты их биохимической деятельности и построить по тем же принципам искусственные реакторы?» — задумались ученые.

Например, Джон Бернал в своей книге «Мир без оружия» предлагает заменить настоящих китов металлическими, которые, как биохимические фабрики, будут перерабатывать планктон в китовый жир, мясо и другие ценные продукты.

Конечно, это пока еще мечта, но нет сомнений, что в ближайшем будущем такие реакторы начнут работать.

* * *

«Морская электроника» — не правда ли, имя этой новой науки звучит пока несколько странно? Однако оно уже вполне официально включено в название лаборатории Института океанологии Академии наук СССР. Руководит лабораторией Н. В. Вершинский.

Учеными доказано, что основные запасы полезных ископаемых лежат под толщей вод и через дно океана добраться до них легче, чем на суше. Уже существует два проекта добычи нефти: американский и советский.

Американцы заложили сверхглубокую скважину в Тихом океане. Бурение дна они ведут с плавучей станции, на которой установлена буровая вышка.

Проект советских ученых представляется мне смелее и проще. Они предполагают бурить сверхглубокую скважину прямо со дна при помощи специальных автоматов-бурильщиков. Над созданием таких приборов уже работает творческая мысль инженеров и конструкторов.

Все большее развитие получает и подводное телевидение. В лаборатории Н. В. Вершинского создаются самые разнообразные установки, которые можно использовать для изучения морского дна, промысловой разведки рыб, поисков затонувших кораблей и древних памятников.

Сейчас ученые мира работают над созданием такой подводной телекамеры, которая могла бы свободно и на любой глубине двигаться под водой, а управлял бы ею оператор, спокойно сидящий в каюте корабля.

Еще не сошли со страниц мировой прессы информации о спуске Жака Пиккара и Дона Уолша в глубины Марианской впадины, как уже в эти самые дни французские ученые должны осуществлять спуск в глубины Курило-Камчатской впадины в батискафе новой конструкции, названном «Триест». А вот Монакский океанографический музей конструирует плавучую «трубу» длиной в 50 метров ко дну Средиземного моря. Через иллюминаторы этой трубы можно будет увидеть все, что совершается в глубинах моря.

Это — еще дело будущего, но в области морской электроники уже сделаны открытия, которые, несмотря на их реальность, кажутся фантастикой.

Например, чехословацкому инженеру М. Крайчику удалось смонтировать телевизионную камеру, которую можно установить в подводном буре, и она покажет, какие породы встречаются во время бурения. Телевизор на кончике бура! Да еще под водой!..

Совсем недавно советский инженер А. Требелев спроектировал автоматический подземный прибор для путешествия в глубинах земли. А польский исследователь Владислав Зинкевич создал автомат, который поможет поднимать затонувшие суда на поверхность. Прибор автоматически пророет под кораблем тоннель и протянет туда трос.

Автоматика и электроника придут на дно морское и станут для океанологических исследований столь же необходимыми, как стали уже на наших заводах и фабриках. Знакомство с жизнью седьмого континента продолжается. И это — дело очень большое, общегосударственное, общечеловеческое...

Нефтяные вышки будут встречаться на каждом шагу.

Со дна океана самый короткий путь к главному котлу Земли, в магме которого варятся почти все полезные ископаемые.

Секрет получения йода?.. О нем расскажет морская капуста.

У кита появятся искусственные братья.

Рисунки М. Ушаца.

Г. ШИШКИН, Г. ВАСИЛЬЕВ

Руки на древке

У нас сейчас стало модно превращать всю жизнь в игру в покер. Вы знаете, что главное, когда играешь в покер?

Наш радушный хозяин мгновенно преобразился. Он както неестественно выпрямился, мускулы застыли в непроницаемой маске. Холодный, колючий взгляд сверлил воображаемого партнера.

— Главное при игре в покер — это не выказывать никаких чувств. Плохие у вас карты или отличные — противник не должен об этом догадаться. На лице у игрока должно все время сохраняться «покерное» выражение.

Но наш собеседник явно не был создан для игры в покер. Снова став самим собой, он заключил одного из нас в крепкие объятия и сердечно расцеловал.

— Так, я знаю, встречают гостей у вас. У нас — так.— И он крепко пожал нам руки.— Главное не в этом. Меня всегда поражало, насколько наши народы похожи друг на друга. Американцы, как и русские,— люди широкой натуры, сердечные, непосредственные.

Мы стояли у стойки небольшого уютного бара в доме Рокуэлла Кента. Нас привело сюда не простое любопытство. Кто из нас не унес навсегда в своем сердце кусочек той мужественной любви к жизни, земле и людям, которой дышат картины Кента?

От Нью-Йорка до Осейбл Форкс — 500 километров. Здесь, на севере штата Нью-Йорк, недалеко от канадской границы, в доме, построенном собственными руками, тридцать три года живет большой художник и верный друг Советского Союза.

По автостраде, сказали нам, сюда можно добраться за несколько часов. У нас путешествие заняло весь день: ограничения государственного департамента запрещают советским журналистам пользоваться автострадой «Нью-Йорк трувей». Но на этот раз мы были благодарны ретивым чиновникам. Проезжая второстепенными дорогами, мы были ближе к природе и к тем людям, которые питают творчество Кента.

Лесистые склоны Адирондакских гор в пурпуре и золоте «индийского лета». Горные речки, шумящие в каменистых лощинах. Убитый олень на крыле встречной машины. Серые, изъеденные дождями и ветром деревянные амбары и риги. Все эти детали проносившегося мимо пейзажа мы уже видели на картинах художника.

Дождливый день закончился, так и не начавшись. Хмурое утро перешло в холодные сумерки. Было совсем темно, когда свет фар выхватил из мрака дощечку у поворота на узкую проселочную дорогу с надписью «КЕНТ». Из-за черных лап елей мелькнул желтый квадрат окна. Поток яркого света хлынул из раскрывшейся двери.

— Как добрались? Не замерзли? — спрашивает Кент.

Мы не замерзли. Но радушный хозяин говорит, что он, как профессиональный бармен, должен позаботиться о нас.

— Я не шучу. Вот видите?

Он показывает на патент, висящий на стене.

«АФТ — КПП. Профсоюз барменов». «Настоящим удостоверяется, что Рокуэлл Кент является профессиональным барменом».

Бар Кента — это своего рода музей. На его стенах — в фотографиях, грамотах, пожелтевших от времени документах и подарках из многих стран мира — нашла отражение большая и сложная жизнь художника. Вот улыбающийся Кент стоит на Красной площади. Вот он в полярной парке и унтах в Исландии. Кент молодой, и средних лет, и такой, каким мы его знаем сейчас. Крепкий, худощавый, несгибаемый Кент, полный сил и энергии.

— А это мой старший сын, — с гордостью говорит Кент, показывая нам фотографию молодого человека с мужественным и спокойным лицом.— Он у меня герой. Был награжден за храбрость в боях с фашистами. Хороший парень. Сейчас работает инженером. Наши охотники за ведьмами не оставляют его в покое. Но он тверд и наотрез отказывается давать подписку о «лояльности».

Кент приступил к прямому исполнению своих обязанностей бармена.

— Выпьем за мир! — предложил он свой единственный тост.

...Разговор заходит о современном искусстве. Мы вспомнили о выставках «обезьяньей живописи», которые время от времени устраиваются в Нью-Йорке, о засилье абстракционистских полотен в лучших музеях и картинных галереях Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфии, Детройта и других американских городов. Вспомнили с горечью и о том, как гниют в подвалах прекрасные полотна прогрессивных художников Америки.

— Абстракционизм — это не искусство, — говорит Кент. — Самое большее, на что он может претендовать,— это играть прикладную роль в разработке, например, новых узоров тканей.

Кент говорит, за что именно он любит русскую литературу XIX века. Великие русские писатели всегда считали священным долгом служить народу.

— Я очень рад за вас, что вы так бережно относитесь к своему культурному наследству. У нас сейчас зачастую к великим творениям прошлого относятся в лучшем случае как к безделушкам из антикварного магазина.

Сейчас в Америке абстракционизм, — продолжает художник, — просто мода. Он живет за счет пресыщенных, скучающих богачей. Для некоторых абстракционистские полотна действительно созвучны настроениям их духовной опустошенности. Но, самое главное, в нашем мире, где все исчисляется на доллары, картины из предмета искусства давно уже стали товаром. И товаром весьма доходным.

Замечание Кента нас очень заинтересовало. Не раз мы видели в газетах рекламу примерно такого содержания: «Вкладывайте свои капиталы в картины современных художников. Коллекционирование картин приносит самую высокую прибыль на вложенный капитал».

Сидящий за столом старый друг Кентов Барни, юрист по профессии, со знанием дела посвятил нас в тайны спекулятивных махинаций американских «покровителей искусств». Оказалось, что «заработать» на картинах не так уж сложно. Нужно только одно — обладать годовым доходом в несколько сот тысяч долларов.

Делается все просто. По дешевке покупаются картины современного художника. Затем они передаются в дар музею, университету или какой-нибудь другой просветительной организации, которая не облагается налогами. Благодарная администрация щедро оценивает «дар», благо платить за него не надо. С квитанцией, в которой цена картин указана в несколько раз бо́льшая, чем за нее было заплачено, даритель является в налоговое управление. В строгом «соответствии с законом» эта сумма изымается из его дохода, подлежащего налогообложению. В результате на экономии от налогов даритель выигрывает в несколько раз больше, чем он заплатил за картины. И еще одна благодарственная бронзовая табличка с фамилией дарителя появилась в залах музея.

— За абстрактные картины в выставочных залах на Мэдисон-авеню, — замечает Кент, — цена берется с квадратного фута. Немало предприимчивых дельцов от искусства нагревают руки на этом рэкете.

— А что же ты зеваешь, Рокуэлл? — подмигнув нам, вмешался Барни.

— Я и сам подумываю порой,— шутливо говорит Кент, — не заняться ли и мне этим прибыльным бизнесом. Вот и Лисси могла бы помочь. — Кент похлопывает по загривку породистого пса, вертящегося у ног хозяина.

— Чем Лисси хуже шимпанзе Бьюти? Наверно, вы читали в газете о выставке «работ» этой красотки («Бьюти» по-английски — «красотка»).

Идея пристроить Лисси к художественному творчеству явно забавляет нашего хозяина. На его обычно жестковатом и несколько суровом лице появляется озорная улыбка.

— Вообще мы можем создать здесь целую новую художественную школу. Можно, например, использовать корову с моей фермы. Она могла бы класть на полотна отличные рельефные пятна, которые сейчас в такой моде. А если еще к сену добавить пи-

Рокуэлл Кент. АДИРОНДАКСКАЯ ФЕРМА. ЗИМА.

СОЛНЦЕ НАД МОРЕМ.

Рокуэлл Кент. СОБАКИ В ФИОРДЕ КАНГЕРДЛУАРССУК.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ.

щевых красителей, то тогда такой корове цены не будет.

Кент смеется. В его серых живых глазах вспыхивают искорки. Смотришь на него — и не верится, что этому полному энергии, молодого задора и неиссякаемого жизнелюбия человеку восемьдесят лет...

Все в этом доме такое же простое, настоящее, как и сам хозяин, как его творчество. Видно, что дерево — любимый материал художника: сосновые балки потолка, стены кабинета-гостиной — из струганых сосновых досок, длинный деревянный стол. Подставка настольной лампы из желтоватого, причудливо выгнутого корня. Нам сразу вспомнился другой большой художник, наш соотечественник Коненков. Кстати, сам Кент в прошлом немало занимался скульптурой. Как говорят американские ценители искусства, он мог бы стать выдающимся скульптором. Не потому ли поражает в картинах Кента рельефность форм, скульптурная выразительность манеры письма...

По простоте душевной мы ожидали, что в доме художника картины будут висеть десятками. И были несколько разочарованы, обнаружив на стенах всего лишь два полотна. Одно — работы самого Кента — над камином в центре гостиной сразу приковывает внимание. Оно называется «Салли и море». На высоком гребне берегового обрыва, заросшего густой, сочной травой, лежит женщина в платочке. Подперев кулачками голову, она смотрит вдаль — туда, где океан сливается с закатным небом. Изрезанные глубокими тенями прибрежные скалы, тонкая полоска прибоя и ослепительная синева моря. Это песнь о дальних странах, неизведанных краях, о какой-то новой жизни. Модель парусного брига на каминной полке, два старинных глобуса, эскимосские плетеные лыжи и весло — все это создает особую атмосферу в любимом уголке художника.

Другое полотно — портрет Кента работы ленинградских художников. «Дорогим друзьям Рокуэллу и Салли. Алеша и Галя Соколовы»,— написано в уголке. На столе перед портретом любовно разложены альбомы репродукций Андрея Рублева, картин древнеармянских художников, богато иллюстрированное издание «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

Подлинными хозяевами в доме Кента являются книги. И они тоже свидетели давних и живых связей Кента с советскими людьми, с многонациональной культурой Советского Союза. Английские издания Льва Толстого, Чехова, Лермонтова, Горького, Шота Руставели. В темно-зеленом переплете томики полного собрания сочинений Тургенева.

— Тургенев — мой любимый писатель, — говорит Кент. — Помните:

> Веселые годы,
> Счастливые дни,
> Как вешние воды,
> Промчались они!

Сколько у нас было огня и задора в эти молодые годы! Когда у вас в 1917 году свершилась революция, я сказал себе: «Вот Оно!» Казалось, еще одно усилие, и весь этот старый мир полетит к чертям.

С болью заметили мы, как помрачнел Кент.

— Нет, не увидеть мне новой Америки. Не дожить. В этом смысле моя жизнь не удалась.

Встрепенувшись и посветлев лицом, Кент говорит о том, что в Америке появилась новая, молодая поросль. Эти ребята не боятся маккартистов. Они ищут правду.

Художник взял с полки и показал нам недавно изданную в Советском Союзе книгу. Американский писатель Герман Мелвилл «Моби Дик». Книга о фантастических путешествиях, о неведомых странах, о поисках таинственного Белого Кита. Не нужно быть большим специалистом, чтобы, просматривая иллюстрации, узнать в мужественных рыбаках, нарисованных резко, с особой, неповторимой выразительностью, героев не только Мелвилла, но и нашего друга Рокуэлла Кента. Видно, пришлась ему по душе овеянная морскими ветрами суровая романтика книги, написанная американским писателем сто лет тому назад.

— Эта книга у нас стала библиографической редкостью, — сказал Кент. — Как приятно, что она издана в Советском Союзе и доступна широкому читателю.

Наше внимание привлекла заставка на титульном листе: две мужских и две женских руки сплелись, твердо держа древко знамени. Это девиз Рокуэлла и Салли Кент.

О жене Кент говорит с большой теплотой.

— Салли — настоящий, верный друг. Часто я чувствую себя виноватым. Салли — хороший журналист. Она любит и умеет писать. Но большую часть времени она помогает мне, разбирает мою переписку, отвечает на письма. Дай бог каждому такую жену!

...Утро преподнесло небольшой сюрприз: вершины гор присыпаны белой пудрой. Первые одиночные снежинки кружатся в чистом, прохладном воздухе.

— Уже снег! — радостно удивляется Кент.— У меня безотказный барометр,— шутит он, поглаживая лысую макушку.

Широким шагом, немного припадая на ходу, идет Кент по мягкому ковру из сосновой хвои. Он быстро взбирается на пригорок, спускается в лощинку. То забегая вперед, то с радостным визгом возвращаясь к хозяину, его сопровождают собаки Лисси и Гана.

Типичная лесная сторожка из почерневших бревен под двускатной тесовой крышей. Она стоит на пригорке, окруженная со всех сторон вековыми соснами. Переступив порог, мы попали в столярную мастерскую. Свежая стружка на верстаке, на полу и даже на одиноком деревянном стуле источает терпкий, ядреный запах смолы. Поблескивают отполированные рукоятки стамесок, рубанков, коловоротов, пил.

— Этот инструмент достался мне от деда, — говорит Кент.

Еще одна дверь, и мы в мастерской художника. После темного столярного «предбанника» кажется, что в комнате очень светло, хотя за широким окном — во всю стену — неяркий, серый денек. Высокий потолок-крыша обшит листами фанеры. В центре студии — мольберт с неоконченным полотном. Длинные деревянные стеллажи вдоль стен заставлены банками, кистями, кастрюльками, различными скребками. Сбоку привинчены точилс и тиски. В углу стоит деревянная кровать, покрытая грубым одеялом.

Прислоненные к стене, стоят десять—двенадцать полотен. Кент объясняет, что он работает одновременно над несколькими картинами.

— Вот эту, — говорит художник, — я начал, когда еще жил в Гренландии. Кончил совсем недавно.

Кент показывает одно за другим полотна. Серебристо-голубая гармония арктических пейзажей, строгая красота гренландских скал. И человек, всегда присутствующий на картинах Кента, не просто как деталь композиции. Он борется с холодными волнами, пробивается на нартах сквозь снега или, как этот мальчишка на картине, изображающей восход солнца на побережье Аляски, радуется, пораженный величием и красотой земли.

На прощание мы фотографируем Кента. Он явно смущен. Но мы настойчиво тащим его в кабинет, сажаем за письменный стол, заставляем позировать у книжных полок, перед картинами. В ход идут новейшие осветительные приспособления, специально купленные перед выездом из Нью-Йорка. Яркие вспышки ламп слепят глаза. Но хозяева терпеливо и мужественно выдерживают испытание. Наша суетливая возня явно воспринимается как признак профессионализма. Кент с уважением рассматривает ультрасовременные приспособления.

— А я снимаю по старинке. Подсвечиваю вот этой лампой. Может быть, вы тоже попробуете?

Если бы знал Кент, что из всех сделанных нами в доме снимков получился только один...

...Урчит мотор заведенной машины. Сказано уже все, что говорится на прощание. Даны торжественные обещания прислать фотоснимки, передать привет Москве, друзьям, читателям «Огонька». Крутой поворот, и зеленая стена сосен сразу скрывает от глаз и белый домик и стоящих у дороги Кентов.

Вспомнилось оброненное художником замечание:

— Соседи к нам не заходят: боятся. Здесь живет коммунист— держитесь от него подальше, запугивают их.

Нелегко в современной Америке быть настоящим художником, прогрессивным общественным деятелем и другом Советского Союза. Мы не спрашивали у Кента, что вело его по нелегкому жизненному пути, в чем секрет неиссякаемого оптимизма его картин, безграничной веры в человека. Мы уже слышали этот ответ. Тогда Кент только что вернулся из Москвы. Там он передал в дар советскому народу свои лучшие картины, рисунки, книги. Общество американо-советской дружбы устроило торжественный прием своему председателю. Немало хороших речей было сказано в тот вечер в зале отеля «Белмонт плаза». Многое уже позабылось. Но в память врезались слова самого Кента:

— Если и есть у меня какие-то заслуги, то только одна. Много лет назад, двадцатилетним мальчишкой я решил: общество, которое не может дать людям даже работы, несправедливо. Я поверил в социализм. Сегодня, как и полвека назад, это — самое главное в моей жизни.

Нью-Йорк.

НА ГОРЕ ЛЕСОРА

Стальные канаты подвесной дороги тянутся от поселка Ири, что в Онском районе, Грузинской ССР, к селу Чорди. Здесь, на высоте 2 400 метров, в недрах горы Лесора, находится богатое месторождение барита.

Во многих отраслях промышленности используется барит. Он нужен в кожевенном деле, в сахарном и керамическом производствах, применяется для изготовления оптических стекол, высококачественных красок.

В недрах горы Лесора запасы барита, залегающего мощными пластами, исчисляются в миллионах тонн.

На разработках барита здесь широко применяется механизация, горняки Чордского рудоуправления из месяца в месяц перевыполняют план.

На снимке: по трехкилометровой подвесной канатной дороге вагоны с баритом направляются к обогатительной фабрике.

Фото П. Луценко.

КРЫЛАТАЯ ЛОДКА

Стремительно движутся по Днепру корабли на подводных крыльях. И каждый раз, когда проносилась «Ракета», Валентин Петрович Райчук внимательно приглядывался к ней.

Если есть большие суда, то, наверное, могут быть и лодки на подводных крыльях. И Валентин Петрович решил построить такую лодку сам.

На заводе хорошо знают Райчука — мастера мартеновского цеха, изобретателя, рационализатора.

Этот рабочий опыт пригодился мастеру в его новом увлечении.

Два года ушли на строительство первой лодки. И... неудача. Лодка не поднялась на крыльях. Расчеты оказались неточны. Пришлось искать, пересчитывать, переделывать.

И вот красиво раскрашенная, стремительная лодка на крыльях появилась на Днепре.

Скорость ее 51 километр в час.

Сейчас Валентин Петрович работает над новой моделью, скорость которой, по его предположениям, будет достигать 65 километров в час.

В. ВАКИРИН.

Лодка на подводных крыльях.

Фото автора.

Три недели путешествовала этим летом группа советских журналистов по Югославии. Заводы, курорты, стройки, научные учреждения, музеи, фермы — много довелось повидать. Много бесед, рассказов, разговоров в правительственных кабинетах, в цехах, в редакциях, просто на улицах. Журналистские блокноты исписаны до последнего листка.

И вот главные из впечатлений.

Народ Югославии — трудолюбивый и умелый, темпераментный и жизнерадостный. Он хорошо помнит нашу боевую дружбу военных лет, а теперь радушно встречает гостей из Советского Союза. «Руси — это хорошо!» — этот возглас слышал я всюду, где появлялась делегация.

Жизнь страны знает и сложности — особенно в экономике, серьезно зависящей от внешнего рынка. Мы были в период, когда шли усиленные поиски средств, которые могли бы устранить экономические трудности. Уже после нашего отъезда состоялся пленум ЦК Союза коммунистов, который определил ряд мер. Теперь, очевидно, дело за практикой.

Трудно промолчать о природе страны. Территория ее невелика, но путешественник увидит и распаханные равнины, и широкий Дунай, и романтическое морское побережье, и целую коллекцию гор, начиная от мягких, ласковых к человеку отрогов Альп, кончая суровыми, почти безжизненными хребтами Далмации.

Вот и две маленьких истории, о которых я хочу рассказать, тоже связаны с горами.

...Вход в Постойницкую пещеру немного удивляет новичка своим благоустройством: яркое освещение, оштукатуренные, крашеные стены, длинный поезд из платформ со скамейками для экскурсантов.

Наш поезд трогается. В надвинувшемся полумраке глаз сначала лишь угадывает объемы пустот, промытых водой в известковой горе. Миллионы лет трудилась подземная река, прежде чем куда-то исчезнуть. В освободившемся пространстве, как рассказывают находки, сперва поселились саблезубые тигры, потом пещерные медведи. Теперь здесь течет нескончаемый поток очарованных подземными красотами туристов.

Справа от узкоколейки, где-то в глубоком, темном провале, шумит камнями ручей, наверное, праправнук реки-строительницы. Свод пещеры то совсем исчезает в высоте, то угрожающе нависает над головой.

Потом стало светлее. Лампы, искусно спрятанные в складках стен, выхватывают рыжеватые сосульки сталактитов, молочно-белые занавески из того же известкового наплыва. Четыре километра пути по пещере — это четыре километра неистощимой архитектурной фантазии, рожденной победой воды над камнем. Речка оставила после себя анфилады сказочно пышных залов. Вот теснота колоннад древнеегипетских храмов, вот колючая готика, вот изнеженное барокко — кажется, все прошлые и даже будущие стили собраны здесь.

В одном из громадных залов, где может уместиться трехэтажный дом, наш поезд остановился. Дальше мы идем пешком. Экскурсовод показал нам недвижное, мертвое озеро, вызвал ударами пальца сказочный звон сталактитов и заставил задуматься, рассказав, что сталактит за год удлиняется всего на миллиметр...

Уже на обратном пути, когда глаза смогли находить детали «второго порядка», я заметил серо-черные подпалины на сводах. Ближе к выходу живые краски пещеры совсем сменились серо-черной копотью.

— Что это? — спросил я у спутника-югослава.

— Это следы войны...

И он рассказал.

Немецкие оккупанты облюбовали пещеру под склад горючего. В этом смысле она очень удобна: просторна, несокрушимый свод, готовая железная дорога. Начиная от входа на целый километр вглубь были уложены бесчисленные бочки с бензином.

В горловине пещеры немцы поставили сильную охрану. Маленькие боковые галереи, которые вели из подземных залов неведомо куда, замуровали. Хозяева склада были спокойны...

Но однажды пещера словно бы выстрелила солдатами и офицерами охраны. Они, как картечь, полетели из каменного дула далеко под уклон горы. За головной волной взрыва с ревом хлестнуло пламя. Неделю не могли подступиться гитлеровцы к огнедышащей горловине...

Взрыв склада партизаны задумали давно.

Атака с входа безнадежна. Решили искать другой путь в пещеру. Долго лазили они по горе, осматривая каждую ямку и щель, ведущие вниз.

Наконец, одна из щелей оказалась рукавом пещеры. Но смельчаков остановила кирпичная кладка. Стенку решили подорвать: охрана далеко.

Немцы и в самом деле не услышали, как партизаны расчистили путь в пещеру. В кромешной темноте, на ощупь двинулись семеро к главному входу, к складу. В километре от цели вперед пошел один...

Темно и тихо оказалось в пещерном зале, где натолкнулся он на бензиновые бочки. Поджечь их сразу? Но огненный вихрь мгновенно спалит и его самого.

Нет, не было у партизана ни адской машины, ни мины замедленного действия. Он отполз в глубь пещеры, смочил в припасенном бензине тряпку, привязал к камню, поднес к зажигалке и метнул огненный комок... А сам что было сил кинулся назад, в темноту.

Но долго ли летит камень? Далеко ли убежишь по неровной и невидимой дороге?

Бензин рвануло слишком скоро. Раскаленный воздух, перемешанный с летучими языками пламени, подхватил человека. Он был песчинкой, живой песчинкой, попавшей в ствол чудовищной пушки...

Взрывная волна умчалась дальше и бросила наземь, избила о камни шестерых, ждавших героя. Израненные, потрясенные силою взрыва, они почти не сомневались в гибели друга. И все-таки пошли вперед на поиск.

Жар остановил их далеко от места, где их товарищ должен был зажечь тряпку. Да, он не мог уцелеть, решили партизаны и повернули обратно.

Но можно и не сгореть в огне...

Израненный, обожженный, каким-то чудом сумел смельчак скатиться в тот самый подземный ручей, который и сейчас шумит сбоку от туристской дороги. Лежа в спасительной воде, он смотрел, как вверху, над берегом, неистовый огонь обжигает стены пещеры, как толстые сталактиты раскаляются, словно булавки в пламени примуса. Долгие, долгие часы он был пленником огня.

Лишь когда выгорел бензин ближайшей части склада, смог он двинуться в обратный путь. Обессиленный, он почти полз к пролому, через который партизаны вошли в пещеру. Вдруг светлое пятно показалось вдали.

Но лай собаки оборвал нахлынувшую радость. Эсэсовцы!!!

Да, это были они. Не дожидаясь конца пожара, они прошли в пещеру дальним, боковым рукавом, чтобы попытаться захватить поджигателей.

Рядом оказался выход узкой боковой галереи. Он свернул в него. Куда выведет этот путь: снова ли в главную пещеру, окажется ли он тупиком или окончится ямой-ловушкой? Но сзади немцы, и надо идти вперед.

Наверное, он никогда не смог бы повторить этого пути.

Сорок километров — протяженность главного русла. Никто не мерил длину боковых ходов, которые ветвятся и сплетаются подобно протокам дельты большой реки. Сколько он здесь прошел, прополз, он сам не мог сказать. Только страдания были мерой расстояния и времени...

Едва уловимый холодок, повеявший в лицо, утроил силы измученного человека. Свежий воздух! Галерея выходит на поверхность.

Проход был достаточно широк, чтобы выпустить партизана из каменного плена. Не было и вражеской засады у этого безвестного выхода, затерянного в горном лесу.

ОГНИ В ГОРАХ

Г. ОСТРОУМОВ

Фото автора.

— Он жив и теперь,— закончил рассказ мой сосед, когда мы оказались уже на площадке, где ждут туристов их автобусы.— Он работает на железной дороге.

Мы пробыли в Югославии три недели, и не было дня, чтобы я не услышал партизанской истории, не увидел памятника героям освободительной борьбы, не читал названия завода или улицы, которое дано в честь павшего героя. В народе свежа память и о времени, когда наша Советская Армия пришла в Югославию, неся стране полное освобождение от гитлеровских оккупантов.

В дни, когда наша делегация путешествовала по стране, состоялось перезахоронение останков советских воинов, павших в боях при форсировании Дуная у города Батина.

Там был многотысячный митинг. Люди, выступавшие на нем, вспоминали тяжелые двадцатидневные бои, говорили об отваге наших солдат, отдавших жизнь за свободу югославского народа. Мне рассказывали, что в могилах наших воинов, в карманах гимнастерок находили инструкции: «Ты вступаешь в дружественную страну Югославию...»

Это о прошлом. А настоящее тоже имеет свой лейтмотив. Этот лейтмотив — несомненное удовлетворение, а чаще и радость, которую не скрывали все югославские товарищи, когда говорили о речи Никиты Сергеевича Хрущева в Варне, в Болгарии.

Югославия строит социализм. В канун последней войны это была одна из самых отсталых стран Европы. А сегодня она может похвастать многими недюжинными достижениями своей промышленности, техники. Об одном из них я сейчас и расскажу.

В маленьком автобусе почти целый день ехали мы по старой, тряской македонской дороге из столицы республики Скопле в Охрид. Ландшафт кавказский: справа горная круча, слева, внизу, долина. Шоссе петляет до головокружения.

И вот остановка — Маврово. Здесь новая гидроэлектростанция, которую нам предстоит осмотреть.

В самом деле, пройдя десяток-другой метров по дороге, мы увидали неожиданно открывшуюся из-за поворота трансформаторную подстанцию и скромное бетонное здание. И... ни капли воды вокруг. ГЭС на сухом месте!

Инженер, встретивший экскурсию, совсем ненадолго, скорее по традиции гостеприимства, завел нас в здание, в котором не было никаких машин. Здесь мы только представились друг другу. Потом пошли за инженером по дорожке, которая странным образом упиралась в огромные ворота, вделанные прямо в откос горы.

За воротами начинался высоченный гулкий тоннель, уходящий в недра горы. Нет, он не был детищем воды. Прямой, как стрела, чисто облицованный и хорошо освещенный, он вполне определенно говорил о своем рукотворном происхождении.

Два или три поворота, несколько ступеней вниз — и мы оказались в просторном зале, очень светлом благодаря пяти большущим окнам. В зале тихо; урчат два генератора. Места для двух других пусты и закрыты деревянными дисками: машины еще не сделаны на заводе. На застекленных антресолях пульт управления станцией, испещренный глазками лампочек.

Как и на любой современной ГЭС, здесь нет людей и все внешне так просто, что глазу не на чем долго задержаться. Разве только останавливает его открытая рама окна, всего в полуметре, за которым стена, несущая на себе следы отбойных молотков. Да, это горная порода, а «окна» — всего лишь искусственное освещение зала, устроенного с учетом психологического эффекта. Пожалуй, только этим и выдает свою подземную природу зал новой ГЭС.

Инженер рассказывает нам о станции. Она член семейства, одна из станций каскада, организованного строителями.

Я не случайно использовал это слово — «организация». А как иначе скажешь, когда речь идет о нескольких горных речках, текущих совсем в иных, далеких от станций местах, речках, повернутых и стянутых гидротехниками вместе, в один узел?

От этого узла вода тоннелями переправляется к первой станции — Врден. Затем, также в недрах горы, бежит ко второй станции, перепрыгивая с помощью сифона через какую-то вершину. Поработав в турбинах второй ступени, она «отдыхает» в огромном искусственном озере. Отсюда снова по тоннелям бежит к третьей станции—Равен, которой отдает остатки своей энергии.

Речки маленькие. Но они высоко забрались в горы и, разгоняясь по многокилометровым тоннелям, прыгая по ступеням вниз, развивают нешуточную энергию. Почти 200 тысяч киловатт будут давать все три станции, когда завершится строительство каскада.

Вот она, контрпараллель: в пещере — река, покинувшая подземное русло, там — подвиг, изгнавший из горы злую энергию бензина гитлеровцев. Здесь, на этом каскаде, люди сами втиснули воду в гору, сами создали в ней источник энергии доброй.

Специалист даст более подробную и точную оценку совершенства энергетического комплекса. Но мне показалось смелым и интересным это инженерное решение, когда наш экскурсовод познакомил нас с рисунком-панорамой, представляющим весь каскад. Есть, очевидно, у югославских гидротехников и выдумка и опыт. Мне, кстати, рассказывали там в связи с этим одну историю.

Не так давно в Западной Германии строители одной из горных ГЭС попали впросак: вода уходила из-под плотины через известковое ее основание. Много экспертов и консультантов пыталось выручить станцию из беды. Дорогие переделки отвергались, дешевые не останавливали воду.

Перед тем, как махнуть рукой на капризное свое творение, немецкие гидростроители пригласили югославских инженеров. Веры особой в их умение не было — больше для очистки совести, все, мол, испробовали.

Не знаю, что сделали югославы, но известняк перестал пропускать воду: они, всю жизнь строящие на известняке, хорошо знают все его повадки.

В наши дни, когда линии электропередач вдоль и поперек пересекают страны, когда электричество научилось делать тысячи дел, нельзя точно указать, где, в каких машинах или установках станет трудиться энергия нескольких македонских горных речек. Может быть, вообще она побежит через границу, поскольку Югославия продает электроэнергию своим «соседям».

Но в самой же Македонии, под ее столицей Скопле, мне довелось видеть строительство завода, где электричество сможет через несколько лет показать свое умение. Речь идет о металлургическом комбинате, который должен давать один миллион тонн проката.

Руды в Югославии есть, но нет угля, из которого можно получать кокс. Вот отсюда и решение — возвести на комбинате электродомны, в которых освобождать железо от кислорода будет не углерод, а сила электричества. Еще, пожалуй, рано говорить о том, каким будет завод. На полную мощность он заработает в 1966 году. А сейчас можно сказать, что, как и энергетики, металлурги Югославии стремятся к прогрессивным техническим решениям.

Наша делегация побывала на строительной площадке комбината, где единственное пока готовое сооружение — здание управления стройки. Все остальное — это фундаменты, кучи металлоконструкций, скелеты корпусов.

Югославской промышленности одной трудно поднять такое предприятие. Оборудование заказано в Норвегии, Англии, Австрии. Как говорил директор стройки Страшо Христов, идут переговоры о заказе части машин и в СССР.

Вспыхнут над македонскими горами сполохи электродомен. Это будет еще одной трудовой победой народа Югославии.

Мальчишка из Македонии.

Панорамы Югославии. Старый Дубровник...

...и новый Белград.

Солдатский кот

Александр **КРИВИЦКИЙ**

1

Что означает слово «традиции»? Сразу и точно не можете определить. Помогаете себе жестами, щелканьем пальцев: «Ну, это же ясно...» Ясно, да не всем и не всегда. Traditio — по-латыни «передача», в старинном значении — «предание».

И вот теперь я расскажу вам одну историю. Вы, конечно, слыхали про генерала Ивана Васильевича Панфилова. Он командовал дивизией в дни московской обороны. При нем она стала гвардейской. Не раз в ту пору ездил я к панфиловцам, написал очерк о подвиге 28 героев у разъезда Дубосеково, писал о самом генерале. Он вскоре погиб. Осколок немецкой мины попал ему в грудь.

Прошло немало времени. Далеко на запад отодвинулась от Москвы линия фронта. До меня доходили отрывочные вести из дивизии. То приезжал в Москву за клише секретарь дивизионной газеты, то вваливался молодцеватый старшина в лихо сбитой набок пилотке и, козыряя, с такой силой хлопал себя сжатыми кончиками пальцев по височной кости, что трудно было понять, как это ему удается устоять на ногах. Старшина обычно выполнял в Москве какую-нибудь «секретную миссию», но попутно рассказывал мне новости. Дивизией в это время командовал генерал Ч.

— Ну как? — спрашивал я старшину.

Тот пожимал плечами, на лице его сменялась серия мимических этюдов, изображавших разную степень глубокомыслия, хитроватого недоумения, отчаянного желания высказаться и вместе с тем твердой веры в то, что поступки начальства не подлежат обсуждению.

Однако осторожные вопросы делали свое дело. И старшина Ваня Буянов и офицеры, наезжавшие по разным делам в Москву, несмотря на уклончивость своих ответов, в конце концов нарисовали мне внутреннюю обстановку в дивизии. Новый ее командир ревниво относился к славе генерала Панфилова, никак не мог найти верного тона с большинством офицеров, скептически оценивал пропаганду традиций подмосковных боев, а точнее, все то, что было «до него». Это уязвляло людей, обижало их. Ветераны дивизии любили и душевно помнили Панфилова не только за его человеческие качества — прямодушие, житейскую мудрость, теплое, проникновенное отношение к людям. Они прежде всего были ему благодарны за военную науку, за то, что в критические дни московского сражения генерал командовал с умом, честью и славой. Они понимали, что Панфилов был одним из создателей новой тактики пехоты в борьбе против танков.

Говорят: большое, значительное можно оценить только на расстоянии. Формула эта, наверно, придумана близорукими людьми. Генерал Ч., о котором шла речь, был человеком близорукой души. Он хорошо знал технику, вооружение, или, как говорят в армии, материальную часть, но плохо разбирался в людях. Он не увидел, не понял нравственного содержания того, что сделал Панфилов в дивизии.

Расстояние во времени ничего не прибавило к нашей оценке жизни и смерти невысокого ростом генерала в белом дубленом полушубке — Ивана Васильевича Панфилова. Разве только все усиливающуюся грусть оттого, что невозвратимы люди, которых любишь, кому благодарен за их службу человечеству.

Генерал Ч. нигде, конечно, прямо не выражал своей неприязни к панфиловскому духу дивизии, но из его язвительных замечаний, отношения к ветеранам дивизии, желания начать историю соединения «от себя» получалось так, что все, что было раньше, никуда не годилось. Наслушавшись обо всем этом из рассказов Вани Буянова и многих других, я очень хотел побывать в дивизии. А тут и дело подвернулось — работал я в то время над темой воинских традиций — чего же лучше! Стояла дивизия в то время на калининской земле, среди болот и леса.

2

Ехал я по «лежневке», вытряхивавшей всю душу. Моросил осенний мелкий дождик, созданный, видимо, природой специально для погружения человека в зеленую тоску. Желтоватые облака плыли по бесцветному небу. Все вокруг было мокрым, серо-пепельным или ржавым — деревья, трава, глинистая земля. И мысли мои стали настраиваться на невеселый лад, но помогла эта самая лежневая дорога. Кто по ней не ездил, тот никогда не сможет от души воздать хвалу ни асфальту, ни гудрону, ни даже пыльному летом или вязкому осенью проселку.

«Лежневка» подкидывала, подбрасывала, швыряла вниз, пересчитывала все твои косточки, бросала из стороны в сторону, долбила тебя снизу и, будто сверху, швыряла по всему «виллису», мотала руки и ноги. Казалось, под машиной беснуется живое существо, огромное животное, остервенело жаждущее сбросить со своей спины оседлавшего ее человека. Это животное чавкало, хрипело, содрогалось всем своим бесконечным туловищем, брыкалось, вставало на дыбы.

«Лежневка» — поперечный настил из бревен, проложенный на земле,— единственный вид дорожного покрытия в болотистой местности, про который с полным правом можно сказать: «Эх, дорожка фронтовая!»,— но она же и хорошая профилактика против грустного настроения.

Какое уж тут грустить, когда седок, будь он хоть самого кроткого нрава, начинает сначала посапывать, потом издавать междометия вроде «н-да...», «ну-н...», «ох ты...», а затем злиться, свирепеть и, наконец, прибегать к тому много раз осужденному средству восстановления внутреннего спокойствия, которое тем не менее действует — ну, что тут поделаешь! — безотказно и почти мгновенно, а именно «выражаться».

Но самое удивительное происходит примерно после часа такой езды — ты к ней просто привыкаешь. И тогда совершается чудо, равное библейским фантасмагориям.

Душа твоя да и мозг как бы отделяются от бренной оболочки, бросая ее на произвол безжалостной судьбы, и воспаряют над «лежневкой», над всей этой пыткой движения и звуков.

Бренная оболочка продолжает корчиться, подпрыгивать, спазматически раскачиваться, словно странный маятник, не повинующийся обычным законам физики. Этой оболочкой в общем недурно управляют уже возникшие рефлексы, и она вполне точно реагирует на каждый штришок хищного профиля пути.

А духовное твое естество занимается в это время своим делом: задумывается, вспоминает, чему-то радуется, скорбит, улыбается в ответ каким-то догадкам, размышляет.

Хорошо помню, о чем я думал, добившись после часовой езды

НАШ ЖАНР ШИРОКИЙ И ЛЮБИМЫЙ

Г. М. ЯРОН,
народный артист РСФСР

Этим летом в Москве малое количество солнечных дней взялся заменить наш веселый, солнечный жанр. В столице гастролировали и Будапештская оперетта, и Варшавская, и Киевская, а в сентябре играли одновременно Новосибирский, Одесский и Московский театры оперетты и, несмотря на некоторую общность репертуара, совершенно не мешали друг другу. Аншлаги были везде.

Одесский театр оперетты (или музыкальной комедии, что одно и то же!) — один из самых сильных в стране коллективов. Артисты здесь сыгрывались годами.

У нас в Москве они показали новую румынскую оперетту «Лисистрата». Это произведение навеяно знаменитой комедией Аристофана.

«Лисистрата», несмотря на свою комедийную, даже буффонадную форму,— яркий протест против войны. Ведь Аристофан писал в годы опустошительной Пелопоннесской войны. Фраза Лисистраты, написанная в 412 году до нашей эры:

«Для того ль сыновей мы рождаем,
Чтоб на бой и на смерть провожать сыновей?» —

выражает сегодняшние мысли матерей.

Румынская оперетта «Лисистрата» написана в духе оффенбаховских оперетт, в которых действующие лица носили имена и костюмы мифологических богов и героев, а говорили о вещах, близких современному зрителю. Великий русский драматург А. Н. Островский на этот счет писал следующее: «Оперетки Оффенбаха в настоящее время очень ценны во Франции, как все то, что таким или другим образом колеблет трон II Империи. Они привлекательны... шутовским пародированием и осмеянием авторитетов власти и католической церкви под прикрытием античного костюма».

«Лисистрата» румынского композитора Г. Дэндрино является не переделкой Аристофановой комедии в оперетту, а произведением, навеянным этой комедией. В ней есть сцена «На Олимпе», но это Олимп капиталистический, Олимп, которому нужна война, Олимп, где «боги» боятся, чтобы люди не прозрели и их не свергли, «боги», которые хотят нажиться на войне и поэтому всячески ее провоцируют.

Очень трогательна сцена, в которой солдат из Фив попадает в плен к афинянам и, к своему удивлению, находит здесь таких же людей, как и он сам. Людей, которым тоже не нужна война. Мать солдата из Фив приходит благодарить начальника отряда афинян Ликона за человечное отношение к ее сыну. Эту сцену, как и всю свою партию, отлично проводят Ю. Дынов и В. Федулов (играющие в очередь Ликона), Б. Петренко и Е. Дембская.

Вообще состав исполнителей очень сильный. В оперетте фигурирует традиционный смешной старик Стильбониде, который жалуется на склероз, но влюблен в молодую Лисистрату. Он, конечно, поет куплеты и исполняет очень смешной танец. Роль эту уморительно играет талантливый С. Крупник. Превосходно играет Тараксиона заслуженный артист УССР М. Водяной — актер мягкий, находчивый, разнообразный, полный юмора, отыскивающий в каждой роли новые характерные черты, хорошо танцующий.

Г. Дэндрино мы хорошо знаем по его оперетте «Дайте волю песне»; это серьезный, талантливый композитор. «Лисистрата» — его настоящая «большая оперетта». В ней много мастерски написанных ансамблей, арий, дуэтов, трио, квартетов, удобных для певцов и эффектных. Все это не отдельные вставные номера, а единое крупное музыкальное полотно, в котором главная тема — мир — звучит патетически, торжественно, убедительно. Спектакль отлично ведет дирижер И. Кильберг. Поставлена «Лисистрата» румынским режиссером, заслуженным артистом РНР Н. Константинеску великолепно. Не удивительно, что зрители не скупятся на аплодисменты.

независимости «гордого духа» от превратностей «лежневки», помню потому, что, приехав в дивизию и едва успев размять ноги, сразу же записал свои дорожные размышления. Они касались пьесы Корнейчука «Фронт», а больше всего генерала Панфилова, одного нашего с ним разговора во время подмосковных боев. Тогда, на фронте, я редко, к сожалению, заносил в свои записные книжки больше, чем требовалось для очередного очерка или статьи. Задания редакции не оставляли подчас времени для сна — все мы в ту пору ходили с воспаленными веками.

Но в день этой поездки, вспоминая покойного Панфилова, задумываясь над рассказом о поведении генерала Ч., я отчетливо, резко вспомнил ту полузабытую беседу. Она завязалась за чаепитием, поразила меня, многому научила.

3

Горести так или иначе имеют свой конец. Кончилась и «лежневка» — приехали в дивизию. Многих старых панфиловцев уже не застать в полках. «Иных уж нет, а те далече» — смысл этой строки я резко ощутил в этот свой приезд в ставшую мне близкой и родной восьмую гвардейскую. Погиб отважный Гундилович... Не было Логвиненко, он воевал где-то в другом месте. Не было Мухомедьярова... Другие выросли, закалились в боях. Тех, кого я знал сравнительно молодыми, припорошила ранняя седина. Бауржан Момыш-Улы уже командовал полком.

Встреча с генералом Ч. была нерадостной. Не зря я всю дорогу думал о Панфилове, не зря вспоминал пьесу Корнейчука «Фронт». Генерал Ч. (я намеренно не открываю его фамилии, он недолго командовал дивизией и давным-давно не служит в армии) был типичным горловцем. Ограниченный человек, он не понял, к а к о й дивизией пришлось ему командовать, какой отточенный воинский инструмент находится в его руках, а когда в беседе с ним я заговорил о Панфилове, он даже помрачнел.

Вот ведь как бывает!

Тягостно щемило сердце. Видимо, мне не удалось скрыть своего состояния. И генерал Ч., разряжая обстановку, предложил послушать концерт дивизионной самодеятельности.

Собственно, командир дивизии не обязан был ни считаться со мной за рамками моего редакционного задания, ни тем более регистрировать нюансы настроения военного корреспондента. Он мог, конечно, и не встретиться со мной, сославшись для вежливости на занятость. Но генерал Ч., видимо, прочел то, что я писал в «Красной звезде» о дивизии, о ее героях, о Клочкове и Панфилове. Прочел, как оказалось, холодными глазами человека, ревнующего к славе своего предшественника. У меня же он хотел что-то выяснить, узнать, выпытать, но что именно, я до поры до времени не мог понять.

Он был радушен, гостеприимен. Я старательно направлял разговор на тему о воинских традициях, их огромном эмоциональном заряде и сказал, что, наверное, Панфилов уже стал легендой дивизии и одно имя его способно воодушевить бойцов. Генерал Ч. пожал плечами и сухо заметил: литераторы всегда склонны все преувеличивать. Потом, помолчав, он неожиданно спросил, не дружил ли я с Панфиловым до войны. Вопрос этот был не очень логичен, учитывая четвертьвековую разницу в возрасте между мной и покойным генералом.

Но именно это обстоятельство, как я понял, больше всего занимало генерала Ч. Недалекий человек, он искал причин интереса военной общественности к Панфилову где угодно и в чем угодно, только не в самом военном искусстве старого генерала, не в его тонком понимании воинской психологии, не в его великолепном знании души солдата-гражданина.

Мне все стало ясно. Я знал, что ничего не напишу на эту тему, а если и напишу, то не смогу напечатать: слишком неуловимо и зыбко было прегрешение Ч. перед памятью его предшественника. Но мучило меня другое: неужели новому поколению дивизии уже ничего не говорит имя Панфилова, неужели отброшен, отставлен в сторону такой мощный рычаг воинского воспитания, как недавняя еще история подмосковных боев? Если дело обстоит именно так, то об этом-то уж надо будет написать во что бы то ни стало.

4

В дощатом, недавно построенном помещении начался концерт дивизионной самодеятельности,— бойцы пели, плясали, разыгрывали сценки. Сильно доставалось Гитлеру от представителей разговорного жанра. А потом конферансье в звании младшего лейтенанта объявил: «А сейчас выступит известный нам товарищ, гвардии рядовой... наш дивизионный поэт». Фамилию я не расслышал. На сцену вышел невысокий красноармеец с медно-красным от загара лицом, горбоносый, с напряженным взглядом сиявших внутренним жаром глаз. Ястребиным профилем он напоминал молодого вождя племени команчей, каких я в детстве увлеченно рассматривал на страницах иллюстрированных изданий Майн-Рида. Он начал читать на ходу, еще не прислушавшись к слушателям.

— «Котелок»! — внезапно сказал он охрипшим голосом, и в зале зааплодировали. Это было название стихотворения. Молодой команч читал очень громко, отрывисто, подаваясь вперед всем корпусом:

Обронил я во время похода
Котелок на одной из дорог,
Налетевшая сзади подвода
Исковеркала весь котелок.

Пострадал неизменный товарищ,
Превратился в бесформенный
ком.
Это значило — пищу не сваришь,
Не согреешь себя кипятком.

Эти две строфы он прочитал с таким драматизмом, будто речь шла по крайней мере об извержении Везувия или довоенном землетрясении в Ялте. Ощущение разразившейся катастрофы он передал с той степенью достоверности, какая, наверно, и не снилась МХАТу даже в пору его расцвета. Следующие строфы были произнесены в тоне элегического размышления:

Котелок никуда не годится,
Но его я исправил как мог.
И задумали мы убедиться —
Подведет или нет котелок?

Первым долгом картошки
сварили,
В котелке разварилась она.
После этого чай смастерили,
Котелок осушили до дна.

Уже на этих строчках лицо команча стало преображаться и просветлело так, будто он наяву узрел райские кущи. Потом в глазах его появилось лукавство. Голос стал звонче, слова, прежде чем зазвучать, проходили сквозь фильтр широкой улыбки, а кончалось все так:

И в наплыве табачного дыма
Сделал вывод бывалый стрелок,
Что для воина все достижимо,
Лишь бы только варил...—

здесь дивизионный поэт, гвардии рядовой внезапно постучал себя по лбу средним пальцем. В ответ на этот жест раздался жестяной стук сотен пальцев.

Я оглянулся — все, кто сидел в дощатом зале — курносые, плосколицые, раскосые ребята, русские, казахи, киргизы, узбеки,— ухмыляясь, смеясь, хохоча, дружно хлопнули себя по лбам и громово выдохнули расчетливо задержанное чтецом слово:

— Котелок!

Чувствовалось, что не в первый уже раз читает свое стихотворение дивизионный поэт и не впервой солдатская аудитория принимает участие в этом коллективном действе. Все вокруг были оживлены, довольны. Даже хмурый генерал Ч. и тот улыбался.

Худощавый краснокожий поэт метал в зал победоносные взгляды, прохаживался по сцене, охорашивал гимнастерку, стягивал ее на нижней линии пояса с двух сторон назад, так, что она торчала там веничком.

Следующее стихотворение поэт начал читать, не объявляя названия, но уже первые его строчки насторожили зал:

В Киргизии,
В городе Фрунзе,

Наш жанр широк: существуют оперетты, самые противоположные по стилю. Если «Лисистрата» — отличный спектакль условной формы (древние греки, говорящие о современности), то «У моря Обского», созданный и привезенный Новосибирским театром музыкальной комедии, — реалистический спектакль о сегодняшнем дне, о нашей молодежи, о ее мечтах, об учебе, о строительстве.

Новосибирский театр музкомедии — самый молодой в Советском Союзе театр этого жанра, ему всего три года, тем не менее, приехав в столицу, он превосходно выдержал серьезнейший экзамен. Как я уже сказал, спектакль «У моря Обского» создан в Новосибирске. Музыка — окончившего Ленинградскую консерваторию новосибирца Г. Иванова; пьеса — артиста этого театра Ивана Ромашко. Труппа удивительно молода и удивительно талантлива. Хорошо зная обстановку и действующих лиц, которых они изображают, артисты верят в происходящие на сцене события, искренне грустят, радостно смеются, поют свежими, звонкими голосами и отлично танцуют.

Необходимо выделить А. Суркову в труднейшей роли Жени и А. Горелика — Умирашкина.

Музыка Г. Иванова очень эмоциональна, хорошо гармонизирована и оркестрована. Я позволил себе посоветовать молодому композитору прибавить все же яркую песню, с которой бы зритель выходил из театра. Дирижер Б. Чагин умело ведет небольшой, но очень слаженный оркестр.

Постановщик М. Дотлибов (ему же принадлежит и драматургическая редакция пьесы) — изобретательный режиссер. Стройность ансамбля, легкость и деликатность, с которыми играют все исполнители, строгий ритм и темп, в котором идет спектакль,— все это, конечно, его заслуга. М. Дотлибов обладает настоящим чувством жанра. Под его редакторской рукой получилась хорошая пьеса.

Очень удобны декорации художника А. Крюкова. Они дают режиссеру возможность создавать эффектные мизансцены.

Москвичи повидали театры оперетты разные и сильные. Творчество этих коллективов свидетельствует о том, что расцвет советского театрального искусства охватил и наш любимый жанр.

Оперетта «У моря Обского» в Новосибирском театре.

Стильбониде — С. Крупник.

Сцена из спектакля «Лисистрата». Тараксион — М. Водяной. Лампито — М. Демина.

Я памятник видел такой:
Стоит генерал наш Панфилов
С простертой на Запад рукой.

В зал рухнула тишина, какая, бывает, грянет на фронте после внезапно оборвавшейся канонады. Не немота пустоты. Не безмолвие забытого кладбища. Тишина, а в ней все дышит, живет, все напряжено чутким участием.

Тени висячих ламп метались по потолку.

Как умеют люди слушать! Люди слушали.

Он видит дивизию нашу —
Какой это смелый народ,
И с каменных губ генерала
Звучит непреклонно: «Вперед!»

Поэт-красноармеец волновался. Он не декламировал — митинговал. Глаза его горели, он вытянул вперед руки и почти криком прокричал в замерший зал последние строфы:

Гвардейцы,
Вы знаете сами,
Как честно погиб генерал;
Но даже и смертью своею
Он нас воедино собрал.
Его легендарное имя
Недаром присвоено нам,
О нем разрастается слава
По всем четырем сторонам.

Обвалом загремели аплодисменты. Весь зал встал. На лицах бойцов был написан восторг и та чистая самозабвенность, какая рождается в мгновения высокого душевного подъема. Когда остынет человек после такого и спросишь его: что с тобой? — не ответит, смутится, может быть, прикоснется к вам застенчивой улыбкой или пустячным словом отодвинет вопрос, а то вдруг на мгновение отрешенным взглядом уйдет в себя и медленно возвратится из глубины глубин, словно радиоволна, облетевшая весь свет.

Слева от меня совсем молоденький солдат с румянцем во всю щеку яростно бил в ладоши и все повторял:

— От дал! От дал, так дал!

А когда утихло волнение и все, топоча сапогами, стали вновь усаживаться на скамьи, из затихающего зала раздался отчаянно-звенящий голос:

— Ура панфиловцам!

И снова грохнули аплодисменты, и снова, словно поднятые общим для всех сигналом, вскочили люди.

Я посмотрел направо. Генерал Ч. на этот раз аплодировал вместе со всеми. Его полное, без морщинок, гладко выбритое лицо совсем немолодого человека выражало удивление, даже смятение. Он аплодировал застывающими движениями, как в кадрах замедленной киносъемки, все оглядывался по сторонам и назад, а в глазах у него — или мне так показалось — оцепенели слезы. О чем он думал в эти минуты, я не знал да так и не узнал.

Зато я убедился точно: солдатский «котелок» варит хорошо!

5

Поэт-красноармеец прочел тогда стихотворение о Панфилове в первый раз. Я записал его в тот же вечер под диктовку автора, уткнув в колено планшетку, но, может быть, кое-где и описался. Сейчас стихотворение можно найти во многих сборниках этого поэта, так же как и занятный «Котелок». Тогда я, каюсь, мало говорил с ним о литературе, о нем самом,— больше о дивизии, о Панфилове, но на прощание все-таки спросил, давно ли он служит в этом соединении и в каком качестве. И тут выяснились прелюбопытные вещи. Вот что ответил мне человек с лицом молодого команча:

— Я, товарищ батальонный комиссар, прибыл в дивизию самостийно, минуя военкомат. Просто прочитал про подвиг двадцати восьми героев, про генерала Панфилова и захотелось мне послужить в такой дивизии. Я числился негодным к военной службе, был снят с воинского учета. Короче говоря,— и гвардии рядовой неожиданно произнес странное немецко-русское словообразование: — Геен зи по грязи! Так что приехал в дивизию с гражданским паспортом. Как я разыскал ее, как умолял не отправлять меня обратно, рассказывать не буду, вижу, у вас времени немного, генерал вас ждет, а я ведь гвардии рядовой. Так вот, солдатскую книжку мне все-таки выдали, и я вложил ее в паспорт. Наверно, в армии такое явление — единственное в своем роде. Я состою при политотделе дивизии, и моя военная специальность — чтение стихов в полках, батальонах и ротах. Других обязанностей не несу.

— А орден у вас за что? — И я скосил глаза на облупившуюся Красную Звезду на его гимнастерке.

— За то же самое, товарищ батальонный комиссар. За сочинение и чтение стихов. Никаких подвигов я не совершал. Просто за стихи. Сам, как говорится, удивляюсь, но ведь факт. Геен зи по грязи!

В дивизию поэт попал уже после разгрома немцев под Москвой, когда она с боями шла по калининской земле. Генерала Панфилова он не застал в живых, не знал его, никогда не видел.

— Что натолкнуло вас на мысль написать стихи о Панфилове?

— Бойцы очень просили, рядовые бойцы, ну и в политотделе тоже поддержали. Так что, можно сказать, по просьбе народа и партии... Стихи, правда, на троечку, но вот слышали, как принимают. Поэтому я их пока так читать буду, а жив останусь, вернусь к ним когда-нибудь... А вообще я много бы мог вам рассказать о дивизии, но вот вас генерал зовет, а я только гвардии рядовой...

Молодой команч, сверкнув неистовыми глазами, вложил в последнюю фразу столько яда, наверно, смертоносного «кураре», что его хватило бы для изготовления целого колчана отравленных стрел. Но мне и в самом деле нужно было договорить с генералом. Поэтому я, протянув команчу руку, сказал:

— Ну, зачем же так... Мы с вами увидимся еще до того, как вы станете генералом. Завтра хотя бы...

Генералом этот молодой команч так и не стал. Зато стал известным поэтом и сатириком-эпиграмматистом Сергеем Васильевичем Смирновым. Когда мы встречаемся с несколько располневшим команчем в редакциях, в Доме литераторов или на улице, то неизменно обмениваемся загадочным, как и в ту далекую пору, восклицанием: «Геен зи по грязи!»

Через несколько дней я возвращался из дивизии в Москву, в редакцию. Ехал по той же самой «лежневке». Снова и снова мысли мои возвращались к Панфилову, но теперь ничто уже их не тревожило, кроме глухой, неиссякающей и потому уже как бы привычной боли утраты.

ЛЕДЯНЫЕ ШАПКИ

Острые пики гор на Тянь-Шане — одни из высочайших в нашей стране. Только на Памире есть вершина, которая на 56 метров превосходит самую высокую точку Тянь-Шаня. Ледники, большие и малые, украшают бескрайние ряды гор, то сползая с них блестящими белыми лентами в 50—60 километров длиной, то падая ледопадами.

На Тянь-Шане часто услышишь слово «сырты». Это высокогорные плато, которые дают прекрасный корм отарам. Овальные горки, словно каравайчики, усеивают ровную поверхность сыртов. Но горки только кажутся небольшими. Они достигают четырех тысяч метров над уровнем моря. Горки покрыты ледниками, которые ученые называют ледниками плоских вершин. У них много сходного с ледниками Земли Франца-Иосифа, где белые купола, словно шапками, одевают целые острова.

Профессор Н. Н. СУШКИНА

ЖИВЫЕ КОРНИ

Карел Флейшман живет в чешской деревне Осврачин. Он более двадцати лет проработал шофером. Тяжелая болезнь приковала Флейшмана к постели. Но он не сдался...

Посмотрите, какие забавные фигурки из дерева сделал К. Флейшман. Веточка, корень, сучок — вот материалы, которыми пользуется человек в своей работе. Несколько работ К. Флейшмана выставлены в музее в Татранской Ломнице.

Эрвин ШООШ

Братислава.

НЕ ЛЮБЯТ...

Владимир ЛИФШИЦ

Вот уже седьмой год я работаю начальником планового отдела, а до этого двенадцать лет прослужил рядовым плановиком. Так что вопросы планирования известны мне досконально.

С прежним директором мы жили душа в душу. На многое не размахивались, от других не отставали. И если к концу года гденибудь затирало, всегда находились небольшие резервы, припасенные на черный день...

С приходом нового директора начались осложнения. Он вызвал меня со всей документацией и сделал строгое внушение по поводу этих самых резервов.

— Товарищ директор,— сказал я ему,— план не догма, а руководство к действию.

— Мне эта формула известна,— сказал директор.— Но только запомните раз навсегда: для меня он не догма лишь в том случае, если мы можем его перевыполнить. Идите.

Я воспользовался разрешением, вышел из кабинета и, вернувшись в отдел, стал подсчитывать на арифмометре годы своего трудового стажа. Выяснилось, что до пенсии уже недалеко. Это облегчало положение. И все-таки мне стало грустно оттого, что я навсегда отсюда уйду. Что ни говорите, а здесь, в отделе, я провел почти два десятка лет. Много сменилось за это время людей: одни уходили, другие приходили. Правда, никого я отчетливо не запомнил, даже Маргариту Васильевну, старшего экономиста, которой я сделал в свое время предложение и получил отказ.

Размышляя о том, что вскоре меня здесь уже не будет, я начал незаметно разглядывать своих сослуживцев. То, что они меня не любят, я знал и прежде, но только сейчас впервые подумал: «А, собственно, за что?..»

Я человек честный, абсолютно порядочный. Я требователен, но справедлив. Дисциплинирован сам, того же добиваюсь от подчиненных. Для меня все равны. Вот вам пример.

Недавно опоздала на работу Клавдия Георгиевна Татьяничева. И хотя она самый старый наш сотрудник, я не сделал для нее исключения. Подозвал к своему столу, дал ей немножко постоять, а затем сурово отчитал.

— Я, конечно, виновата,— сказала Клавдия Георгиевна,— заболел внук, вызвали врача, надо было...

— Простите, Клавдия Георгиевна, у нас работаете вы, а не ваш внук.

— Но ведь причина...

— Меня интересует не причина, а факт. Домашними вашими делами, если понадобится, займемся в неслужебное время.

— Не понадобится,— сказала Клавдия Георгиевна. И знаете, что она еще добавила?

— У меня к вам большая просьба. Когда вы делаете мне выговор, не ковыряйте, пожалуйста, карандашом в ухе. Я подвержена тошнотам...

Ничего, скоро уйду на пенсию.

БЫВАЮТ ЛИ КУРИНЫЕ ГУСИ?

Куриный гусь.

В коллекции Московского зоопарка больше трех тысяч диких животных. Она постоянно пополняется в результате покупок и обмена, а нередко мы получаем и просто подарки. На одной из вольер надпись: «Не демонстрировались в зоопарке более 50 последних лет». Что же это за редкость? Читаем дальше: «Дрофы, птицы, обитающие в наших степях, подарок ученицы средней школы № 3 г. Михайловка, Волгоградской области, Нины Пайчадзе». Нина — большая любительница животных. В позапрошлом году охотники в густых степных травах поймали птенца дрофы и подарили его Нине, а в прошлом году им попался еще один дрофенок. Нина заботливо выхаживала малышей, кормила их семенами, зернами, червячками и даже мясом и вырастила крупных и красивых птиц. Естественно, что мы не отказались от замечательного подарка.

У дроф длинные ноги, летают они плохо, но зато могут быстро бегать. Птицы живут группами, и в степи их издали легко принять за стадо баранов. Подойдешь близко, а «бараны» вдруг громко захлопают крыльями и улетят. Мясо дроф очень вкусное, но охота сейчас на них ограничена, чтобы сохранить степных красавиц.

* * *

Если вас спросят, бывают ли гусиные куры, смело отвечайте: нет. А, наоборот, куриные гуси? Представьте себе, что да. Этих очень редких гусей мы недавно получили из далекой Тасмании. Внешне они больше похожи на гусей, но на лапах у них небольшие перепонки и длинные когти, а шея короткая и толстая. Плавают и летают эти птицы плохо и

Росомаха Роза.

бо́льшую часть времени проводят на суше, за что и получили странное двойное название. В начале нашего века из-за вкусного мяса куриные гуси были почти полностью истреблены колонистами и местным населением. Пробовали разводить их в неволе, но ничего не получилось. На воле этих птиц осталось немного. Характер у птиц строптивый, гусаки не боятся нападать даже на человека.

* * *

Черные какаду, прибывшие из Северной Австралии, — одни из самых крупных попугаев. Они с нашего ворона, и окраска похожа. Все оперение и большой хохол на голове — черные со стальным отливом, черные также лапы и клюв, щеки ярко-красные, без перьев. И не только величиной и резкой окраской знаменит этот какаду. Ни одна из птиц не может помериться с ним силою клюва. Черный какаду питается разными плодами, семенами и особенно любит орехи канарского дерева, которые никто из других птиц раскусить не может. Интересно, что кричит черный какаду громко и пронзительно, но при малейшей опасности моментально замолкает и улетает совершенно бесшумно.

* * *

А вот новосел из Центральной Африки — клювач, или лесной аист. Живут эти птицы по берегам водоемов большими стадами. Не случайно они так общительны. Во время кормежки голенастая орава выбирает мелководье и начинает дикую пляску. Птицы бегают, прыгают на месте, кружатся. Вода становится мутной, со дна поднимаются ил и водоросли, а с ними — рыба, лягушки, черепахи, водяные змеи, маленькие крокодильчики, насекомые. Вот тут-то и начинается пиршество клювачей. Насытившись, вся орава вылезает на берег и долго греется на солнце. Птицы тщательно очищают перышки от соринок, а потом — в воду.

* * *

Появились гости и в аквариуме. Рыбка пантодон из Африки интересна тем, что все время держится у поверхности воды и никогда не опускается на дно. Днем пантодоны прячутся среди зелени, а с наступлением темноты выплывают на охоту за комарами, мухами и другими насекомыми, выпрыгивая сантиметров на 20—30. В гимнастических упражнениях пантодону помогают большие крылообразные грудные плавники. Лучеобразный брюшной плавничок, длинный хвост, сплющенный корпус, удлиненные ноздри и большие глаза придают рыбке фантастический вид, и многие из посетителей сомневаются, рыбы ли это. Недаром у любителей аквариума пантодон величается водяной бабочкой.

* * *

Сибирская росомаха невелика ростом, со среднюю собаку, но коварства и злобности у нее хоть отбавляй. В Печоро-Илычском заповеднике росомаха загрызла лося, причем лось весил 160 килограммов, а хищница — всего... семь.

Росомаха причиняет огромный вред, уничтожая ценных копытных животных, промысловых и певчих птиц, их гнезда, много других полезных животных. Охотники ее ненавидят и вместе с тем мало на нее охотятся. Почему? Потому что росомаха малочисленна, живет в одиночку, выследить ее трудно, а шкура у нее неценная. Непригодно и мясо.

Таежные старожилы рассказывали мне, как хитрый зверь преследует их при расстановке капканов и ловко вынимает из них приманку, а то и добычу. Когда охотники на промысле, звери забираются через крыши и окна в избушки, в сараи с продуктами и пушниной, громят там все беспощадно. Бывали случаи, когда звери утаскивали не только съестное, а и запасные ружья, топоры, молотки, клещи.

У нашей росомахи Розы тоже нелюдимый характер. Если она и подходит близко к решетке, то с намерением схватить лапой или зубами. Весела она только тогда, когда ей поставят большое корыто с водой: Роза любит купаться.

* * *

На площадке молодняка — необычные гости: самые знаменитые в мире собаки. Узнаете четвероногих космонавтов? Чернушка и Звездочка, Малышка и Жулька. Рядом с ними — дети Стрелки: Тишка, Кудряшка, Рыжик, Динга, Забава. Собаки очень веселые, чувствуют себя прекрасно. Целые дни вокруг них толпятся ребятишки.

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка

Фото Ан. АНЖАНОВА и О. КНОРРИНГА.

Клювач.

Четвероногие космонавты.

Может быть, вы думаете, что я черствый сухарь, лишенный человеческих чувств? Ошибаетесь. У меня в отделе с чуткостью обстоит совсем не плохо. Если кто-нибудь заболевает, я лично посылаю сотрудника навестить заболевшего. Разговаривая с подчиненным, я не забываю сказать ему что-нибудь душевное, сердечное. Увидел, например, что Никодим Матвеич осунулся — посоветовал ему на всякий случай обратиться в онкологический институт. Когда статистик Маша Егорова оказалась в интересном положении, я каждое утро добродушно, по-отцовски подшучивал насчет ее талии. Почему-то мои советы людей пугают, а шутки не смешат.

У меня есть прозвище. Узнал я об этом случайно. Дело в том, что в обеденный перерыв, когда все уходят в столовую, я остаюсь за своим столом и ровно в час — минута в минуту — съедаю стакан кефира... Как-то прошлым летом я узнал, что молодежь моего отдела сговаривается поехать в воскресенье на загородную прогулку. Решил присоединиться: на лоне природы легче сходишься с людьми. Мое намерение энтузиазма у них не вызвало, я услышал, как кто-то кому-то сказал:

— Поздравляю, он едет с нами.

— Кто?

— «Кефир на час»...

Приехали в Голицыно. Расположились на лесной опушке. Выпили пива. Закусили. Вижу, все какие-то натянутые. Я говорю:

— Веселитесь, товарищи, не стесняйтесь. Здесь я вам не начальник, а такой же рядовой винтик.

А веселья все не получается. Тогда я прошу Машу Егорову (Игорь за ней еще только ухаживал) сыграть на гитаре и спеть. Она отказывается. А гитару, между прочим, с собой зачем-то привезла. Я прямо-таки насильно втиснул ей в руки эту гитару.

— Спойте, спойте! Ничто так не действует на молодых людей, как цыганские романсы...— Это я шучу, намекаю насчет Игоря.

Смутились оба... Поупрямилась она немножко, а потом спела. Все захлопали. Я тоже. И говорю ей:

— Голосок у вас, Машенька, прямо скажем, не ахти. Но мило, очень мило...

Она отложила гитару и сказала, что поедет домой.

А с Игорем у меня было потом небольшое столкновение. Он взял в привычку ставить на стол Егоровой то цветы, то березовые ветки, вроде веника. Я терпел. Наконец спрашиваю:

— Что это такое?

—Это ветки молодой березки,— говорит Игорь.— Вы что-нибудь имеете против?

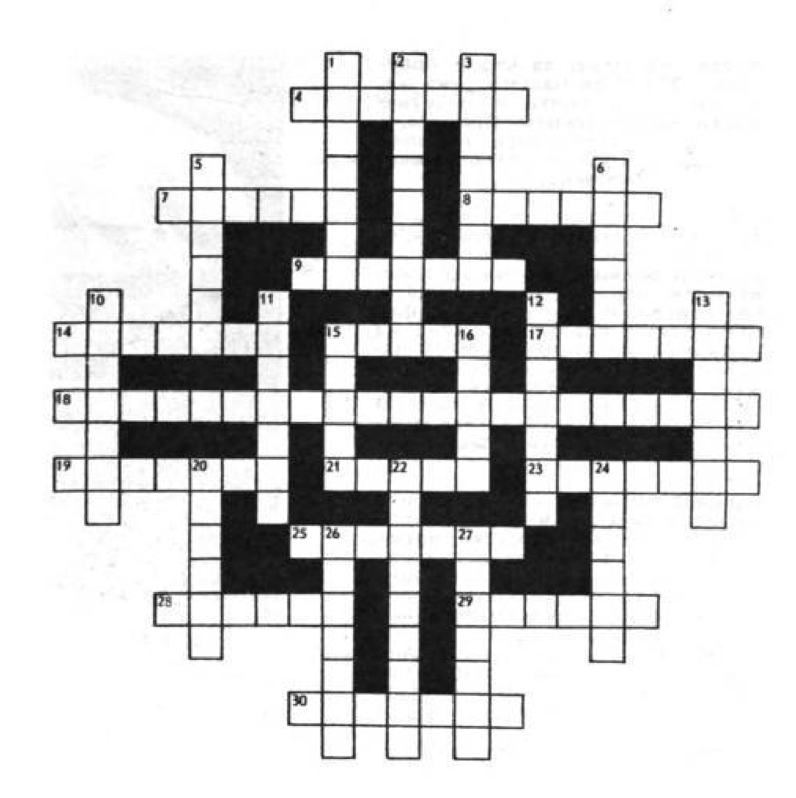
— Имею. Здесь плановый отдел, а не баня. А вам, Егорова,— это я уже ей говорю,— следовало бы носить платья с длинными рукавами. Здесь плановый отдел, а не кафешантан.

Дошло до нее, даже слезы на глазах показались. А Игорь побледнел и говорит:

— Насколько мне известно, длина рукавов никакими инструкциями не предусмотрена. А почему вам не нравится березка, это я тоже понимаю. Вы предпочитаете липу.

Что он хотел этим сказать?

Нет, не любят меня в отделе. Выйду на пенсию, буду читать журнал «Здоровье», ходить в кино и посещать бракоразводные процессы.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Автор картины «Золотая осень». 7. Дымка. 8. Равновесие. 9. Тригонометрическая функция. 14. Город в Узбекистане. 15. Небольшой горный кряж. 17. Река в США. 18. Место или предмет, заслуживающие особого внимания. 19. Французский писатель. 21. Часть парашюта. 23. Учащийся высшего учебного заведения. 25. Удостоверение личности. 28. Ряд ламп для освещения сцены. 29. Детская газета в Белоруссии. 30. Инструмент для резания.

По вертикали:

1. Вид энергии. 2. Совокупность наук о языке и письменности. 3. Старинный экипаж. 5. Игра-загадка. 6. Подстрочное примечание. 10. Дорожная принадлежность. 11. Промышленное предприятие. 12. Груз для устойчивости судна. 13. Молочный продукт. 15. Подвесная сетка. 16. Смазочное масло. 20. Сигнал. 22. Лесная птица. 24. Моллюск. 26. Советский авиаконструктор 27. Товар, продаваемый поштучно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

5. Бабанова. 7. Позитрон. 8. Пилот. 10. Кивач. 11. Прянишников. 14. Аракс. 16. Фаэтон. 17. Тюбинг. 18. Куприт. 19. Нельма. 20. Амеба. 24. Стерлитамак. 27. Саяны. 28. Ярлык. 29. Мостовая. 30. Наличник.

По вертикали:

1. Радий. 2. Галоп. 3. Отлив. 4. Горал. 6. Арбитр. 7. Парник. 9. «Трактористы». 10. «Колыбельная». 12. Чианури. 13. Динамик. 14. «Анюта». 15. Стена. 21. Молния. 22. Боткин. 23. Фасон. 24. Сныть. 25. Круча. 26. Пыжик.

На первой и последней страницах обложки:
На Бородинском поле.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00556 Подписано к печати 3/X 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1677. Заказ № 2675.

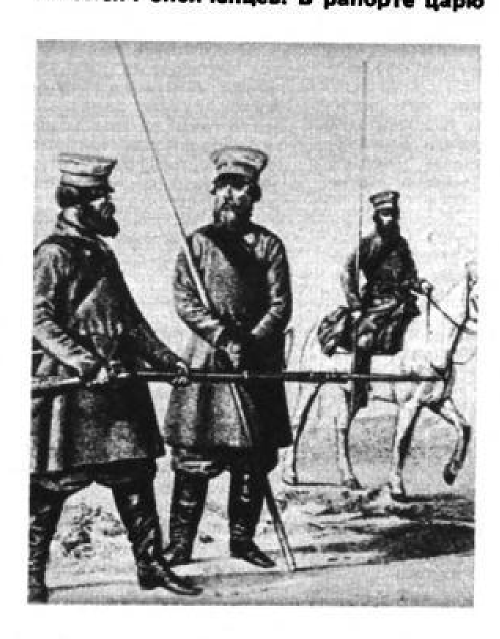
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

В Москве, на Комсомольском проспекте, стоит здание бывших Хамовнических казарм. Здесь в 1812 году находился центр формирования народного ополчения.

Трудовой народ отдавал последнюю копейку на снаряжение ратников. Нам известны простой горожанин Карп Николаевич Смирнов, пожертвовавший «на образование военной силы» ружье со штыком, бобыль Федор Анучин, отдавший 68 аршин холста, крепостной графа Шереметева Назар Бетин, подаривший 150 шитых холстинных рубах.

Запись добровольцев была обставлена празднично. На Новинском бульваре, в Марьиной роще, поставили нарядные палатки. Внутри они были украшены оружием, в центре — на столе, прикрытом красным сукном, лежала пунцовая бархатная книга, в которую вносились имена добровольцев. Хамовнические казармы служили сборным пунктом народного ополчения. За короткое время сформировали 11 полков — 30 тысяч человек. Ополчение возглавил граф Морков (Марков). В Бородинском бою участвовало 10 тысяч ополченцев. В рапорте царю

Кутузов особо отметил заслуги ополчения. Он писал, что оно оказывало величайшую пользу в сражении.

И. ПЕТРОВА,
И. НИКОЛАЕВА

РЕДКИЕ МАРКИ

В 1912 году общественность России торжественно отметила столетие Отечественной войны. Краснянское земство Смоленской губернии к юбилею выпустило серию марок с изображением эпизодов сражений под Красным. На этих марках показаны подвиги русских войск под командованием М. А. Милорадовича и Д. П. Неверовского.

Е. ПАЛЬЧЕВСКИЙ

Лубны.

БОРОДИНО

П. БУНИН

Рисунки из серии «БОРОДИНО»

НОВИНКИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗ НОМЕРА В НОМЕР ПУБЛИКУЕТ ЖУРНАЛ

«Октябрь» — один из старейших литературно-художественных журналов. 1963 год — сороковой год его существования. «Октябрь» создан по инициативе Дмитрия Фурманова.

В ПЕРВЫХ НОМЕРАХ БУДУЩЕГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ:

Антонина КОПТЯЕВА. ДАР ЗЕМЛИ. Роман посвящен проблемам отцов и детей, семьи, брака, дружбы и любви. «Дар земли» — широкое, многоплановое полотно о жизни и труде нефтяников Поволжья.

Даниил КРАМИНОВ. АМУР И ЧЕРЕПАХА. Роман о жизни современной Америки, о тех, кто увлечен погоней за наживой, за «золотым амуром», который является, по выражению одного американского поэта, «подлейшим из амуров».

Роман КИМ. КТО УКРАЛ ПУННАКАНА? Повесть. Автор рассказывает о том, как враги мира готовят «психологическую» войну против лагеря социализма. Эта приключенческая повесть имеет документальную основу.

ДЛЯ «ОКТЯБРЯ» ЗАВЕРШАЮТ НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ:

Андрей БЛИНОВ. ТЕБЯ ЖДУТ ВСЮДУ. Роман.
Александр ДРОЗДОВ. УЛЫБКА ДЕВОЧКИ. Повесть.
Виталий ЗАКРУТКИН. СОТВОРЕНИЕ МИРА. Вторая книга романа.
Илья КОНСТАНТИНОВСКИЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В БУХАРЕСТ. Повесть.
Лев НИКУЛИН. МАРШАЛ ТУХАЧЕВСКИЙ. Документальная повесть.
Николай СИЗОВ. ТРУДНЫЙ ГОД. Роман.
Вадим СОБКО. СЕРЕБРЯНЫЙ КОРАБЛЬ. Повесть.
Александр ЧУЖМИР. МОСТ. Повесть.
Мариэтта ШАГИНЯН. ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ. Повесть.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ широко представлена в «Октябре». С новыми поэмами и стихами выступят **Павел АНТОКОЛЬСКИЙ, Николай АСЕЕВ, Сергей ВАСИЛЬЕВ, Николай ГРИБАЧЕВ, Егор ИСАЕВ, Александр ПРОКОФЬЕВ, Николай РЫЛЕНКОВ, Илья СЕЛЬВИНСКИЙ, Сергей СМИРНОВ, Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА, Василий ФЕДОРОВ, Владимир ЦЫБИН** и другие.

«С УЛЫБКОЙ» — так называется в «Октябре» отдел юмора и сатиры. В нем публикуются юмористические и сатирические повести, пьесы, рассказы, фельетоны, басни, пародии. В этом отделе сотрудничают **Виктор АРДОВ, Владимир ДЫХОВИЧНЫЙ, Варвара КАРБОВСКАЯ, Марк ЛАНСКОЙ, Борис ЛАСКИН, Леонид ЛЕНЧ, Владимир ЛИФШИЦ, Сергей МИХАЛКОВ, Борис ПРИВАЛОВ, Владимир САНИН, Морис СЛОБОДСКОЙ** и другие.

КЛУБ «ОКТЯБРЯ» — отдел дискуссий по вопросам коммунистической нравственности, развития литературы и искусства. Дискуссии проводятся в рабочих и сельских клубах, в Домах культуры.

В «ТРИБУНЕ ЖИЗНИ» обсуждаются актуальные проблемы промышленности, сельского хозяйства и культуры.

«ЗА РУБЕЖОМ» — очерки, статьи, заметки о жизни зарубежных стран. В 1963 году редакция намерена опубликовать цикл памфлетов, написанных известными советскими публицистами.

«СПОРЫ О КНИГАХ» стали постоянными в «Октябре». Здесь высказываются разные точки зрения на новые произведения советской литературы. В этих спорах участвуют и читатели.

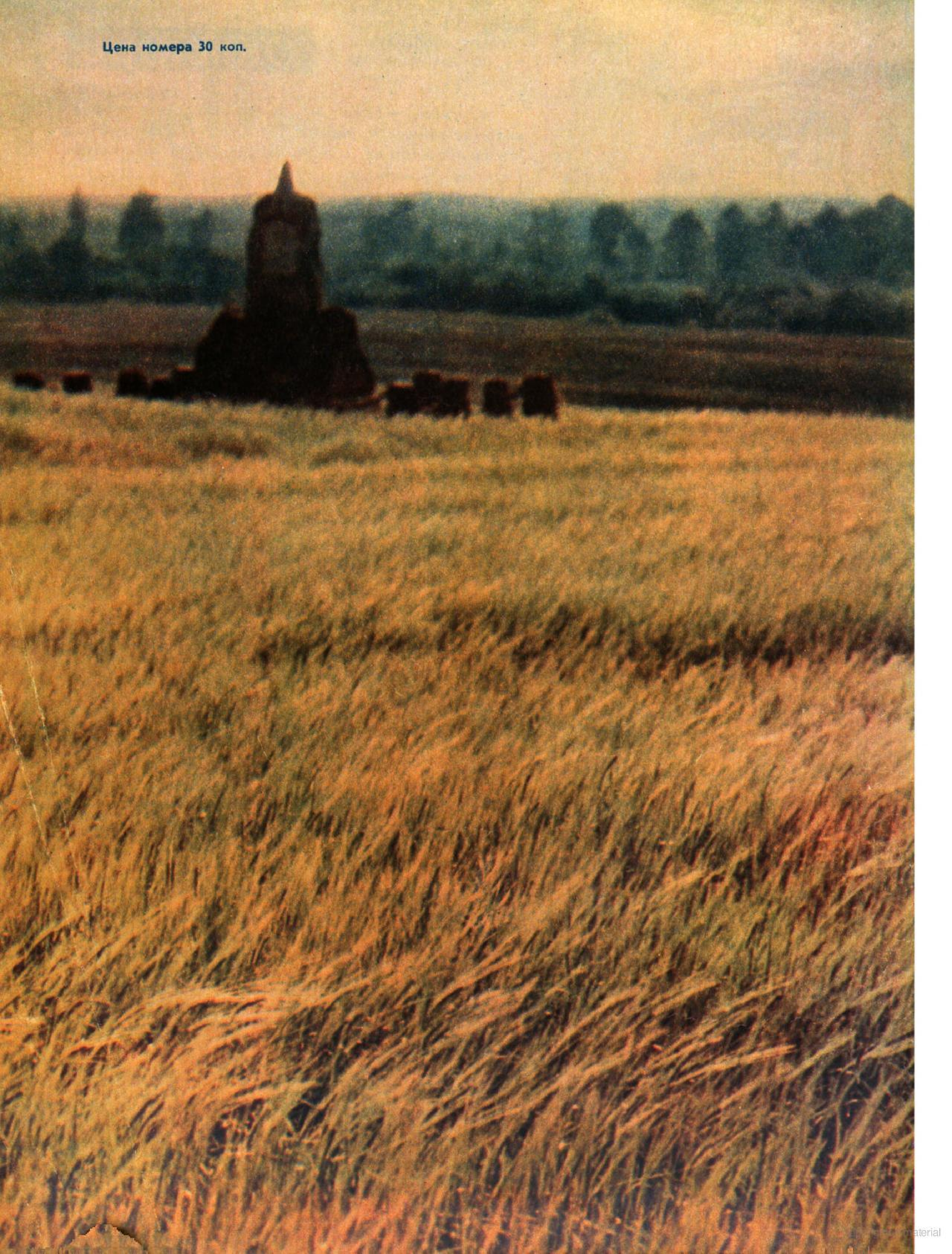
БИБЛИОГРАФИЯ широко представлена в журнале. Кроме того, публикуются обзорные статьи и заметки литературоведов и критиков.

«ОКТЯБРЬ» печатает также очерки о новейших научных достижениях, об искусстве, ответы писателей на письма читателей.

ПОДПИСКА на журнал «Октябрь» производится повсеместно, без ограничений, начиная с любого месяца, во всех почтовых отделениях и конторах связи, а также общественными распространителями печати на фабриках, заводах, в учреждениях и учебных заведениях.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА ГОД — 6 РУБЛЕЙ,
НА ПОЛГОДА — 3 РУБЛЯ,
НА ТРИ МЕСЯЦА — 1 РУБ. 50 КОП.

Издательство «ПРАВДА»

Цена номера 30 коп.